

НАШИ ДНИ

№ 33

1964

Журнал «Наши дни» является свободной трибуной российской политической оппозиции. Мы освещаем в нем те общественно-политические вопросы, которыми живет наша современность. Только при свободном обмене мнений утвердится основа здорового и благоустроенного общества, построенного на праве, свободе и солидарном сотрудничестве всех сил народа.

Мы передаем этот журнал в руки наших соотечественников, призывая их к активному участию в раскрытии и определении новых политических и духовных форм нашей общественной жизни.

Страницы нашего журнала открыты для всех, кому дорога судьба нашей родины. Мы ждем ваших откликов и вашего сотрудничества. Пишите нам по адресу:

**„Naschi dni“ c/o Possev-Verlag, Frankfurt/M.-Sossenheim,
Flurscheideweg 5**

Редакция

НАШИ ДНИ

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

IX-ый год издания

*Издание Народно-Трудового Союза
(российских солидаристов)*

№ 33

1964

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая. Не вполголоса и не полуправду	3
Р. Редлих. Миф об эволюции советской власти и хрущевская политика сдерживания	7
Е. Гаранин. Деревня ждет реформ	24
В. Сергеев. «Правые» и «левые»	49
А. Николлин. В тупике неосуществимых задач	59
Г. Гинс. Современный капитализм и предстоящая эпоха. (Философия солидаризма)	71
А. Неймирок. Борьба с человечностью и борьба за человечность	94
Патриция Блейк. Встречи с советскими писателями	102

Портреты выдающихся современников

Р. Р. Власть и право. Из работ проф. Б. П. Вышеславцева	123
---	-----

Библиография

В. Самарин. Труд, который надо продолжать	140
Б. Л. О книге А. Гулевича «Царский режим и революция»	142
У. П. Генрих Бёлль о христианстве	143
С. Кирсанов. Морис Хиндус «Дом без крыши»	145

Не вполголоса и не полуправду!

Начнем сначала. Когда умер Сталин, блатные на Воркуте сформулировали свое мнение просто: «Собака сдохла, амнистия будет!». И прогноз оправдался: амнистия последовала скоро, и продолжается до сих пор. Амнистированы ведь не только блатные, но и те, кого на сталинскую мерку обязательно следовало бы посадить. Власть ведь отлично знает, что Н. С. Хрущева называют «Никиткой», и «кукурузником», и не сажает за это; стилиги разгуливают по улице Горького; молодежная оппозиция проповедует свое художественное кредо на выставках и издает рукописные сборники с призывами «доломать гнилую тюрьму государства». Власть это знает и терпит. По классическим партийным понятиям это — амнистия в кредит.

Начиная с пятидесят третьего года, СССР все меньше похож на юрвелловскую Океанию. Положение все больше удаляется от того царства активной несвободы, к которому оно стремилось при Сталине. Народ сумел воспользоваться амнистией. Прав ни у кого не прибавилось, сталинская «Конституция СССР» попрежнему основной закон партийного государства, но «возврата к сталинщине не будет!» — это всеобщее убеждение, объективно ни на чем не основано, но даже установление единоличной диктатуры сталинского соратника Хрущева несколько его не колеблет. Это убеждение основано не на фактах, а на интуитивной уверенности, что тоталитаризм умер вместе со Сталиным.

Традиция и техника властвования остались сталинскими и посадили Хрущева на пустующий трон партийного владыки. Но этот очевидный факт до сих пор оспаривается людьми умными и проницательными, подчас с тем большей страстностью, чем лучше они понимают природу большевистского тоталитаризма.

— «Нет, Хрущев не диктатор!» — это казалось бы неплое заявление не должно нас раздражать и выводить из терпения. Оно обосновано не опереточностью фигуры Хрущева и не мнимым проникновением в тайны внутрипартий-

ной борьбы, хоть, к сожалению, порой и склонно черпать свои доводы из этой, не относящейся к делу, области. Оно коренится в неправильном ощущении послесталинского взаимоотношения между народом и властью, исключающего возможность регенерации тоталитарного начала. Хрущев, конечно, диктатор, но вовсе не вроде Сталина. Хрущев истерик, актер, демагог; довольно гнусная смесь из Гитлера, Нассера, Сукарно и Муссолини.

Хрущевская диктатура не так страшна, как сталинская, потому, что люди ее меньше боятся. Дело здесь не в личности, не в полномочиях, не в действиях, дело в природе власти. Ведь власть это взаимоотношение, которое может быть нарушено не только властвующим, но и подвластным. Оно нарушено не Хрущевым, оно нарушено подвластными — партией и народом.

«Возврата к сталинщине быть не может!», а следовательно Хрущев не диктатор!» надо воспринимать лишь как неловко сформулированное отрицание столь же неловкой формулы «установление единоличной диктатуры Хрущева означает возврат к сталинскому тоталитаризму.» Как будто каждая диктатура непременно должна стать тоталитарной!

Гораздо правильнее было бы сказать: «диктатура Хрущева лишена тоталитарного начала, что исключает возможность возвращения к сталинщине», а, уточняя, прибавить: «война расшатала основы сталинского страха, смерть Сталина вывела к власти новый класс партийной бюрократии, послесталинская амнистия раскрепостила волю к свободе и сейчас эта воля владеет народом и заставляет его искать форму нетоталитарного управления.»

Этим исканием определяется на сегодня подлинное общественное мнение России. А мнение это — политический факт первостепенного значения.

Лучше всего это понимают внизу, в народе. До нас доходят лишь глухие отзвуки того влияния, которое имеют бывшие заключенные, уцелевшие власовцы, люди, жившие под немецкой оккупацией, а потом в лагерях и ссылках, и успевшие хорошо продумать свое отношение к партийной диктатуре. Для этих людей теперешние властители России суть сталинские последыши и ничего более. Эти люди абсолютно нечувствительны к обещаниям и уговорам Хрущева; распространяемые сверху мифы и фикции они принимают за то, что они есть, и разоблачают их беспощадно.

Эти люди не отверженные одиночки. Широкая масса по собственному опыту умеет оценивать политику КПСС и оценка эта совпадает с оценкой освободившихся заключенных. Думается, что в народных низах никто не строит себе иллюзий, понимая, что некоторое облегчение, наступившее после смерти Сталина, вырвано обстоятельствами и не значит, что партия всерьез собирается облегчить участь народа. Отношение к партийной диктатуре здесь закончено и необратимо. Приговор произнесен окончательно и обжалованию не подлежит.

И лицемерная «борьба с культом», и все «крутые подъемы» и «мирное сосуществование», и даже полемика с китайскими руководителями — безнадежные попытки изменить этот приговор. Политика же Хрущева (тоже, хорош диктатор!) сводится, по сути дела, к тому, чтобы оттянуть его исполнение. И грустно, и жалко, что значительная часть нашей интеллигенции все еще не понимает этого достаточно ясно.

Грустно и жалко читать (кстати, хорошие) стихи Вознесенского, в которых он, восхваляя Ленина, пытается потрафить партии. Грустно и жалко видеть, что многие еще из нашей интеллигенции считают неизбежным притворяться коммунистами и делать вид, будто верят в добрые намерения хрущевского руководства. Поставленные во главе народа, люди мысли обязаны знать об отношении народа и к партии, и к дружинникам, и к космическим полетам, и к очередным обещаниям Хрущева, и к самому Хрущеву. Думается, что в народе проснулась уже не только воля к свободе, но и воля к правде, и что воля к правде требует от интеллигенции отказа от сталинского духовного приспособленчества.

Ведь когда, при Сталине, какой-нибудь старорежимный профессор «воровато протаскивал на свои лекции буржуазные идейки и теориейки», это было понятно и, если хотите, оправдано. Но когда современный писатель или ученый маскирует свои мысли и чувства под коммунизм, он без всякой нужды демонстрирует лишь пережитки сталинизма в сознании. Солженицын не должен был писать «Для пользы дела», даже по просьбе Твардовского; Шостаковичу не было никакой нужды разыгрывать правоверного коммуниста перед американцами; Солоухин же отлично мог воздержаться от выступления против абстрактной живописи на страницах «Литературной газеты».

Разумеется, прав ни у кого не прибавилось. Но время ак-

тивной несвободы прошло, а следовательно, прошло и время подличагь.

Мы совершенно согласны с формулировкой кинорежиссера Ромма на совещании работников театра и кино в марте прошлого года.

«...в конце концов, сейчас никого не арестовывают, и пока Хрущев жив, не будут арестовывать. Это совершенно ясно, сажать никого не будут, работать не запретят, из Москвы не выгонят и заработной платы не лишат. И вообще, больших неприятностей, таких, как в «те» времена, не будет.»

Малые же неприятности, нам кажется, во имя свободы и правды можно бы и перенести.

И пусть Хрущев — опытный ловкий политик, — о нем ниже в номере, — но время Хрущева — переходное время, а задача растянуть его в бесконечность, задача неразрешимая.

Мы думаем, что час, когда надо будет говорить полным голосом, оттягивается не только партией. Он оттягивается и теми, кто немужественно и безответственно пытается перетолковать на свой лад партийные указания и, приспособившись к ним, вполголоса говорить полуправду.

Наш народ осмелел настолько, что приходится покупать зерно в Америке. Нашей интеллигенции тоже пора бы быть посмелей, пора бы осознать свою ответственность, чтобы не раскаиваться потом, вспоминая, вместе с Евтушенко о том,

«Что я сказал, но был сказать не должен,

Что не сказал, но должен был сказать.»

В России нет свободы печати, но кто скажет, что в ней нет свободы мысли?

Прежде всего, важно быть честным. Это значит: не врать и не становиться предателем. Иногда это требует мужества, которое надо иметь. Остальное — приложится.

А. ВОЛЬПИН-ЕСЕНИН.

Миф об эволюции советской власти и хрущевская политика сдерживания

Р. Редлик

Стратегия сдерживания и тактика колебаний

Во всем мире, включая и сам Советский Союз, широко распространено мнение: сталинское время прошло и не вернется, страна находится на пути изживания сталинского наследия. Вопрос только сроков, но, очевидно, уже в ближайшие десятилетия СССР неизбежно превратится обратно в Россию, в стране установится некий «нормальный строй», «железный занавес» распадется, и от советской власти останется в России примерно столько же, сколько от свободного предпринимательства в Америке.

Миф об «эволюции советской власти» стар, как сама советская власть. Он — типичное порождение того, что по-английски метко называется «вишфуль синкинг» — врожденной человеку склонности принимать чаемое за сущее. Он неистребим именно в силу этой склонности.

Миф об эволюции всегда был полезен коммунистической власти, и то, что при Сталине высказывать его в Советском Союзе значило совершать «вылазку классового врага», ничуть не мешало Литвинову пользоваться им в Лиге Наций. Но при Сталине миф этот был все же лишь вспомогательным оружием. Только теперь, при Хрущеве, он стал, не высказываемой, разумеется, открыто, но едва ли не главной идейной опорой власти.

На вопрос «на чем держится послесталинская власть?» можно ответить кратко: на мифе о собственном перерождении. Этот миф — дымовая завеса, которой власть до сих пор успешно прикрывает свои маневры как во внешней, так и во внутренней политике.

Разумеется, и Хрущев, и партийная верхушка, и весь сегодняшний советский строй находится под сильнейшим давлением желаний, порождающих этот миф. Разумеется,

эти желания отлично известны, и политика сдерживания, о которой пойдет здесь речь, выработана под давлением этих желаний. Но тем не менее политика Хрущева отнюдь не беспорядочное отступление от коммунизма, а целесообразная, продуманная политика. В лице Хрущева мы имеем дело не с добрым дядей, осторожно, без потрясений ведущим страну к чаемому «нормальному строю», но и не со случайным временщиком, безрассудно расходуя сталинское наследство. Хрущев — верткий и чуткий политик, не столько умом, сколько всем нутром понимающий, что политика — лишь «искусство возможного», и скорее бессознательно, чем сознательно, выработавший спасительную и для него и для коммунистической власти стратегию сдерживания и тактику колебаний, заменившую сталинский строй активной несвободы и превентивного террора.

Останавливаться на вопросе, как строилась и на чем держалась сталинская власть, мы не будем. Это достаточно известно. Но разобраться в вопросе, на чем держится коммунистическая власть сейчас, можно лишь, исходя из сталинского наследства, т. е. поставив вопрос: что осталось, как было при Сталине, а что перестроено и как именно перестроено.

Начнем сверху. Как при Сталине, так и теперь единственная творческая инстанция, призванная разрабатывать внешнюю и внутреннюю политику, принимать творческие решения и давать указания огромному партийно-государственному аппарату, это руководящая верхушка партии во главе с Хрущевым. Эта верхушка, как и при Сталине, составляет замкнутую олигархию, связанную ясно осознанной волей к сохранению своего положения, готовую ради сохранения власти пользоваться любыми средствами и понимающую, что советская власть построена на безраздельной политической, хозяйственной и идейно-культурной монополии.

Как и при Сталине, именно эта верхушка должна рассматриваться как субъект партийной диктатуры. Как и при Сталине, в ней формируется то, что можно потом обозначить как «волю Хрущева». Но в отличие от сталинского времени, люди, входящие (а порой и не входящие в эту верхушку, как, например, Твардовский) могут оказывать на Хрущева действительное влияние. Хрущев к ним прислушивается и считается с их мнениями. В отличие от Сталина,

при Хрущеве действительно существует некоторая коллективность руководства. Чем это объясняется?

В «Очерках большевизмоведения» мы писали:

«Политическая воля руководящей верхушки исходит от Сталина и олицетворяется Сталиным. Она обладает изумительной тактической гибкостью и не менее изумительным постоянством. Это — воля к реализации активной несвободы, воля к мировому господству, к мировой революции, к миродержавию в форме Всемирного Советского Союза. Стремление к этой цели обязательно. Потерять его — значит потерять место в руководящей верхушке, уйти от власти, а, следовательно, и из жизни. Примером этому могут служить многие старые соратники Сталина, им самим уничтоженные».

Воля к реализации активной несвободы теперь потеряна. Хрущевская диктатура не имеет определенной цели. Сталин точно знал, куда он хочет привести мир. Хрущев этого не знает, да, вероятно, и знать не хочет. Сталин действовал на основе ясной задачи, у Сталина был определенный эталон, ясная руководящая идея. Хрущев стремится не к углублению, а к удержанию власти; руководящей идеи у него нет, а эталон был бы для него вреден. Сталин руководствовался неизменной стратегической концепцией. Хрущев решает в основном тактические задачи, диктуемые обстановкой. Для того, чтобы правильно решать эти задачи, Хрущеву надо прислушиваться к чужому мнению и учитывать чужие интересы. Это чужое мнение и эти чужие интересы суть ведь тоже элементы обстановки.

С отказом от задачи навязать всему миру систему активной несвободы произошла демократизация руководящей олигархии. И хоть мнения и интересы, совпадающие с мнением Хрущева, имеют значительно больший шанс отразиться на деятельности партии, и хоть мнения, противоположные хрущевскому, в гораздо большей степени, чем практические неудачи, влекут за собой потерю влияния и понижение служебного положения, мнения эти не унифицируются Хрущевым и продолжают существовать, внося даже в самую верхушку партии разногласия, конфликты интересов, борьбу тенденций и политическую игру, причем в масштабах, при Сталине просто немыслимых.

Казалось бы, эта разногласия ослабляет хрущевскую диктатуру. Ничего подобного! Разногласия и колебания суть конструктивные элементы политики, элементы, которыми пользовался и Сталин, но которые теперь, при Хрущеве, становятся самой основой удержания власти, ибо по-

литика Хрущева есть политика управляемых колебаний, единственная политика, позволяющая ему править, не решая основной дилеммы, не присоединяясь окончательно ни к тенденции регенерации сталинщины, ни к тенденции превращения Советского Союза в более или менее правовое, более или менее нормальное, более или менее свободное государство. Стратегически политика Хрущева есть политика сдерживания. Тактически — это политика управляемых колебаний, кажущихся уступок, местных атак и контратак, не изменяющих основной линии фронта.

Задачи этой политики диктуются Хрущеву тем новым классом партийной бюрократии, который сложился еще при Сталине, но сейчас получил решающее политическое значение.

В самом деле, когда кто-либо из носителей режима, член партии, занимающий хорошее положение в советском аппарате, заявляет эмигранту: «Нам есть что защищать!» — он говорит искренне. Он защищает свое общественное положение, свою квартиру в Москве, свою дачу под Москвой, свою «Победу», свой кабинет с полированным столом и мраморным чернильным прибором, свою жизнь большого сановника, барина, свое положение человека с весом, с голосом, с властью.

Вокруг руководящего ядра КПСС, вокруг Президиума, Секретариата и Центрального Комитета расположился круг номенклатурных работников. Вокруг номенклатуры ЦК — работники районного масштаба, вокруг них — начинающие служители диктатуры, парторги, комсорги и прочая мелкая братия. Вокруг КПСС — слой нужных власти людей, писатели, артисты, художники, готовые считаться с руководящими указаниями, ученые, исследования которых нужны, инженеры, без которых не обойтись, словом, — верхушка интеллигенции. Этой верхушке партия не может отказать ни в жаловании, ни в гонорах, ни даже в заграничных поездках.

Весь этот привилегированный слой, «новый класс», по выражению Джиласа, не слишком боится Хрущева, отчасти посмеивается над ним, но, в общем, его поддерживает.

Эта советская знать, этот новый класс ставит Хрущеву задачу закрепить «завоевания Октября». Новая программа КПСС имеет в виду увековечить сложившуюся сейчас структуру советского общества. Недаром на вопрос «будут ли деньги при коммунизме?» популярный анекдот отвечает:

«У одних будут, у других — нет, всем по разумным потребностям».

Общественный строй Советского Союза основан на партийной монополии. Разобьем эту монополию (произвольно, разумеется) на три части: политическая монополия, хозяйственная монополия, культурная монополия. На партийном жаргоне монополия называется «руководящей ролью партии». Сохранить руководящую роль партии в политике, экономике и культуре — вот задача Хрущева.

Задача хрущевского правительства есть, таким образом, задача консервативная. Не реакционная, — под «реакцией» в советском обществе следовало бы понимать возвращение к сталинизму, — но именно консервативная: закрепить, сохранить, консервировать то, чего добился правящий слой в результате так называемой «борьбы с культом личности и его последствиями».

Характеризуя положение советской знати при Сталине, мы писали в «Очерках большевизмоведения»:

Сталин дает своей знати ряд немаловажных привилегий, он дает ее отдельным представителям и большую власть над людьми. Но к решению политических вопросов знать никогда и ни в какой форме не допускается. С ее чаяниями и интересами Сталин никак не считается, да и не может считаться. На политическую целепостановку большевиков знать не оказывает ни малейшего влияния. Положение ее в стране не гарантировано ничем. Каждый, ныне знатный советский вельможа, может завтра оказаться «врагом народа». Стремления и чаяния советской знати не суть стремления и чаяния большевизма. Советская знать, как и весь советский народ, есть лишь орудие в руках Сталина, но сам Сталин ни в какой мере не есть ни орудие в руках советской знати, ни выразитель ее воли».

И несколько ниже:

Советская знать во всех ее видах и сегодня еще есть явление, складывающееся и не сформировавшееся окончательно. Назначение этого слоя, социальные функции и государственные обязанности его далеко еще не ясны, состав его неоднороден, а в его положении есть противоречия, вряд ли устранимые».

Положение это со времени смерти Сталина сильно изменилось. Советская знать никак не орудие в руках Хрущева. Напротив, скорее Хрущев — орудие в руках этой знати, выразитель ее воли и чаяний. Именно эта знать вынесла Хрущева на вершину власти. Борьбаться за свое положение диктатора, значит для Хрущева бороться за благополучие новой знати, не за возвращение к сталинской активной не-

свободе, но за сохранение того положения, в котором находится сейчас бывшая сталинская знать.

В противоположность типичному аппаратчику Сталину, Хрущев оппортунист и демагог. Определенная, ясная и устойчивая политическая линия ему не свойственна. Прочно связывать себя с определенной линией ему не только лично невыгодно, но и политически нецелесообразно. Политика партии сегодня — это политика балансирования, политика сознательных колебаний то в ту, то в другую сторону, политика не слишком мудрая, но, кажется, единственно возможная перед лицом настроений, господствующих уже не в партии, а в народе.

Об организованной оппозиции в нашей стране говорить рано. Но об активной оппозиции уже говорят и надо говорить еще громче. Программу этой оппозиции сформулировать легко: «За права и свободу!» За права человека думать, чувствовать, говорить, передвигаться, хозяйствовать; за свободу жить без руководящих указаний партии и правительства.

Эта оппозиция действует пока что главным образом «тихой сапой» и пока что она еще плохо организована. Но на глазах испуганной партии в ней уже образуются кружки единомышленников, она уже диктует стране свои вкусы и взгляды, она уже затевает дискуссии, отражающиеся даже на страницах официозной печати. Не случайно, что в области права неснимаемым требованием стоит презумпция невиновности; не случайно, что поднятые в прошлом году проф. Либерманом вопросы ценообразования и рентабельности предприятий снова и снова ставятся в «Вопросах экономики»; не случайно партия обеспокоена сейчас состоянием советской литературы и искусства.

Народ очень хорошо знает, куда должна была бы эволюционировать власть, если бы она хотела стать народной властью. И Хрущев знает, что народ это знает.

При таком положении вещей сама собой напрашивается система эшелонированной обороны, допускающая тактику отступлений и контрнаступлений, тактику баланса, тактику колебаний, то подпускающую противника к определенному рубежу, то снова отбрасывающую его назад. Порой бессознательно, а порой и совершенно сознательно именно эта тактика и применяется Хрущевым как во внешней, так и во внутренней политике.

Политику Хрущева не следует поэтому рассматривать как пассивный результат различного рода давлений, под которыми он находится. Хрущев и его ближайшее окружение, вероятно, отлично понимают дилемму, которую мы формулируем в нашей радиоинструкции как выбор: «либо спускаться на тормозах, либо рухнуть в бездну народного восстания». Политика Хрущева — это политика активного сдерживания, направленная на то, чтобы избежать этого выбора. Хрущев отлично понимает, что вернуться к сталинщине нельзя, хотя бы уже потому, что господствующая партийная бюрократия не намерена жертвовать собой во имя сталинского порядка. Но Хрущев понимает и то, что вести страну к последовательной либерализации тоже нельзя, ибо это значит лишить господствующий класс столь дорогих ему привилегий. Стратегия сдерживания и тактика колебаний не сводится поэтому к случайным действиям растерявшейся партийной олигархии. Она — та самая политика, при помощи которой Хрущев, партия и новый господствующий класс надеются уйти от решения поставленной историей дилеммы и удержать свое господствующее положение.

Объясним эту мысль. Хрущевская политика колебаний стремится все время перебрасывать надежды из одного лагеря в другой. После XXII съезда, естественно, подняли голову те, кто желал постепенного изживания сталинского наследия. Появились надежды, что все устроится само собой, что добрый Хрущев постепенно удовлетворит народные требования. В настоящий момент, напротив, в ревизионистском лагере царит глубокое разочарование. Тот же самый Хрущев опять начинает похваливать Сталина, требует жесткой партийности в литературе и искусстве. Странники сталинских методов думают, что торжествуют победу. Однако напрасно: именно с хрущевской дачи в Сочи уже повеяло новой оттепелью. «Теркин на том свете» напечатан в «Известиях»; Эренбург, Евтушенко, Некрасов, Вознесенский, хоть и в более партийном духе, но продолжают писать.

Хрущеву нельзя отказать в тактической изворотливости. Политика сознательной неустойчивости, пожалуй, единственное, что остается диктатуре. В самом деле, ведь пойти последовательно навстречу народным требованиям — значит уже в недалеком будущем отказаться от партийной монополии, значит допустить свободу сначала в литературе и искусстве, потом в хозяйстве, а там, глядишь, и в политике. Вернуться последовательно к сталинщине, значит восстано-

вить против себя не только народные массы, но и партийные кадры, значит пойти на поводу у Мао Цзэ-дуна, значит снова заполнить концлагери и, вероятно, начать новую мировую войну.

Хрущев не хочет решиться ни на то, ни на другое. Политика балансирования не есть плод особой хрущевской гениальности. Она единственное, что ему остается.

Борьба за сохранение монополий.

Ни личное положение Хрущева, как главы и партии и правительства, ни монополия КПСС в политике пока что никем всерьез не оспаривается, хотя все понимают, что в ней вся суть. Нервная реакция Хрущева на запрос английских лейбористов в пятьдесят шестом году, — как, дескать, у вас насчет второй, оппозиционной партии, — говорит в этом отношении много. Именно с тех пор, а практически после разгрома так называемой «антипартийной группы» и отстранения Жукова, на партийной верхушке воцарилось весьма устойчивое перемирие, основанное, очевидно, на понимании того, что всякое размежевание неизбежно будет толкать к решению той самой дилеммы, которую столь желательно оставить нерешенной. Но если в отношении руководящей роли партии в вопросах чисто политических Хрущев может спать относительно спокойно, то уже проблема сохранения хозяйственной монополии доставляет ему немало хлопот.

Угроза, вырастающая для партии из стихийного развития частного предпринимательства и сращения этого предпринимательства как с партийной коррупцией, так и с выполнением государственных планов, бесспорно играет сейчас в стране не только экономическую, но и политическую роль. Но это развитие лишь в пределе может грозить подорвать основу коммунистическому рожиму, и меры борьбы, за которые в последнее время хватается советское правительство в борьбе с так называемыми «тунеядцами», носят больше психологический, чем политический характер.

Экономическая монополия новой знати или, если угодно, «руководящая роль партии в советской экономике», серьезно и сознательно частником не оспаривается, и если желающий работать не на партию, а на себя и свою семью «тунеядец»-частник в хрущевском государстве не только неистребим, но и полезен, то это еще не значит, что он составляет экономическую силу, способную вытеснить

партию из ее монопольного положения. Больше того, частная инициатива, спекуляция и другие хозяйственные дела, продельваемые в обход государства и его распоряжений и планов, пожалуй что в конечном счете спасают советское хозяйство от полного развала.

Но не будем спрашивать, что случилось бы, если бы советские люди стали вести себя в хозяйственной области точно так, как им предписывает «ум, честь и совесть эпохи». Именно Хрущев с его несомненным здравым смыслом и пониманием человеческих интересов отлично знает, что вести так они себя не будут и неизбежные коррективы в его обьявления и требования внесут.

Экономическое подполье, с одной стороны, расшатывает, конечно, власть, но, с другой стороны, ее укрепляет, заполняя плановые просчеты и пустоты и действуя как своего рода смазка на скрипучий и заедающий механизм социалистического хозяйства. Формально партия как была, так и будет выступать против всякой частной инициативы, но, фактически, отказавшись от сталинских идеалов активной несвободы, она поставлена сейчас не перед задачей истребления частника, шабашника и тунеядца, а перед задачей сосуществования с ним, использования его в интересах господствующего класса.

Вести это сосуществование удобно именно в рамках политики колебаний, то разрешая разводиться, то снова отбирая частных коров и коз, то глядя сквозь пальцы на спекулятивные операции какого-нибудь председателя колхоза, то жестоко шельмуя его за эту самую спекуляцию. Здесь, собственно, нет даже подлинных колебаний, а есть лишь старый сталинский (и уже ленинский) прием закручивания и отпускания гаек, причем инициатива этого закручивания и отпускания остается в руках партии, регулирующей и отпусканье и закручивание.

Вопрос стоит вовсе не в том, как должна партийная монополия сосуществовать с инициативой частников. Тут она практически уже сосуществует к полному удовольствию господствующей партийной бюрократии. Советский частник скромнен и готов удовлетвориться малым. Беда Хрущева не в нем, а в том, что без сталинских методов принуждения, без рабства в самом прямом смысле этого слова государственная экономика не в состоянии производить достаточного количества благ и в первую очередь элементарных продуктов питания. Закупка пшеницы у капиталистов свидетельству-

ет вовсе не столько о неурожае, сколько об абсолютном банкротстве колхозной системы, и свидетельствует о ней именно после освоения целины и всех хрущевских реформ в области управления сельскохозяйственным производством.

При сегодняшнем положении вещей сам по себе частник в Советском Союзе ничего не добьется, и как бы далеко ни шли подпольные экономические операции, сколько бы ни скапливалось подпольных капиталов, сколько бы ни было в стране шабашников, тунеядцев, спекулянтов, сколько бы ни поступало на рынок молока от индивидуальных коров, — принципиально в советском хозяйстве от этого ничего не изменится. Партия как была, так и останется закрытым распределителем для господ из нового класса, а партийный билет как был, так и останется продуктовым талоном, правом на вход в этот распределитель, в который и частник вносит свою долю.

Трудность социалистической экономики не в конкуренции частника. Частник отлично поддается политике управляемых колебаний. Трудность в неудержимом общем развале социалистической экономики, вызванном стихийным отказом населения работать на партийных хозяев.

Что это отказ не отдельных лиц, а именно всего населения, сказывается не только в фактах разного рода вольновок и забастовок на предприятиях. Эти факты — лишь крайнее выражение господствующего в стране настроения, которые можно выразить лозунгом: «Кто не ест, работать не будет». Это настроение совершенно срывает колхозное производство, сказывается на промышленных планах и во весь рост ставит центральную проблему экономической политики партии после Сталина: как увязать личный интерес производителя с экономической монополией партии, план с рынком, многоточные наценки с реальной стоимостью, хищническую эксплуатацию народа со сносным жизненным уровнем.

Трудность социалистической экономики в неудержимом общем развале, вызванном стихийным отказом людей работать. Ибо при существующем жизненном уровне этот отказ уменьшает не столько долю народа, сколько долю партии в социальном продукте и заставляет партию, удерживая хозяйственную монополию, расплачиваться за нее уменьшением государственного дохода. Политика же колебаний может производиться здесь лишь между тем, сколько продукта законно и незаконно идет в пользу партии, а сколько

ко так же законно и незаконно достается народу.

Вопрос о реформе колхозной системы до сих пор политически успешно, но экономически бессмысленно оттягивался и Сталиным и Хрущевым применением политики колебаний в вопросе допустимого количества индивидуальных коров и допустимой величины приусадебного участка. Нет сомнений, что именно эту политику Хрущев будет продолжать до пределов возможного. Пределы эти уже видны и определяются стоимостью американского зерна, большую часть которого партии придется оплачивать из своей доли социального продукта.

Пока, однако, политическая и организационная монополия твердо в руках Хрущева, пока хорошо организованной и беспощадно эксплуататорской партии противостоит лишь стихийное нежелание населения работать, партия может надеяться, что даже в условиях стихийного падения производительности труда какое-то количество времени на государство отработает не только индустриальный рабочий, но даже и несчастный колхозник. И какое-то, пусть пониженное количество продукта и в промышленности и в сельском хозяйстве партия получит, а этого количества хватит и на хорошую жизнь для господствующего класса и на ведение, пусть нерентабельного, но зато монополистического государственного хозяйства.

Оценивая советскую экономику, важно учитывать, что хозяйственное банкротство вовсе не угрожает Советскому Союзу, что это хозяйственное банкротство уже наступило, что советское хозяйство уже хозяйство банкротов, которое так и нужно оценивать. Отказываясь работать на государство, прирабатывая налево, шабашничая и торгуя по мелочишке, отворачивая от государства хоть часть производимой продукции, разводя индивидуальных коз и засаживая индивидуальные огороды, население несколько снижает процент государственной эксплуатации и ухитряется не сдохнуть с голоду. Отрабатывая же в колхозе какие-то трудодни, хотя бы только для того, чтобы не потерять дом и участок, даже самый нерадивый колхозник вносит свою долю зерна в так называемые «закрома родины» и кормит паразитическую знать, усевшуюся ему на шею.

Повторяем еще раз: политика колебаний уже сейчас производится здесь лишь между тем, сколько продукта законно и незаконно идет в пользу партии, а сколько так же законно и незаконно достается народу.

Задача этой политики, во-первых, удерживать частничество в границах, не угрожающих партийной монополии, т. е. не дающих возможности возникновения в стране опасного количества людей, материально независимых от государства, а, во-вторых, не допускать организационного оформления стихийного уклонения от работы, не давать этому уклонению возможности превратиться в сознательную организованную забастовку.

Та же политика сдерживания путем колебаний и, пожалуй, в наиболее яркой форме, проводится и на фронте идеологии и культуры. Не буду напоминать все разыгравшиеся на этом фронте оттепели и заморозки. Они ничем не отличаются от частновладельческих застроек и умножения индивидуальных коров. Эти колебания суть выражения той двойственности в политике, которая сказывается и в руководящей роли партии в литературе и искусстве. И здесь вопрос идет не об угрожающем банкротстве партийной идеологии, а о сохранении руководящей роли партии, несмотря на это наступившее уже банкротство.

Совершенно так же, как и в области хозяйства, надо говорить не об экономической целесообразности социалистического хозяйствования, не о том, могут ли колхозы конкурировать с индивидуальным хозяйством, а о сохранении партийной монополии, несмотря на ее нерентабельность. Так и в области культуры — марксистско-ленинское учение, социалистический реализм и все прочие элементы партийной идеологии сохраняются не в силу их превосходства, а лишь в качестве привычных гарантов культурной монополии партии.

Сохранение сталинского принудительного фикционализма оппало само собой как следствие отказа от сталинской системы террора. Но осталась система мифов, в которые достаточное количество людей еще могут достаточно серьезно верить. К таким относятся миф об искренности советского миролюбия, миф о том, будто все прогрессивные силы мира на стороне Хрущева, миф о том, будто при коммунизме станет лучше, будто Ленин хотел добра народу, будто Октябрьская революция была оправдана и толкнула страну вперед, будто Хрущев стремился постепенно исправить ошибки Сталина, будто наша страна уже находится на пути постепенного, но неизбежного развития к правовому строю и будто в партии существуют силы, обеспечивающие это развитие. Задача всех этих мифов — убедить, что хоть

партийная диктатура нехороша, но и не абсолютно плоха, что следует с ней примириться в надежде, что будет лучше и, критикуя отдельные большие и мелкие недостатки, не стоит расшатывать основы социализма.

Народ знает и видит, что Хрущев — это не Сталин. Но народ знает также, что Хрущев — преемник Сталина, и видит, что отнюдь не только в Китае, но и у нас сохранилось немало сталинщины. Задача партийной пропаганды — убедить народ, что сталинщина тем не менее изживается и будет изжита окончательно, и тогда жить будет совсем неплохо.

Говоря коротко: главная задача партии на идеологическом фронте — идейно поддерживать миф об эволюции советской власти к новым, желательным для населения формам государственности. (Не будем повторять сказанное в начале статьи: хоть этот миф и стар, как сама советская власть, но всегда находил и находит совершенно искренних adeptов).

Признание вышеописанной мифологии, демонстрация веры в то, что партия хочет в конце концов добра народу, что с коммунистами можно жить, что преступления можно забыть, а ошибки исправить — есть непеременимое условие для открытой творческой деятельности. Ни один советский писатель, ни один публицист, ни один режиссер не осмелился до сих пор колебать эту мифологию. Признание ее составляет тот самый оптимистический фон (социалистический реализм!), присутствие которого так характерно и для эпилога «Доктора Живаго» и для «Одного дня Ивана Денисовича».

Материальная база: печать, радио, кино и театры, аудиотехника и т. д., совершенно как при Сталине, монополизированы в руках партии, и печатать колеблющее партийные мифы произведение можно только за рубежом, т. е. рискуя угодить в сумасшедший дом и оставить его неизвестным народу. Антипартийные мысли пока что находятся в подполье. Задача партии не выпускать их оттуда. Постановление ЦК КПСС «О борьбе с культом личности и ее последствиями» было сознательным отступлением на хорошо намеченный оборонительный рубеж. XXII съезд с изъятием тела Сталина из мавзолея и переименованием Сталинграда не внес в основную установку партии ничего существенно нового.

Сталинскую задачу воспитать все советское население хотя бы фиктивно в марксистов-ленинцев Хрущев себе больше не ставит, но сохранение партийной монополии в идеологической области этого и не требует.

Линия, за которую нельзя отступать в политике, ясна: не только о второй партии, но и вообще о каком-либо оформлении политической оппозиции КПСС пока не может быть и речи. Линия, за которую нельзя отступать в хозяйстве, тоже ясна: ценообразование при всех обстоятельствах должно остаться государственным.

На идеологическом фронте эта линия официально именуется «верой в коммунизм» или «верой в партийное руководство», неофициально же трансформируется в миф об эволюции советской власти с выводом: потерпим и подождем этой эволюции.

Но если в политической и хозяйственной области освободительные силы народа ведут бой лишь на дальних подступах к оборонительным рубежам диктатуры, то на идеологическом фронте они подошли к этим рубежам почти вплотную. Ведь принципиальная установка — добивайтесь того, чтобы слушатели, читатели, зрители признавали, что партия хочет добра народу и что все постепенно устроится, допускает и различные толкования и протаскивание таких вещей, как например, «Случай на станции Кречетовка» Солженицына или «Вокруг да около» Абрамова.

Партия отлично знает, что в России немало людей, — и людей зачастую талантливых, — которые не хотят лежать даже на одном кладбище с коммунистами, как это броско выразил Есенин-младший. Так же хорошо на верхах понимают, что никакого добра народу партия вовсе не хочет и ни к какой либерализации режима не стремится. Господа из нового класса хотят пользоваться завоеваниями революции. Они не собираются углублять ее, но о «реставрации капитализма» не помышляют ни в коем случае.

Задача борьбы на идеологическом фронте сводится таким образом к задаче обмануть народ, внушить ему, что эволюция режима в желательную сторону обеспечена, что авторитетные для народа люди стремятся жить в мире с партией и что политический и идейный радикализм не нужен и опасен.

Задачу эту партии приходится решать не столько словесно, сколько путем демонстрирования, с одной стороны,

либерального отношения к творчеству советской интеллигенции, а с другой стороны, негибкой воли партии сохранить за собой идейную монополию. Эту политику легко показать на примере треугольника Хрущев — Твардовский — Солженицын.

«Я никогда не забуду, с какой теплотой отзывался Н. С. Хрущев об этой повести Солженицына (имеется в виду «Один день Ивана Ценисовича»), о ее герое, сохранившем достоинство и красоту трудового человека и в нечеловеческих условиях, о правдивости изложения, о партийном подходе автора к явлениям столь горькой и суровой действительности. На первом из нынешних совещаний Никита Сергеевич, назвав по ходу своей речи Солженицына, представил его всем присутствовавшим в зале Дворца встреч на Ленинских горах.»

«Если бы нужно было доказывать широту взглядов Центрального Комитета нашей партии на литературу и искусство, то одного факта одобрения им этой повести А. Солженицына было бы более чем достаточно...»

Так в начале мая говорил корреспонденту «Юнайтед Пресс» Г. Шапиро редактор «Нового мира», трижды лауреат Сталинской премии (первая получена в 1941 году за «Страну Муравию», идилический лубок о колхозах), кандидат в члены ЦК КПСС А. Т. Твардовский (См. «Правду» от 12 мая 1963 г.).

Твардовский ныне — лидер партийного ревизионизма в литературе. Твардовский — тот самый фокус, в котором сосредоточены литературные надежды на мирную эволюцию советской власти. Твардовский — та самая светлая партийная личность, против которой бессильно скрежещут зубами кочетовы, сурковы и грибачевы. Твардовский — видимый представитель невидимых сил, гарантирующих постепенное перерождение партийного режима. Твардовский — золотой мост между партией и народом. Твардовский амортизирует и партийный зажим и народные требования.

Что напечатание первых трех рассказов Солженицына заслуга Твардовского — бесспорно. Но что это было сделано не столько для пользы русской литературы, сколько для пользы Хрущева и партии, видно и из того, что последовало.

Ибо последовала «новая работа Александра Солженицына, которая, естественно, предназначена для нашего журнала», — последовала повесть «Для пользы дела», произведение политически двусмысленное, а художественно

стоящее неизмеримо ниже и «Одного дня Ивана Денисовича», и «Матренина двора», и «Случая на станции Кречетовка».

И в последней повести Солженицына, разумеется, есть талантливые страницы. Описание поднимающихся по партийной лестнице партийных хамов сделано превосходно; отрицательные образы стилизованы, они впечатляют и остаются в памяти. Но в целом на повести лежит печать вымученности, нескрываемое стремление угодить партийному заказу, доказать, что автор тоже может мыслить партийно, может создать положительные образы, может сделать что-то для пользы дела. А в результате — идилическая фигура парторга Лидии Георгиевны, «на лице которой нетрудно было прочесть, что она думает именно то, что говорит», и у которой «мальчишки гордились бросаться бегом по ее поручениям, котсрые давала она легким, но властным движением руки, а иногда — это был знак особого доверия или надежды — прикоснувшись концами пальцев к плечу посылаемого». В результате подмена девушек и ребят описанием рубашек и причесок и мертвая речь, лишь умело прикрытая изумительным солженицынским знанием живой разговорной речи.

Что думает и чувствует Солженицын-гражданин мы, конечно, не знаем, но Солженицын-художник, автор «Случая на станции Кречетовка», ни в какую эволюцию коммунизма не верит и верить не может, ибо предательство лейтенанта Зотова — случай трагический, но случай совершенно неизбежный в судьбе каждого, кто верит в необходимость бдительности. Во всех трех первых рассказах Солженицына есть сильная подводная струя, есть глубокое, может быть не вполне осознанное знание, что судьба человека определяется его иерархией ценностей, его отношением к должному и не должному, достойному и недостойному. Предательство Зотова — случай, ошибка, недоразумение. Зотов — хороший человек, лишь по наивности поверивший словам советской власти. Но Зотов — предатель. «Но никогда потом, во всю жизнь Зотов не мог забыть этого человека». Преданного им человека.

Вера в партийный миф ведет к предательству. Вот эзотерический смысл «Случая на станции Кречетовка», о котором Солженицын-художник не знает не может.

Художественная слабость рассказа «Для пользы дела» — расплата за компромисс, на который пошел Солженицын, подталкиваемый, вероятно, Твардовским. Для мнимой

пользы мнимому делу эволюции партийной власти Солженицын пошел на компромисс с этой властью, пошел на обман читателя, которому он подсказывает: «вот, ведь даже и я, Солженицын, считаю, что в партии есть хорошие люди, что надо поддержать их, для пользы дела следует поддержать».

«Для пользы дела» — большой выигрыш партии на литературном фронте. Опаснейший противник Солженицын не только обезврежен, но даже, — хорошо бы, чтоб только временно! — выведен на тот самый путь социалистического реализма, на котором даже его несравненный талант ждут лишь плоские штампы положительных и отрицательных персонажей.

На идеологическом фронте оборонительный рубеж партии сегодня — это миф о положительной эволюции если не благодаря Хрущеву, то благодаря Твардовскому и Солженицыну. Это сильный рубеж. Тем более важно преодолеть его. Ибо именно на нем в конечном счете стоит сегодня хрущевская политика сдерживания.

ДВА СИЛЛОГИЗМА

(К 70 летию Н. Хрущева)

Простой силлогизм

Все люди умирают.

Хрущев — человек.

Хрущев умрет.

Сложный силлогизм

Власть диктатора не может законно наследоваться после его смерти.

Отсутствие законного наследования после смерти диктатора вызывает кризис власти.

Хрущев — диктатор.

Смерть Хрущева вызовет кризис власти.

Деревня ждет реформ

Е. Гаранин

В ТУПИКЕ

Несколько лет тому назад я прочел любопытный разговор между уполномоченным из района и рядовым колхозником:

«— Сноха, товарищ уполномоченный, нам харч добывает. Мы-то с дочкой служим в колхозе на домашних харчах! А сынок, спасибо ему, «слева» гроши прихватывает, чтобы было чем налоги заплатить... Ясно?»

— Каким же способом колхоз спасти? — спросил уполномоченный.

— А ты видел, как мужик коня спасает, когда бричка в воду идет? Он же поспромки рубит! Ру-бит! Коню волю дает, и конь выплывает. А вы как хотите спасти? Еще крепче взнуздать? Спасители!»¹⁾

Думая над положением колхозной деревни, я часто вспоминаю этот мудрый ответ старого крестьянина.

Со времени коллективизации, которую Сталин и партия провели с такой невероятной и неоправданной жестокостью, прошло уже свыше тридцати лет. Тогда партия утверждала, что победа колхозного строя обеспечит быстрый расцвет сельского хозяйства. Но и спустя три десятилетия колхозная деревня все еще не может обеспечить страну продовольствием и сырьем.

В последние годы развитие сельского хозяйства вообще затормозилось. Урожай минувшего года был немногим лучше 1953 года, когда страна стояла на пороге голода. Сейчас тоже повсюду приходят недобрые вести. Возникают перебои с продовольствием даже в крупных городах. С осени нет в продаже муки. Хлеб кое-где выпекается с примесью и продажа его ограничена. Не хватает круп и овощей.

1) «Огонек» № 41, октябрь 1957 года.

Все это порождает невероятные слухи и создает в стране большое социальное напряжение.

Боясь, что это напряжение может вылиться в открытый протест политического характера, советское правительство поспешило закупить зерно за границей. Об этом изумленные советские граждане узнали впервые из речи Н. С. Хрущева 2 октября на совещании работников сельского хозяйства в Краснодаре.

В Москве рассказывают, что решение закупить хлеб за границей было принято в драматической обстановке. Когда стало известно, что значительная часть посевов поражена засухой или вымерзла минувшей зимой, Хрущев созвал заседание президиума ЦК. Там он сообщил, что в этом году государство недополучит около половины того количества зерна, на которое рассчитывало. Поэтому, чтобы прокормить городское население и армию и не создавать нежелательных трудностей, придется закупить недостающее зерно за границей. Это предложение Хрущева якобы вызвало активные возражения. Некоторые члены президиума высказали опасение, что такая мера подорвет престиж Советского Союза за рубежом и уронит авторитет власти внутри страны. Возникшие споры прекратились лишь после того, как Хрущев пригрозил уйти со всех постов, а среди членов президиума соответствующей замены ему не нашлось.

Правдивы ли эти слухи — трудно сказать, но они, видимо, довольно верно отражают атмосферу, царившую на верхах власти осенью минувшего года. Так или иначе, а сообщение Хрущева в Краснодаре вызвало в стране острую критику правительства. Всем стало ясно, что сельское хозяйство зашло в какой-то тупик. Люди недоумевали, как же так: Россия всегда продавала продукты за границу, а теперь и сама себя не может прокормить? В чем же состоят «преимущества колхозного строя», если приходится покупать хлеб у Америки, которую сами же вызвали на соревнование?

В самом деле: почему в США, где занято в сельском хозяйстве всего лишь 8,9 процента населения, всегда избыток хлеба, а у нас, при занятости в сельском хозяйстве 44,8 процента населения, постоянный недостаток продовольствия и сырья? Почему морозы и засуха страшны лишь для наших полей, а у американцев при любой погоде не иссякают запасы хлеба, и из года в год они не только вывозят излишки на мировой рынок, но и предоставляют зерно нуждающим-

ся странам на льготных условиях? И потом: где же наши продовольственные резервы на случай неурожая или войны? Неужели их нет, и страна, в случае новых недородов, находится в зависимости от капиталистических государств?

Что мог ответить на эти вопросы Хрущев? Он предпочел вообще на такие вопросы не отвечать и опять попытался спрятаться за Сталина. Так, например, он заявил на пленуме, что:

«Если в обеспечении населения хлебом действовать методом Сталина, Молотова, то тогда в нынешнем году можно было бы продавать хлеб за границу. Метод был такой: хлеб за границу продавали, а в некоторых районах люди из-за отсутствия хлеба пухли с голоду и даже умирали... Партия решительно осудила и навсегда поконила с подобными методами».²⁾

Это сравнение со сталинским временем должно было подчеркнуть гуманное направление нынешней политики партии и ее заботу о нуждах народа. Однако оно вряд ли достигло своей цели, так как не отвечало на главный вопрос: почему и спустя 10 лет после Сталина у нас все еще острый недостаток многих продуктов и зерновая проблема не решена?

Сваливая вину за прошлое на Сталина, Хрущев, по видимому, «забыл», что уже после Сталина, в самом тяжелом 1953 году, хлеб также вывозился за границу, хотя его не хватало для себя. Вот что говорил тот же Хрущев на сентябрьском пленуме ЦК 1953 года:

«Наша страна обеспечена хлебом, мы имеем необходимые государству резервы и осуществляем в определенных размерах экспортные операции по хлебу».³⁾

Спустя пять лет, рассказывая о положении в 1952-53 годах, он заявил нечто прямо противоположное:

«Несмотря на то, что колхозы и совхозы сдали государству даже часть семян, в стране было заготовлено лишь 2,1 млрд. пудов хлеба, что не удовлетворяло текущих потребностей государства, не говоря уже о создании необходимых резервов».⁴⁾

Спрашивается, когда же Хрущев говорил правду: в 1953 или в 1958 году?

Все эти годы Хрущев лично управляет делами сельского хозяйства и является инициатором различных кампа-

²⁾ «Правда», 10. 12. 1963 г.

³⁾ «Правда», 15. 9. 1953 г.

⁴⁾ «Правда», 16. 12. 1958 г.

ний, перестроек и реформ. Сколько было этих кампаний: торфоперегнойные горшочки, разведение кроликов, целина, укрупнение колхозов, кукуруза... Хрущев был неизменным их организатором и несет личную ответственность за положение в деревне. Видимо поэтому он старается смягчить трагические результаты сельскохозяйственной политики минувшего десятилетия. Для этого он сопоставляет в своих докладах хозяйственные итоги 1963 года не с предьдущим, а с 1953 годом. Хотя всем известно, что в 1953 году страна стояла на краю продовольственной катастрофы и с тех пор население Советского Союза выросло на 37 миллионов человек. Но и сравнение минувшего года с 1953-м вряд ли спасает Хрущева. В 1953 году под посевом зерновых было использовано около 4 миллионов гектаров. Всего было заготовлено тогда около 3,5 мил. тонн зерна или в среднем получили 870 кг. зерна с гектара. В 1963 году только в Сибири и Казахстане под сев зерновых использовали 16 млн. га. А заготовили лишь около 5 млн. тонн, или в среднем получили всего лишь 310 кг. с гектара.

Попытки Хрущева объяснить ежегодные провалы заготовок зерна главным образом климатическими условиями, нельзя признать основательными. Правда, в минувшем году часть посевов пострадала от морозов и засух, но потери урожая были бы значительно ниже, если бы колхозники относились к общественному урожаю как к своему. Известная колхозница Надежда Заглада совершенно правильно говорит:

«На погоду надейся, а сам не плошай. Мы вот и нынче получили высокий урожай той же пшеницы, которую в других колхозах «списали»... Почему одни уже научились делать «погоду» на своих полях, а другие все еще от нее зависят целиком?»⁵⁾

«Погоду» научились «делать» там, где председатели колхозов и производственные управления не выметают колхозные амбары под метлу, не выгоняют колхозников ради «сводки» на поля раньше срока, стараются, чтобы побольше от урожая осталось колхозникам и умеют всеми правдами и неправдами материально заинтересовать колхозников в увеличении производства продуктов. В этих колхозах дела идут лучше, и колхозники не дают урожаю погибнуть. Но в большей части колхозов все еще царит незаинтересованность и работа валился у людей из рук.

⁵⁾ «Литературная газета», 16. 11. 1963 г.

Нельзя забывать, что план сдачи хлеба и мяса сорван не только в минувшем году. План не выполняется на протяжении всей семилетки. На январском пленуме ЦК КПСС 1961 года Хрущев заявил, что для удовлетворения потребностей страны в зерне должно быть заготовлено 4,2 млрд. пудов.⁶⁾ А в 1960 году было заготовлено всего 2 млрд. 852 млн. пудов. В 1963 году Хрущев обещал довести заготовки до 4,4-4,7 млрд. пудов, а они не превышают и 2 млрд. 735 млн. пудов,⁷⁾ даже если полностью верить данным ЦСУ, которые сообщил на декабрьском пленуме Хрущев.

Таким образом, за минувшие 5 лет семилетки зерна было собрано в государственные амбары меньше на 6 млрд. пудов. С производством зерна неразрывно связано получение мяса, молока, масла. Этих продуктов было произведено также значительно меньше, чем предусмотрено планом. В течение 1963 года поголовье крупного рогатого скота сократилось на 1 млн. 688 тысяч голов, овец на 6 млн. 100 тысяч, свиней на 29 млн. 264 тыс. голов.⁸⁾ Угроза дальнейшей гибели скота из-за бескормицы в зиму 1963-64 годов вынудила власть предоставить колхозам и совхозам право «привести поголовье скота в соответствие с наличием кормовой базы». Иными словами, дано указание забить скот, который все равно нечем кормить. Последствия этой меры, продиктованной прагматической необходимостью, тяжело скажутся на развитии животноводства в ближайшие годы.

По мнению серьезного советского экономиста М. Лемешева:

«В настоящее время в нашей стране производится основных сельскохозяйственных продуктов примерно в 2-3 раза меньше, чем нужно для полного удовлетворения потребностей народного хозяйства в них».⁹⁾

ОБРЕЧЕННОСТЬ ОТЧАЯННЫХ УСИЛИЙ

Первое время после Сталина положение в деревне, хотя и медленно, но стало улучшаться. Затем началось длительное топтание на месте с общей тенденцией к снижению. В 1961-63 годах прирост основных продуктов сельского хо-

⁶⁾ «Известия», 20. 1. 1961 г.

⁷⁾ «Известия», 10. 12. 1963 г.

⁸⁾ «Правда», 24. 1. 1964 г.

⁹⁾ «Вопросы экономики» № 6, 1962 г.

зайства стал серьезно отставать от прироста народонаселения. Это говорит о том, что в деревне произошли какие-то неблагоприятные перемены, приведшие наше сельское хозяйство на грань загнивающего кризиса.

Что же произошло в деревне за последнее время и почему опять началось резкое ухудшение? Только ли неблагоприятные климатические условия тому причиной?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо хотя бы бегло проследить сельскохозяйственную политику партии в послесталинские годы.

Сентябрьский пленум ЦК КПСС 1953 года был самым важным событием в истории советской деревни за весь послесталинский период. На пленуме была представлена тяжёлая картина общего оскудения деревни. Сдача государству продуктов колхозами за чисто символические цены, то есть почти даром, грубый произвол и администрирование местной бюрократии, а главное — бедность и бесправное положение современного колхозного Антона Горемыки привели к тому, что люди бежали из деревни куда глаза глядят, а производство продуктов падало и сельское хозяйство стояло на пороге полного развала.

Пленум признал справедливым простое правило, что производители зерна, мяса, молока и других продуктов должны все же за свой тяжёлый труд получать хоть какое-то вознаграждение. Даровой, принудительный труд никогда не может быть производительным, а в сельском хозяйстве, при разбросанности людей на большом пространстве, постоянный контроль за работающими не возможен. Поэтому нужно заинтересовать колхозников в работе на общественных полях, а для этого повысить цены на продукцию колхозов и ввести систему натуральных премий за выполнение производственных заданий. Это разумное, но не слишком радикальное решение именовалось в дальнейшем «крутым поворотом в сельскохозяйственной политике партии».

В действительности, поворот был очень умеренный, осторожный и совершался медленно. Работники на местах остались в основном старые с устоявшимися привычками грубого зажима и администрирования. От таких руководителей колхозникам нечего было ждать добра. И хотя доходы колхозов, по данным ЦСУ, увеличились и массовый уход в города целыми селами приостановился, производительность труда, урожайность и заготовки продуктов росли все еще очень медленно. Колхозники недоверчиво огнеслись к но-

вым обещаниям, так как у них был слишком длительный и слишком печальный опыт колхозной жизни, чтобы поверить в чудесную перемену политики высшей власти. Это скоро было замечено, и перед руководителями партии вновь встал вопрос, как, каким способом в короткие сроки получить значительно больше зерна, а, следовательно, мяса, масла и молока.

На верхах партии возникли разногласия. Одни предлагали часть средств с тяжелой промышленности перевести в сельское хозяйство, улучшить снабжение деревни машинами, удобрениями и повысить цены на продукты, закупаемые в колхозах. Другие, и прежде всего Хрущев, видели выход в экстенсивном земледелии, и надежды возлагали на быстрое освоение целинных и залежных земель. Они считали, что поднятая дешевым трудом целина в два-три года позволит разрешить зерновую проблему.

Февральско-мартовский пленум ЦК партии 1954 года принял решение о спешной распахке целинных и залежных земель в Казахстане и Западной Сибири. Напрасно ученые осторожно выступали против спешки в этом деле.¹⁰⁾ Их не послушали, как и предупреждения специалистов, предсказывавших опасность эрозии (выдувания ветрами верхнего слоя распаханной земли). Все сомнения были отброшены, и под водительством Хрущева началась грандиозная целинная кампания, сопровождавшаяся шумом и промом советской пропаганды.

На освоение целины партия бросила большие технические ресурсы. В жертву этой кампании с поразительным легкомыслием и близорукостью были сознательно принесены интересы земледелия старых земель. Из 137 тысяч новых тракторов 115 тысяч или 84% были отправлены на целину. Так же было с комбайнами, автомобилями и другой техникой. Когда же во время уборки урожая на целине не хватало машин и механизаторов, их срочно снимали с основных земель и отправляли на целину.

Всего было поднято свыше 40 млн. га целинных и залежных земель.

Ожидалось, что уже первые 30 млн. гектаров новых земель будут давать 1 млрд. 800 милл. пудов зерна ежегод-

¹⁰⁾ См. материалы совещания при Академии сельхоз. наук в январе 1955 года.

но.¹¹⁾ В 1956 году казалось, что надежды оправдываются: Казахстан сдал тогда более одного млрд. пудов хлеба. Затем началось резкое падение. В урожайном 1958 году в Казахстане было собрано только 662 млн. пудов, в 1960 году — 642 млн. пудов вместо 799 млн. по плану, а в последующие годы сбор стал топтаться на этом или даже более низком уровне. Первый секретарь ЦК КПК Юсупов сообщил в ноябре 1963 года, что урожай на целине уменьшился с 6,7 цент. с га в 1961 году до 3, 6 цент. в 1963 году. Началась предсказанная учеными эрозия, которая нанесла ущерб и ряду районов старых земель, над которыми прошли черные песчаные бури. Помимо этого, пренебрежение основными землями привело к тому, что в самом центре страны и в Белоруссии начали возникать огромные площади залежных земель, которые быстро заболачивались, покрывались кустарником или засорялись камнем. Так, например, во многих колхозах Калининской области более половины сенокосных угодий и восемьдесят процентов выгонов «закустарено и залесено».¹²⁾ И ведь Калининская область не самая отстающая среди нечерноземных областей России. На январском пленуме ЦК КПСС Полянский сказал, что в нечерноземной полосе за последние шесть лет площади уменьшились на сотни тысяч гектаров, а посевы зерновых культур сократились почти на три миллиона га. А сколько миллионов гектаров превратилось за эти годы в залежные земли по всей европейской части страны! На февральском пленуме ЦК (1964 г.) министр Воловченко сообщил, что ежегодно 1 миллион 200 тысяч гектаров пашни превращается в залежь, зарастает кустарником, заболачивается.¹³⁾ Происходило невероятное: в то время, как на востоке распахивались земли с неустойчивым урожаем, в самом центре России готовые пашни забрасывались, отдавались во власть ольхи, и в результате общая урожайность в европейской России заметно снизилась, и страна теряла ухоженные и возделанные поколениями основные земли.

На декабрьском пленуме ЦК (1963 г.) Хрущев, обороняясь от каких-то своих противников, пытался доказать, что

¹¹⁾ «Правда», 4. 1. 1955 г.

¹²⁾ «Новый мир», № 3, 1963 г., статья Л. Иванова «В родных местах», стр. 177-79, 83-85.

¹³⁾ «Известия», 11. 2. 1964, доклад И. Воловченко на пленуме ЦК КПСС.

освоение целинных земель оправдало себя экономически, и что критика политики партии в отношении целины исходит от недругов. В доказательство рентабельности этой политики он приводил различные цифры, в которые трудно поверить, хотя бы потому, что они не учитывают убытков, связанных с освоением целины. К тому же, целина поднималась не ради сомнительных денежных доходов, а прежде всего ради хлеба, которого от нее ожидали в количествах, намного превышающих фактическое производство. Поэтому, с точки зрения перспективной политики, рассчитанной на годы, курс Хрущева на освоение целины себя не оправдал, оказался ошибочным и нанес тяжелый ущерб земледелию старых земель. Печальные итоги минувших лет вынудили власть отказаться от дальнейшего освоения целины. Следует ожидать, что в ближайшие годы часть целинных земель вновь зарастет, уйдет под пастбища, и о том, что эти земли когда-то распахивались, будут помнить лишь те, кто вложил в это нерационально поставленное дело так много тяжелого труда.

А освоение целинных земель могло бы быть вполне рентабельным, если бы проводилось постепенно, экономно, с учетом почвенных и климатических условий, советов агрономической науки и векового опыта крестьян. Исчерпав все возможности интенсивного земледелия на старых землях, страна, конечно, должна будет расширять свои посевные площади за счет целинных земель.

В то время, когда кампания освоения целинных земель еще не отгремела, Хрущева осенила новая «блестящая» идея: решить зерновую проблему за счет кукурузы. В повсеместном насаждении этой культуры он увидел якорь спасения. Кукуруза была объявлена «королевой полей» и ее стали сажать повсюду, от Крыма до Полярного круга. В постановлении пленума ЦК (1955 г.) категорически предписывалось обеспечить «широкое распространение кукурузы во всех районах страны».

Хрущеву казалось, что наконец найдены правильные решения, и страна скоро получит в избытке хлеб, масло и другие продукты. Эта мысль настраивала его бурную фантазию на оптимистический лад. Он стал вдруг заявлять, что Советский Союз в ближайшие два-три года догонит и перегонит США по производству продуктов питания на душу населения. 22 мая 1957 года на митинге в Ленинграде он пообещал «не только догнать США, но и превзойти» по произ-

водству молока в 1958 году, а по производству мяса в 1960 году с «зачищением остатков» в 1961 году.¹⁴⁾ Цена этих обещаний теперь всем хорошо известна.

Кукурузную кампанию Хрущев решил, так же, как и целину, провести «на ура». Сверху были даны задания республикам и областям по посадкам кукурузы. При этом руководители партии и правительства игнорировали тот факт, что кукуруза очень трудоемкая культура и ее производство требует в два-три раза больше труда, чем пшеница. «Правда» тогда писала, что мнение, «будто кукуруза трудоемкая культура, в корне неверно. Она менее трудоемкая, чем пшеница, жито и другие культуры».¹⁵⁾ Объявив всесоюзную кампанию повсеместных посадок кукурузы, партия не побеспокоилась обеспечить колхозы и совхозы необходимой техникой, а рабочих рук для возделывания этой культуры не хватало. В результате урожай во многих местах, где кукуруза могла уродить, не оправдал надежд, а в северных и северозападных районах принудительная посадка кукурузы привела к тому, что был напрасно затрачен тяжелый труд.

Со временем ореол «королевы полей» заметно поблек. А на декабрьском пленуме ЦК (1963 г.) Хрущев вынужден был вообще забыть отбой. Теперь он уже заговорил, что «кукуруза имеет длительный вегетационный период и сажать ее повсюду не следует. Если в 1955 году «Правда» писала, что «только кукуруза может дать такое количество зерна и сочных кормов, которые необходимы для удвоения производства животноводства в ближайшие 2-3 года»,¹⁶⁾ то теперь Хрущев говорит, что «у нас не должно быть приоритета для какой-то одной культуры» и, если надо, он согласен на сокращение посевов бывшей «королевы» в пользу пшеницы, ячменя и гороха.¹⁷⁾

Увеличение посевов кукурузы и освоение целинных земель были двумя «генеральными» направлениями сельскохозяйственной политики партии за минувшие 8-9 лет. Но параллельно принимались и иные решения, порой вполне разумные и необходимые. Так, например, 9 марта 1955 года ЦК КПСС и Совет министров СССР вынесли решение «об

¹⁴⁾ «Правда», 24. 5. 1957 г.

¹⁵⁾ «Правда», 4. 5. 1955 г.

¹⁶⁾ «Правда», 4. 5. 1955 г.

¹⁷⁾ «Известия», 10. 12. 1963 г.

изменении практики планирования сельского хозяйства», в котором осуждается «шаблонное, бюрократическое, оторванное от жизни планирование», существовавшее до сих пор. В постановлении сказано, что с этого пора покончить и предоставить право колхозам и совхозам самим решать, что и когда сеять, какие виды скота и в каких количествах содержать.

Казалось бы, что это, вполне правильное решение должно было развязать местную инициативу. Однако партия не решилась отказаться от бюрократического планирования, а только его несколько смягчила. Райкомы партии, а позднее территориально-производственные управления по-прежнему не доверяют колхозникам, ломают составленные ими планы, навязывают колхозам задания по посевным площадям, урожайности, поголовью скота и т. д. По-прежнему в колхозах хозяин — не правление и общее собрание, а местная партийная бюрократия. Начальник, партгор или инструктор-организатор управления решают, когда и что нужно сеять, когда начинать уборку и сколько из собранного колхозники должны сдать государству, а сколько оставить на семена, на корм скоту, в разные фонды и, наконец, для раздачи колхозникам по трудовым дням. Местные работники, чтобы выслужиться, перевыполняют планы заготовок хлеба, выскребают подчистую и семена и фураж, подрывают основы хозяйства.¹⁸⁾ Более богатые и крепкие колхозы еще могут как-то отстаивать свое право голоса в хозяйственных делах колхоза, а бедные, слабые хозяйства его полностью лишены. Естественно, что такая практика убивает у колхозников всякий интерес к общественному труду и глушит их инициативу.

Полезным было решение о ликвидации МТС и продаже машин и тракторов колхозам. Многие считали, что это решение — лишь ступенька в общей линии развития автономного начала в жизни колхозов. Но, как мы увидим в дальнейшем, это мнение оказалось ошибочным, хотя сама по себе ликвидация МТС была многим колхозам выгодна, но не убыточна, конечно, и государству.

К необходимым мерам следует отнести и повышение цен на продукты животноводства, сдаваемые колхозами.

¹⁸⁾ «Наш современник» № 3, 1963 г., очерк П. Ребрина «Головы-рино, Головырино...»

Правда, это повышение было совершенно недостаточным, и после него во многих колхозах себестоимость продукции осталась выше закупочных цен, а это означает, что развитие животноводства для этих хозяйств было по-прежнему убыточно. Уже много лет существует почти в половине хозяйств невероятный парадокс: чем больше сдают они продуктов животноводства, тем больший несут убыток и тем меньше колхозники получают на трудовые. Вряд ли такое положение может стимулировать развитие общественного животноводства. Пока колхозам и совхозам будет невыгодно разводить скот, нечего и ожидать изобилия мяса, молока, масла и других продуктов животноводства.

Изобилие этих продуктов может наступить, если у колхозов будет достаточно зерна на корм скоту, если цены на продукты животноводства будут выше себестоимости, а сама себестоимость будет непрерывно снижаться за счет повышения производительности труда и механизации трудоемких процессов в животноводстве. Сегодня же уровень механизации сельского хозяйства в два-три раза ниже того уровня, который требуется для производства нужного количества продуктов питания.¹⁹⁾

Разумные и целесообразные меры партии чередовались с усилением общего зажима и контроля. Руководители партии сделали лишь минимальное смягчение своей политики, но не собирались отказываться от доходов, которые они получают с деревни. Поэтому, как только дела в иных колхозах пошли лучше, Хрущев поторопился поставить границы заработка колхозников и взвалил убытки слабых колхозов на плечи более состоятельных.

В эти же годы были сокращены приусадебные участки, увеличен обязательный минимум трудовых и нормы выработки, сокращено количество скота в личном пользовании колхозников, а также урезаны права общих собраний колхозников. Приусадебные участки перестали быть постоянной величиной и их теперь могут в любой момент уменьшить в зависимости от участия семьи колхозника в общественном производстве. Обязательный минимум трудовых был увеличен с 100-150 до 300-350 для мужчин и с 90-100 до 200 для женщин. В ряде мест введен и обязательный минимум выходов на работу.

¹⁹⁾ «Вопросы экономики» № 6, 1962 г.

Смысл этих мер прост: максимально уменьшить личное хозяйство колхозников и заставить их все свое время и силы отдавать общественному производству, от которого государство имеет свои главные выгоды. Эти меры вызвали пассивное сопротивление колхозников, на преодоление которого партия мобилизовала силы своего аппарата.

Вмешательство руководителей партии в сельскохозяйственное производство стало сейчас еще более дотошным, чем раньше. Даже в области науки они считают себя непрекаемым авторитетом. Так, например, мартовский пленум ЦК 1962 года осудил травопольную систему и объявил ее чуть ли не вредительской. Не ученые, не агрономы, а партийные работники оказались высшими судьями различных направлений агрономической науки. Сторонники травополья считали, что при нашей бедности в минеральных и естественных удобрениях травополье позволяет без больших затрат обогатить почву. Замена же травопольной системы более интенсивной может быть вполне целесообразной при достаточном обеспечении сельского хозяйства минеральными удобрениями и машинами. У нас же удобрений мало и еще хуже с машинами. По словам того же Хрущева, большая часть кукурузы на зерно убирается вручную, не механизирована уборка сахарной свеклы, картофеля и крайне мало механизмов для погрузочных и разгрузочных работ. Из года в год не удовлетворяются заявки республик и областей на тракторы, машины и запасные части. Производство машин по сравнению даже с 1957 годом не увеличено, а уменьшено. Не выполнен план и по производству минеральных удобрений. За три года семилетки производство их должно было увеличиться на 10 млн. тонн, а выросло только на 2,9 млн. тонн. Спрашивается, зачем же тогда спешить с отменой одной системы земледелия, если еще не созданы условия для ее замены более интенсивной?

Нужно сказать, что Хрущев всегда придавал особое значение всевозможным организационным мерам. Все эти годы он был убежден, что корень зла в сельском хозяйстве нужно искать в несовершенстве структуры управления и в плохом подборе и расстановке руководящих кадров. В его речах повторялась не очень оригинальная мысль о том, что кадры в деревне решают все. Он, по-видимому, искренне убежден, что энергичный, инициативный и знающий работник может вытащить из прорыва любой колхоз. А отсюда

делается вывод, что подъем сельского хозяйства наступит немедленно, если во всех колхозах и совхозах будут соответственные руководители, а партия будет ими повседневно управлять. Этим объясняется постоянное нетерпение, или, как хорошо сказал Маленков, «административный зуд» Хрущева и его стремление побольше заменить работников и провести различные перестройки.

Одной из таких перестроек было укрупнение колхозов. Оно началось еще в 1950 году, и к 1953 году колхозов осталось 97 тысяч, к 1958 году около 78 тысяч, а к 1. 1. 1960 года всего 54.800.²⁰⁾ Укрупнение должно было, по мысли верхушки партии, организационно укрепить колхозы, улучшить экономику слабых за счет присоединения их к более сильным и облегчить контроль партии и государства за деятельностью колхозов. Одновременно десятки тысяч (по словам Хрущева, «не менее 30 тысяч»²¹⁾) партийных и советских работников было направлено председателями этих новых колхозов-гигантов. Большинство из назначенных не имели специального образования, а многие совершенно не знали сельского хозяйства и перед появлением в деревне прошли лишь краткосрочные курсы. Укрупнение колхозов и замена более чем одной трети председателей правления присланными сверху создали в колхозах новые взаимоотношения, при которых внутриколхозной демократии не осталось и в помине.

За минувшие три года трижды была изменена система управления сельским хозяйством. Январский пленум ЦК КПСС 1961 года разделил управление между тремя инстанциями: министерством сельского хозяйства, «Союзсельхозтехникой» и заготовительно-сбытовой организацией. Но этот порядок просуществовал очень недолго. На мартовском пленуме 1962 года была принята новая система, и для руководства совхозами и колхозами были созданы территориально-производственные управления (ТПУ). Каждое управление охватывает довольно большую территорию, границы которой не совпадают ни с административным районом, ни с областью. В области, как правило, несколько ТПУ и каждое объединяет хозяйства нескольких старых районов. Управления наделены еще большими правами, чем когда-то имели директора и политотделы МТС.

²⁰⁾ «Правда», 1. 4. 1960 г.

²¹⁾ «Правда», 31. 3. 1955 г.

В ноябре 1962 года пленум ЦК партии перестроил партийные организации сверху донизу по производственному принципу. Были созданы отдельно промышленные и сельские комитеты партии, которые должны все внимание уделять соответственно промышленности или сельскому хозяйству. Этими решениями партия взяла управление народным хозяйством непосредственно в свои руки и несет теперь за него всю полноту ответственности, в том числе и за состояние сельского хозяйства.

Задача всех этих организационных мер состояла в том, чтобы повысить персональную ответственность партийных работников на местах за состояние сельского хозяйства и приблизить управительные органы непосредственно к производству — к совхозу и колхозу. На практике перестройка увеличила бюрократизм в управлении, поставила над производителями целую армию партийных, государственных и комсомольских контролеров и лишила председателей колхозов и директоров совхозов остатков самостоятельности и инициативы. Новая система управления регламентирует каждый шаг каждого колхоза и контролирует выполнение им партийных директив. При этой системе права колхозников еще больше ограничиваются и колхозная демократия сводится к простой фикции. И поэтому не удивительно, что и все эти перестройки не улучшили и не могли улучшить положение колхозников, а были направлены против их интересов. Деревня ждет совсем иных, радикальных реформ. Не усиления управления сверху, а широкого самоуправления и права быть единственным хозяином на своей земле хочет наше крестьянство. Созданный же сейчас бюрократический и чрезвычайно раздутый партийный и административный аппарат в центре и на местах не сможет «вытянуть» сельское хозяйство, хотя бы потому, что сам является тормозом в его развитии. Взятый Хрущевым в 1961 году курс на полную ликвидацию всякого автономного начала в деревне глубоко ошибочен, и последствия этой ошибки уже заметны и еще больше скажутся в ближайшие годы.

Поскольку в первые послесталинские годы права колхозов и колхозников были несколько расширены, повышена оплата их труда и улучшена механизация, люди стали поначалу лучше работать, и производительность колхозов повысилась. Наибольшие результаты были достигнуты к 1958 году, когда новые материальные стимулы еще действовали, и колхозники надеялись, что партия и дальше пойдет им

навстречу. Однако меры, повысившие интерес колхозников к общественному хозяйству, довольно скоро себя исчерпали. После 1958 года уже стало видно, что дальнейший рост сельского хозяйства требует более глубоких, качественных изменений в самой колхозной системе и, прежде всего, в правовом и материальном положении крестьянства.

МОГУТ ЛИ СПАСТИ ХИМИЗАЦИЯ И ОРОШЕНИЕ?

Тяжелые итоги минувшего года убедили, наконец, президиум ЦК что проводимая политика экстенсивного земледелия, ставка на кукурузу и всевозможные организационные меры не могут вывести сельское хозяйство из тупика. Но и на этот раз ЦК КПСС не решился затронуть колхозную систему. В конце года пришли к выводу, что вся беда состоит в том, что у нас очень мало производится минеральных удобрений, а без них нельзя добиться хороших урожаев. Сама по себе правильная мысль о пользе удобрений была, как всегда, преувеличена Хрущевым и превращена в шумную пропагандную кампанию. Поднятый крик вокруг химизации должен был, по-видимому, заглушить критику сельскохозяйственной политики партии и, в частности, неразумное увлечение экстенсивными формами земледелия, которое причинило серьезный вред сельскому хозяйству основных земель.

На декабрьском пленуме ЦК КПСС была поставлена новая грандиозная хозяйственная проблема: создание химической индустрии и резкое повышение производства минеральных удобрений. Удобрения были объявлены, как в свое время целина и кукуруза, тем чудодейственным средством, которое решит все трудности и позволит обеспечить страну хлебом и другими продуктами. Теперь Хрущев заявил, что «интенсификация — главное направление в развитии сельского хозяйства».²²⁾

Спрашивается, почему же партия не уделяла этому важнейшему делу необходимого внимания и до сих пор даже не построены соответствующие заводы? Нельзя сказать, чтобы польза удобрений была вообще неведома Хрущеву и к этому открытию он пришел лишь в прошлом году. Еще в мае 1958 года тот же Хрущев предложил большую

²²⁾ «Правда», 15. 2. 1964 г.

программу химизации сельского хозяйства. Тогда было решено построить и модернизировать до 1965 года 257 химических заводов. **Но это решение не выполнено.** В конце 1962 года было построено только 76 заводов, 35 переоборудовано, и намеченный план производства минеральных удобрений пополнил длинный список невыполненных обещаний Хрущева.

В нашей стране минеральных удобрений производится в два раза меньше, чем в США, а наши посевные площади почти вдвое больше американских. И хотя у нас удобрений явно не хватает, из Советского Союза ежегодно вывозится 5 млн. тонн за границу. Но этот факт Хрущев предпочел скрыть от партии и народа.

На декабрьском и февральском пленумах Хрущев недостаток удобрений пытался объяснить тем, что страна до сих пор не располагала необходимыми материальными ресурсами. Это очень слабое оправдание. Во-первых, Хрущев сам признал в Краснодаре, что необходимые удобрения «мы могли иметь при большем внимании к производству и более разумном подходе к использованию минеральных удобрений». А во-вторых, в минувшие годы партия, не спрашивая народ, а значит и без согласия народа, бросила грандиозные суммы на освоение космоса и на помощь Мао Цзэ-дуну, Кастро, Сукарно и другим большим и малым диктаторам. В то время, когда у нас, у самих, оказывается, не хватало средств для развития сельского хозяйства, миллиарды рублей тратились неразумно, без учета жизненных интересов народа. Эта безхозяйственная, авантюристическая политика полностью противоречит интересам и нуждам страны.

Теперь же, когда с хлебом совсем стало плохо, средства нашлись и их бросили на химизацию. Хрущев отлично понимает, что хлеб **не только экономическая, но и острая политическая проблема**, и он сегодня не может допустить массового голода, как мог это сделать Сталин. В наши дни Хрущев рисковал бы слишком многим и пойти на такой риск он не решается.

Перед декабрьским пленумом Хрущев утверждал, что для производства необходимого количества зерна нужно к 1970 году иметь 100 млн. тонн удобрений. Госплан считал эту цифру, видимо, не реальной и наметил вначале 40 млн. тонн, а на пленуме была принята компромиссная цифра: 70-80 млн. тонн. За семь лет в развитие химической индустрии и химизацию необходимо вложить 42 млрд. руб. Откуда

возьмутся эти не такие уж малые деньги? Хрущев уверяет, что теперь сокращаются расходы на вооружение. На самом же деле военные расходы почти не меняются. В бюджете на 1964 год расходы на вооружение составляют 13,3 млрд. руб., и по сравнению с 1963 годом уменьшены лишь на 600 млн. руб. или на 4,5%. А в 1963 году они были повышены с 9,25 млрд. до 13,9 млрд. или на 49,7%. Так что химизация будет проводиться отнюдь не за счет военных ассигнований, а за счет сокращения ассигнований на развитие тяжелой промышленности. Провал сельскохозяйственной политики вынудил Хрущева выделить больше капиталовложений на производство предметов потребления и в частности на химизацию.

Никто не сомневается, что минеральные удобрения могут принести большую пользу. Но они не снимают накопившиеся противоречия в современной деревне. К тому же, производство удобрений связано не только с огромным вложением средств, но и с длительными сроками. Пройдут годы и годы, пока, наконец, заводы будут построены и дадут нужное количество удобрений. Но и это еще не решает задачу. Удобрения бывают разные, применяются не везде одинаково и эффект от них может быть разный. Чтобы решить, куда, сколько, каких удобрений нужно внести, колхозы и совхозы должны иметь опытных агрохимиков и почвенные карты. В деревне должны быть специалисты, умеющие сделать химическую оценку земли, а этих специалистов у нас почти нет и с подготовкой их дело обстоит очень плохо. Виной тому политика экстенсификации и ее сторонники.²³⁾

Помимо этого, для перевозки удобрений нужно иметь специально оборудованный транспорт, тару, помещения для хранения и машины для разброса удобрений по полям. У нас сейчас не хватает транспорта и помещений для уже собранного хлеба и он порой неделями лежит под открытым небом и гниет. Откуда же возьмутся вдруг транспорт, тара и помещения для удобрений? А если их будут перевозить, как сейчас, в открытом виде, а затем сваливать под откосы без всяких навесов и разбрасывать по полям лопатами, то толку от химизации будет очень мало.

Министр И. Воловченко несомненно прав, сказав на февральском пленуме ЦК КПСС: «Только наивные люди

²³⁾ «Огонек» № 51, 1963 г., «Правда», 12. 9. 1963 г.

могут думать, что минеральные удобрения и другие материально-технические средства сами по себе сотворят чудеса». ²⁴⁾

В прошлом году государство выделило для сельского хозяйства 15,9 млн. тонн удобрений. Это не так уж мало. Какой же был от них эффект? В печати приводились многочисленные факты о том, что колхозы и совхозы не хотели вывозить эти удобрения на поля и во многих местах горы удобрений сваливались вдоль железной дороги под открытым небом, поливались дождями, засыпались снегом и зимой дети с этих гор катались на санках. И если крестьяне и в дальнейшем не будут лично заинтересованы в эффективном использовании удобрений, то выполнение планов химическими заводами лишь увеличит горы у железной дороги, с которых детям еще веселее будет кататься зимой. Беда ведь не столько в недостатке удобрений, сколько в отвратительном, варварском их использовании, в казенном отношении к этому делу местных бюрократов и в отсутствии заинтересованности колхозников в получении и эффективном расходовании минеральных удобрений.

На декабрьском пленуме Хрущев, правда, говорил, что за хорошее использование удобрений нужно колхозников поощрять. Но говорил он об этом глухо, а главный упор сделал на то, чтобы прирост продукции от применения удобрений пошел государству. Это вряд ли может обрадовать колхозников. Иное дело, если большая часть прироста от урожая будет поступать в свободное распоряжение колхозников, а другая идти государству. Такое сочетание интересов колхозников и государства могло бы дать положительные результаты. Но, судя по решениям февральского пленума ЦК (1964 года), вряд ли партия пойдет по этому пути. Если бы дело шло в этом направлении, не нужно было бы созывать очередной пленум ЦК КПСС, на котором опять шел разговор о делах, может быть нужных, но не главных, не затрагивающих коренных интересов колхозников и рабочих совхозов.

Что же касается развития орошаемого земледелия, то это дело также требует огромных затрат и длительного времени, пока начнет давать результаты. Орошаемые земли могут, также как и удобрения, давать значительно больше зерна, если их освоение будет производиться не на «ура», не ме-

²⁴⁾ «Известия», 11. 2. 1964 г.

тодом крикливых кампаний, а постепенно, рационально и опираясь на инициативу и самостоятельность работников сельского хозяйства, которых нужно лично заинтересовать в хороших результатах. Сегодня этого нет и поэтому на полевных землях собираются позорно низкие урожаи. Так будет и в дальнейшем, если не изменится радикально вся почвенная сельскохозяйственная политика партии.

ГДЕ ЖЕ ВЫХОД?

Итак, ни целина, ни кукуруза, ни замена травополя иную системой земледелия, ни химизация и орошение не способны, при существующей политике в отношении крестьянства, совершить чудо и обеспечить быстрое развитие сельского хозяйства. До сего времени политика партии в деревне исходила из принципа: дать поменьше, а взять побольше. Такой подход не мог, разумеется, стимулировать роста производительности труда и общего подъема производства.

Подводя итоги десятилетия сельскохозяйственной политики Хрущева, мы видим, что тяжелое, кризисное положение в деревне создали следующие причины:

советское коллективное хозяйствование и жестокая эксплуатация крестьян властью;

Коллективное хозяйствование сковывает движущие силы производства, убивает инициативу и усердие крестьян.

Преимущественное развитие тяжелой индустрии в ущерб другим отраслям хозяйства и жизненным интересам населения.

Все минувшие годы Хрущев не мог отказаться от старой сталинской догмы о приоритете группы «А» (производство средств производства), не решался перевести часть средств с тяжелой индустрии на сельское хозяйство и поэтому оно получало машин в три раза меньше, чем ему требовалось, не имело нужного количества удобрений, транспорта, складов, строительных материалов, запасных частей и т. п.

Слишком большие обязательные поставки и чрезвычайно низкие цены на продукцию, закупаемую государством у колхозов.

Колоссальные расходы на освоение космоса, на изготовление ракет, поддержку иностранных компартий и помощь Китаю, Кубе, Индонезии, Египту и другим странам легли тяжелым бременем на

государственный бюджет. Это в свою очередь затрудняло повышение цен на колхозную продукцию, без которого у колхозников не было желания работать.

Увлечение целиной, посевами кукурузы и всевозможными перестройками, от которых рабочие совхозов и колхозники ничего не получали; сокращение личного хозяйства и иные меры административного воздействия на колхозников и рабочих совхозов, вызывавшее их сопротивление; бесправное положение колхозников и полная их зависимость при составлении планов, распределении доходов, определении сроков полевых работ от партийных и государственных органов.

Из всех этих причин, заведших в тупик советское сельское хозяйство, последняя причина имеет особое не только экономическое, но морально-политическое значение. Колхозники были и остаются самой бесправной и наиболее угнетаемой частью населения. На них не распространяется большая часть социальных и трудовых прав, которыми пользуются рабочие и служащие. Сейчас у рабочих и служащих сокращается рабочий день, а у колхозников увеличивается число обязательных выходов на работу и растет минимум трудодней. Они, как правило, не получают ежегодных отпусков, путевок в санатории и на курорты. Проработав в колхозе тридцать лет и состарившись на этой работе, колхозники, в подавляющем большинстве, не получали никаких пособий по старости, инвалидности и в случае болезни. Только в некоторых зажиточных колхозах созданы сейчас фонды помощи престарелым.

Нам могут возразить, что колхозы — не государственные предприятия и потому колхозники не могут претендовать на государственное социальное страхование и иные льготы, которые имеют рабочие и служащие. Это возражение справедливо лишь в формальном отношении. Всем известно, что колхозы лишь формально являются добровольными кооперативными объединениями. На самом деле государство, а точнее партия, через своих чиновников безраздельно командует в колхозах, снимает и назначает их руководителей, контролирует финансы, устанавливает производственные планы, отбирает у них большую долю общественного продукта по ценам, односторонне установленным тем же государством. О каком равноправии советских граждан может идти речь, если колхозники до сих пор прикреп-

лены к своим колхозам, как в свое время были прикреплены к помещикам крепостные?

Нет ничего удивительного в том, что колхозники в ответ на это оказывают пассивное сопротивление, плохо работают в колхозах, устраивают забастовки, скрывают от властей подлинный урожай и растаскивают колхозное добро.²⁵⁾ Все свои силы они отдают приусадебному участку, и в ряде мест, по выражению Ефима Дороша, «не усадьбы при колхозах, а колхоз при усадьбах».²⁶⁾ Даже в благополучных колхозах общественные нужды и личный интерес борются в душе колхозника, и колхозу очень трудно конкурировать с усадьбой, с ее агротехникой, с ее отличными урожаями, пишет тот же Ефим Дорош. И это не удивительно, поскольку очень многие колхозники живут в основном с приусадебных участков.

Нежелание колхозников работать на общественных полях вынуждает порой председателей колхозов, чтобы спасти хотя бы часть урожая, делиться с колхозниками по принципу: два мешка колхозу, один колхознику.²⁷⁾ Колхозники стараются всякими неправдами оставить в хозяйстве побольше хлеба, а поменьше сдать государству, забрасывают часть пахоты, плохо ухаживают за общественным скотом, лишь бы побольше времени выкроить для своих участков. Эта непрерывная, упорная, скрытая и открытая борьба крестьян с властью и составляет главное содержание всей истории колхозной системы, как при Сталине, так и после него.

Есть ли все же выход из тупика? И что же нужно сделать, чтобы производительность труда в колхозах выросла в два-три раза, а производство продуктов опережало спрос?

Самое главное в сельском хозяйстве сегодня, это люди и их личная заинтересованность в развитии производства.

²⁵⁾ «Наш современник» № 3, 1963 г. Очерк П. Ребрина «Головырино, Головырино...»

²⁶⁾ «Литературная Москва» № 2, 1956 г. Е. Дорош «Деревенский дневник».

²⁷⁾ «Наш современник» № 3, 1963 г. Очерк П. Ребрина «Головырино, Головырино...». «Нева» № 1, 1963 г. Очерк Ф. Абрамова «Вокруг да около».

Хрущев несомненно прав, говоря, что «не земля, не климат, а люди, их умение решают успех дела».²⁸⁾ Но, чтобы колхозники работали на общественных полях с таким же рвением, как на своих участках, они должны стать единственными хозяевами колхозов и выращенного урожая.

Надо больше доверять колхозникам и освободить колхозы от мелочной опеки производственных управлений и партийных органов. Не бюрократическое управление сверху, а самоуправление на началах подлинной демократии — вот что нужно сегодня. Колхозы должны стать действительно добровольными кооперативными объединениями, свободно избирающими свое руководство. Назначение сверху председателей колхозов и бригадиров — недопустимо.

Колхозники должны получить право свободного выхода из артели, с выплатой причитающегося им пая. Если колхозы будут свободными кооперативами и рентабельными предприятиями, нечего опасаться бегства людей из деревни. Всякие принудительные санкции и меры прикрепления людей к колхозу отпадут тогда сами собой.

Общим собраниям колхозников должны быть предоставлены реальные права не только менять Устав артели, составлять планы, распределять урожай и утверждать бюджет колхоза, но и ликвидировать артель, если этого пожелает большинство членов артели.

Поскольку существуют общие интересы у соседних колхозов по строительству дорог, мостов, электростанций, заводов и мастерских, следует всемерно стимулировать межколхозные связи и создавать межколхозные объединения. В ряде мест признается весьма желательным создание Всесоюзного объединения колхозов, которое представляло бы интересы колхозов и колхозников в высших правительственных и законодательных инстанциях.

Государственное социальное законодательство должно распространяться и на колхозников. В нашей стране не должно быть угнетенных классов. Колхозники должны иметь дни отдыха, получать оплаченные ежегодные отпуска, пособия по болезни, пенсии престарелым, отпуска женщинам по беременности и т. п. Многие колхозы не могут по бедности принять на свой бюджет расходы по социальному страхованию. Вина за их бедность лежит на государстве, которое разоряло их непомерными поборами. Поэтому государство

²⁸⁾ «Известия», 15. 12. 1963 г.

должно до тех пор, пока слабые колхозы не встанут на ноги, социальное обеспечение их членов взять полностью на себя. Предложение Хрущева о создании централизованного фонда социального обеспечения не может удовлетворить деревню. Хрущев все тяготы по социальному обеспечению перекладывает на сами колхозы и хочет лишь заставить колхозников лучше работать.²⁹⁾

Правительство должно отказаться от политики чрезмерной эксплуатации крестьянства и отменить все виды обязательных заготовок продуктов. Необходимо на все продукты сельского хозяйства установить цены, исходя из их средней себестоимости в разных экономических районах и с учетом рыночных цен. Эти цены не должны существенно отличаться от рыночных и по ним государство должно покупать у колхозников продукты на общих основаниях.

Распределение доходов в колхозах — дело самих колхозников. Уже в ряде мест вводится денежная оплата труда, и система трудодня, как устаревшая, ликвидируется. Освобожденные от экономического гнета и партийного диктата колхозники сами найдут наиболее справедливые формы оплаты своего труда и распределения годовых доходов. Тогда они совсем иначе будут относиться к общественному производству, и на колхозных полях будут с таким же усердием работать, как и на своих карликовых участках.

Одна из самых неотложных задач сегодня, это комплексная механизация и электрификация сельского хозяйства. Эта задача станет вполне осуществимой, если правительство вложит сюда необходимые средства. Для механизации наиболее трудоемких процессов необходимо увеличить выпуск машин разных видов и типов примерно в три раза. Колхозам должно быть предоставлено право самим заказывать нужные им машины непосредственно на заводах, которые нужно материально заинтересовать в этих заказах. Межзаводская конкуренция способна улучшить типы и поднять качество изготавливаемых машин.

Производство достаточного количества минеральных удобрений, тары, автомашин, строительство складов, дорог и мостов также неразрывно связаны с задачей подъема сельского хозяйства.

²⁹⁾ «Известия», 15. 2. 1964 г.

Однако все эти необходимые меры только тогда дадут максимальный эффект, когда в центре государственной политики будут поставлены интересы человека, интересы крестьянина — производителя материальных благ.

В этой статье я попытался проанализировать основные причины современного кризиса советского сельского хозяйства и наметил возможные пути его преодоления при существующем строе. Теоретически это возможно. Достаточно сослаться на опыт титовской Югославии. Но я не сторонник напрасных иллюзий. Как показывает минувшее десятилетие, правительство Хрущева не способно на радикальные преобразования. А без таких преобразований сельское хозяйство будет постоянно лихорадить и оно не сможет полностью удовлетворить растущие потребности в продовольствии и сырье. Без таких преобразований существующие в деревне социальные противоречия будут нарастать и увеличивать политическое напряжение в стране.

Политический юмор

Хрущев и школьник

Хрущев: Ну, что твой папа думает о наших делах?

Школьник: Папа говорит, что вы запустили спутники и сельское хозяйство.

Хрущев: Ты скажи своему папе, что мы можем сажать не только кукурузу...

Целина — символ

На XXII съезде Хрущев сказал, что целина это символ культуры советского сельского хозяйства. В чем же состоит преимущество сельского хозяйства на целине? Оно очень простое: хлеб сеется на целине, а урожай собирается в Канаде и в Америке.

„Правые“ и „левые“

Б. Сергеев

Десять лет тому назад мир был жестко разделен «железным занавесом» на два вооруженных, враждебных лагеря. Политика одного из них была всецело направлена на внешнюю экспансию — в восточной Европе и в Берлине, в Чехословакии и в Греции, в Китае и в Корее. Внешняя политика второго, напуганного первоначальными успехами противника, была направлена на укрепление своей военной мощи, на создание цепи оборонительных союзов. Стратегия этой борьбы была предельно проста: успех одной стороны был поражением другой, и было абсурдно думать о какой-либо общности политических интересов между ними. Простота ситуации не оставляла места для споров о методах борьбы в каждом из враждующих лагерей — на войне стреляют, а не дискутируют о том, как стрелять. Более того, традиционные, унаследованные от девятнадцатого века деления на «правых» и «левых» утратили всякий смысл, поскольку и крайне «левые» и крайне «правые» сомкнулись на одном фланге ультра-консерватизма и диктатуры. Однако в наши дни изношенные, как будто, категории «правых» и «левых» приобретают новое значение.

Со смертью Сталина закончился этап «холодной войны» и начался постепенный процесс детоталитаризации тотальной власти в коммунистическом блоке, который достигал своих вершин на XX-ом и XXII съездах КПСС и вновь заострился после крушения попытки военной экспансии на Кубу. Даже относительная внутрипартийная свобода, появившаяся таким образом, заразительна, хотя бы в силу официального мифа о единстве партии и народа. Ес-

Статья Б. Сергеева выражает довольно распространенные взгляды существующие на Западе и у некоторой части советской интеллигенции на происходящие перемены в нашей стране. Печатается статья в дискуссионном порядке. Р е д.

ли собственное мнение разрешено партийным коммунистам, то как можно право на него отрицать за беспартийными коммунистами? А отсюда до уличных демонстраций — один шаг!

Но если уличные демонстрации пока что еще можно расстреливать, то ликвидировать фракционное расслоение в самой партии при новой обстановке — некому. В отсутствии тотального страха, появление разногласий и следующее за ним фракционное расслоение неизбежно: выявляются *правые*, т. е. ортодоксальные сталинцы, появляются *левые*, т. е. ревизионисты разных оттенков, включая прозападников, и, наконец, лавирующий между ними *центр*.

Появление в партии плюрализма, т. е. элементов свободы, ведет к тому, что партией нельзя больше управлять привычными тоталитаризму приемами. Стоящий у власти центр вынужден прибегать к приемам торга, переговоров, коалиций, согласования и соподчинения, к непривычным для режима методам парламентарного типа борьбы.

Для постороннего глаза эта плюрализация некогда тотальной власти более всего заметна в области междупартийных отношений, где она получила название полицентрализма. Автономные центры в Белграде и Варшаве, вольнодумство компартий, конфликт КПСС-КПК, создание двух параллельных партий в Бразилии и ряде других стран — таковы общеизвестные вехи этого пути. «Левый» Тито, «правый» Мао и балансирующий в центре Хрущев — все стараются проводить свою собственную версию марксизма-ленинизма на практике, и никого уже не шокирует открытие, что есть много путей к социализму.

Но если для постороннего глаза деление на «правых», «левых» и «центр» заметнее всего на международной арене, то подобное же деление наблюдается и внутри КПСС, в олицетворении хотя бы Суслова, Спиридонова и того же Хрущева. И если непоследовательность, противоречивость, а зачастую и инертность советской внешней политики за последние годы частично объясняются междупартийной борьбой, то противоречивость, а часто беспомощность внутренней политики Хрущева в значительной мере объясняются внутрипартийной борьбой.

Если Хрущев одной рукой одобряет публикацию в «Н о в о м м и р е» повести Солженицына, а другой рукой закрывает в Москве экспериментальную выставку советских художников-абстракционистов, то налицо прежде всего так-

тический шаг стреляного политика: удовлетворить требование «левых», но не слишком уж разгневать «правых». Если систематично, под лупой, рассматривать советскую политику, то примеров подобного лавирования между «правыми» и «левыми» можно найти великое множество — и в области промышленности, и в области сельского хозяйства, и в области внутрипартийных отношений. Власть, озабоченная прежде всего сохранением равновесия сил, уже не есть тотальная власть.

Здесь, естественно, встают два вопроса. Первый: как это власть, вскормленная на дрожжах тоталитарного мировоззрения, прошедшая школу сталинского тоталитаризма и до сих пор утверждающая тотальную конечную цель — мирового господства, — как эта власть дошла до жизни такой? И второй вопрос: каковы пределы деготалитаризации власти, как далеко она может пойти по этому пути и с какой скоростью?

В попытках ответа на первый вопрос не ощущается недостатка. Это излюбленная тема «знатоков» Советского Союза, и на эту тему исписаны тысячи журнальных страниц. Крайние мнения сводятся к тому, что власть после смерти Сталина «отступила под давлением народа», и к тому, что власть, по разумности и доброте своей, добровольно решила измениться. Я думаю, что ни одна из этих крайних точек зрения не выдерживает критики. Первая теория нереальна уже потому, что в первое время после смерти Сталина у народа не было никаких реальных орудий воздействия на власть и потому народу было просто нечем «заставить» ее пойти на уступки. В некоторых концлагерях произошли неприятные для власти волнения, но в то же время сама власть воспрепятствовала спонтанному желанию толпы одурманенного народа — поклониться телу умершего тирана. Что касается второй теории о добровольном изменении власти, то она столь же нереальна. Она предполагает наличие в руководителях КПСС такого мистического элемента обращения к святости, который... ну, просто противоречит всем принципам политической науки, основанной Макиавелли.

Если по исторической хронологии проследить за постсталинскими процессами в СССР, то станет ясно, что разложение тоталитарной власти началось сверху, а не снизу. Заставили режим отступить от строго тоталитарной модели, в основном, сугубо объективные политические ус-

ловия. За годы пятилеток в стране был построен сложный, современный, техническо-экономический аппарат, и этот аппарат просто не мог дальше развиваться в условиях полной изоляции от иностранного мира, полного подавления свободы научного творчества, полного подавления инициативы хозяйственного руководства, примитивно-централизованного планирования и отсутствия систематических критериев для размещения ресурсов. Когда в угоду произвольным догмам более всего обещающая технике наука — кибернетика — запрещена, когда в угоду романтике стали и угля страна лишена химической промышленности, когда в угоду политическому контролю над крестьянством урожайность падает ниже дореволюционной, а скот наполовину перевелся, — тогда становится ясно, что «так дальше править нельзя». Править бы можно было, если бы купленный этой ценой военный аппарат завоевал весь мир и, завоевав, заморозил в тоталитарном холодильнике на том же уровне, что и СССР. Но тут другой технологический фактор — появление ядерного оружия — сделал возможность военного порабощения окружающего мира весьма иллюзорной. А раз врага нельзя уничтожить — значит его надо пережить, значит с ним надо состязаться, значит надо дать свободу техникам и ученым, инициативу — хозяйственникам и хоть какую-то заинтересованность трудящимся. С волками жить — по-волчьи выть. Хочешь сосуществовать и состязаться с капиталистами — приобретай капиталистические замашки. Это, конечно, не исключает, что руководителям партии и правительства лично приобретение таких замашек куда милее запуганного сталинского аскетизма: это, так сказать, субъективный фактор, в дополнение к объективным.

Перейдем теперь ко второму вопросу: если в силу нежизнеспособности тоталитарного, последовательно тоталитарного, террористического строя в условиях современной техники партия была вынуждена взять курс на состязание с Западом и на ограниченную либерализацию, то куда этот курс приведет и чем и когда он кончится?

Опять же, есть два крайних взгляда на этот вопрос. Пессимисты, или «правые», говорят, что коммунизм, ограничившись частичной либерализацией, присвоит себе ряд достижений западного мира, будет с ним успешно конкурировать и, сохранив в то же время преимущества дикта-

торской власти, преимущества централизованной, наступательной политики, в конце концов победит.

Это — не только точка зрения западных пессимистов, это также точка зрения «центра» в советском блоке. Те, кто придерживается этой точки зрения на Западе, выдвигают ряд аргументов в пользу ограниченности эволюции коммунистического режима.

Они говорят, что власть в условиях ослабленного террора и попыток привлечь на свою сторону местную инициативу просуществовала вот уже десять лет и добилась значительно больших успехов, чем за последние годы эпохи террора. Поэтому нет оснований предполагать, что ограниченная либерализация неизбежно приведет к крушению строя. Они говорят, что в коммунистических странах, даже самых либеральных, по-прежнему нет никаких институционных гарантий права и куцых свобод, нет никаких гарантий, что террор не вернется назад.

Есть и другая, оптимистическая точка зрения людей, которых на Западе считают немного «левыми», а в СССР — ревизионистами. Они не всегда высказывают свой оптимизм вслух, но в глубине души считают, что ограниченная эволюция, и уже тем более возврат к террору невозможны, что техническая, экономическая и психологическая необходимость постепенно — в перспективе, скажем, ближайших пятидесяти лет — неизбежно приведет к полному крушению тоталитарного или полутоталитарного строя в СССР. (Китай никто никаких сроков не дает).

Гарантию от возврата к сталинизму сторонники оптимистического взгляда видят в том, что десталинизация была не добровольной, а вынужденной. Пока существует атомная бомба и западный мир, то есть невозможность военной победы и необходимость мирного соревнования, до тех пор возврат к сталинизму будет равен самоубийству и для режима, и для страны. Это ясно видит Хрущев — потому-то он и добивается так упорно ликвидации и атомного оружия, и западного мира.

А если, поворот далее оптимисты, режим решил жить, а не кончать самоубийством, и вынужден жить в условиях мирного соревнования, то постепенная дальнейшая детоталитаризация власти неизбежна, поскольку диктаторская власть на поприще техническом, экономическом и культурном не помогает, а мешает успешному состязанию с Западом.

Примеров того, как подчинение всех областей жизни политическим интересам диктатуры тормозит развитие страны — бесчисленное множество. Вся суть в том, говорят сторонники оптимистического взгляда, что проблемы эти — принципиально неразрешимы в условиях политической монополии. Без рыночной системы невозможно рациональное распределение хозяйственных ресурсов, как бы ни перестраивался аппарат планирования; без элемента прибыли невозможен здоровый хозяйственный рост, какие бы премии ни выдавались за перевыполненный план, а искусство и литература по партийной шпаргалке никогда не смогут удовлетворить зрителя или читателя, у которого есть возможность сравнить.

Короче говоря, по мнению оптимистов, мирное соревнование с Западом на поприще техническом, экономическом и культурном будет вынуждать режим все больше и больше уподобляться Западу.

С другой стороны: необходимость для Запада соревноваться с политически централизованным строем будет вынуждать Запад, в некоторых политических областях, сокращать мешающие соревнованию свободы, и, таким образом, в какой-то мере уподобляться политически централизованному строю. Таким образом, в какой-то более или менее отдаленной перспективе наследники Хрущева, признавшего сейчас социалистом Тито, признают социалистами и американцев, наследники Кеннеди признают наследников Хрущева достойными членами плюралистического общества, не хуже Франко или Сукарно, обе стороны бросятся друг другу в объятия и начнется медовый месяц. В условиях отсутствия внешнеполитической угрозы и при более интенсивном общении с внешним миром политический строй России может, без особенно серьезных потрясений, перестроиться на демократические рельсы. В подписании долгожданного договора о прекращении ядерных испытаний принято видеть первую ласточку этой весны.

Мне кажется, что вот эти две перспективы — пессимистов и оптимистов, «правых» и «левых» на Западе, — необходимы для понимания современной политики Запада. Эта политика сводится к пяти основным пунктам:

1. И самый главный: не допустить военную победу коммунизма. Для этой цели американцы сейчас имеют примерно 450 дальнебойных ракет с взрывчатой силой в 35 миллиардов тонн тринитротолуола, направленных на Советский

Союз, и 990 реактивных бомбардировщиков с атомным грузом, известный процент которых непрерывно курсирует в воздухе. В ближайшие годы число ракет предполагается довести до 2.000. Параллельно с производством этого оружия ведутся переговоры о контролируемом разоружении, которые преследуют ту же цель — сделать военную победу коммунистического блока невозможной.

2. Под прикрытием этого атомного зонта Запад стремится сохранить статус-кво и погасить мелкие агрессии — во Вьетнаме, в Лаосе, в Индии и на Кубе. Эта политика сдерживания всецело подчинена принципу «мы не трогаем вас, так вы не трогайте нас». Считается, что только такая постановка вопроса реальна и нравственно оправдана, поскольку, если в ответ на «вашу» агрессию «мы» тоже начнем заниматься агрессией, то мы станем ничем не лучше вас, а в начавшейся потасовке легко сможет стореть человечество.

3. Развивать экономические и технические преимущества Запада до такой степени, чтобы всякие попытки состязаться с ним в этой области были обречены на неудачу. Иначе говоря, на деле доказать — «весомо, грубо, зримо» — преимущества открытого или плюралистического общества над обществом закрытым или монистическим. Здесь главным элементом является политическое и экономическое объединение Европы, которая догоняет и перегоняет Америку значительно более успешно, чем это делает СССР. Сюда же относится и ракета на Луну, один ангар для которой стоит 50 миллионов долларов.

4. Укреплять и стабилизировать нейтральный пояс так называемых слаборазвитых стран, недавно выпедших из колониальной зависимости. Эта политика сравнительно нова, поскольку ранее делались попытки вовлечь эти страны в орбиту западного мира. Эти попытки были не особенно удачны оттого, что они подменяли трезвый учет различий политических интересов и политического менталитета морализаторскими рассуждениями о том, что «ах, мол, нейтрализм — это безнравственно». Но опыт показал, что принятие тем же Насером советской помощи не мешает его антикоммунизму, так же как принятие американской помощи не мешает его антиамериканизму. Опыт показал, что местные нейтралистские правительства гораздо более стабильны, чем прозападные марионетки. И, наконец, советские фиаско в Ираке и в Конго, а также опыт Индии про-

демонстрировали, что, сохраняя свою независимость, блок нейтральных стран стоит, в конечном итоге, на стороне свободы.

Наконец, п я т а я основа политики Запада — это расчет, что лишенный возможностей экспансии и лишенный возможности «догнать и перегнать» Запад, коммунистический блок будет постепенно изживать свои агрессивные вожделения и превращаться в более цивилизованное и более плюралистическое общество, — по рецепту оптимистов, о которых я говорил ранее. Этот расчет ведет к политике осторожного поощрения элементов плюрализма в советском обществе и во всем блоке. Сюда относится, например, экономическая поддержка Тито и Гомулки, независимость которых для разложения советского блока имеет чрезвычайно большое значение. Далее, сюда относятся программы культурного обмена, несмотря на всю его ограниченность; сюда относится тот факт, что на Западе есть уже более десяти различных радиостанций, ведущих передачи в Советский Союз, сюда относится и тот факт, что, скажем, НТС не запрещен западными правительствами.

Однако политика поощрения идейного плюрализма в странах советского блока должна быть, по этой концепции, незаметной, постепенной и осторожной, поскольку возникновение радикальной политической оппозиции, грозящее внезапными потрясениями, может затормозить, а не ускорить процесс ослабления партийной монополии в области экономики и культуры. «Польский вариант» видится как более соответствующий современной мировой обстановке, чем «венгерский вариант».

Надо, конечно, отметить, что изложенная здесь политика «пяти пунктов» не пользуется на Западе единодушным признанием. «Правые» критики считают, что она оборонительна по существу, а потому не может привести к победе, да и не стремится к ней. Западным «правым» критикам вторят восточные, только острия их направлены и на Хрущева.

Однако, несмотря на сильную оппозицию, в мире в общем превалирует позиция оптимистов, которые говорят: зачем мне нападать на моего врага и подвергаться риску, если у него рак и он все равно скоро помрет? И в основе, мне кажется, Запад настолько убежден в собственном здоровье и в собственной жизнеспособности, в способности разрешить неразрешенные еще проблемы, что тактика запугивания

«у него-то может быть и рак, но он тебя пристрелит, прежде чем помрет» — имеет мало шансов на успех.

У руководства КПСС — самоуверенности не меньше, но объективные возможности несравненно уже, поскольку каждая уступка во имя укрепления страны уменьшает тотальность власти. По существу, разница между догматиками и ревизионистами сводится к тому, что для первых — сохранение тотального господства есть первая цель, а экономический рост и общая сила страны второстепенны. Ревизионисты же видят, что первое без второго равно подпиливанию ветки, на которой сидишь, и готовы поступиться тоталитарной властью ради роста страны. Иначе говоря, содержание для ревизионистов важнее формы.

Ирония нашего положения заключается в том, что перед эмиграцией и перед антикоммунистической оппозицией вообще стоит подобная же дилемма: отстаивать ли свержение коммунистической власти любой ценой, так сказать, революция или смерть, или же отстаивать примат содержания над формой, то есть признать, что цель — правовое плюралистическое государство, а под какого цвета знаменами оно будет и путем каких эволюционных или революционных вариантов оно возникнет, — не важно.

Таким образом, сообразно двум возможным тактикам коммунизма, титовской или Мао, сообразно двум возможным тактикам Запада, скажем, тактике Джонсона и тактике Голдуотера, возможны и две тактики антикоммунистической оппозиции: «революция любой ценой» и «содержание важнее формы».

Тактика «революции любой ценой» имеет в России богатую традицию, начиная с Желябова и Перовской. Если следовать этой тактике, тактике — чем хуже, тем лучше, то ревизиониста Хрущева надо убить так же, как был убит реформатор Александр Второй. Коммунистический режим лишит аппарат упрямой сменой власти, это одно из его самых уязвимых мест, и верхушечный террор в наше время расшатал бы власть значительно сильнее, чем в императорской России.

Тактика «содержание важнее формы», весьма популярная на Западе, имеет в России очень слабую традицию, что объясняется юностью и незрелостью нашей политической жизни. Однако за эту незрелость нам пришлось дорого заплатить — Россия за нее расплачивается вот уже 46 лет. Основной вывод из этого страшного опыта — это, как

немцы говорят, «кайне эксперименте мер» — мы больше не хотим великих потрясений.

С этим тесно связан вопрос об идейном содержании движения за новое общество. Происходящее в Советском Союзе восстание умов — это бунт против официальной идеологии, и всякая попытка «оседлать» это восстание другой какой-либо идеологией — обречена на неудачу. Разложение тоталитарного, в своем роде религиозного общества, — длительный процесс, процесс психологического выздоровления целой нации. В начальных своих фазах процесс разложения тоталитарного образа мыслей, естественно, лишен резкости, политической заостренности. Вполне здорово и естественно, если это разложение происходит на почве бытовой, на почве холодильников, модных журналов или пластинок твиста.

Разложение тоталитарного общества не может начинаться с проповеди новой идеи, пока людей еще тошнит от старой. Юных монахов или монашек никто не соблазнит другим, более совершенным монастырским уставом, но их можно соблазнить отсутствием одного. И вопрос стоит не так, как считалось в НТС лет пятнадцать-двадцать тому назад, что одному целостному мировоззрению должно быть противопоставлено другое целостное мировоззрение. Вопрос состоит в том, чтобы использовать соблазн безыдейности, а потом уже, на развалинах монистического мировоззрения, дать людям материал для выработки собственного, плюралистического мировоззрения, мировоззрения свободы.

Слушайте передачи радиостанции «СВОБОДНАЯ РОССИЯ» ежедневно от 12 до 17 и от 18 до 23 час. по московскому времени на коротких волнах в диапазонах 27 и 46,5 метра или около 6,40 и 11,5 мегагерц и в 16.00, 17.30, 19.00 и 00.30 по московскому времени на короткой волне в диапазоне 31 метра или 9, 630 — 9,730 мегагерц.

В борьбе с глушением мы иногда меняем длину волны, уходя на полметра в сторону.

В тупике неосуществимых задач

А. Николин

От редакции: Публикуемая статья А. Н. Николина написана по материалам доклада, прочитанного им на Политическом совещании при Совете НТС в начале ноября минувшего года. Значительная ее часть посвящена внешней политике Запада и прежде всего США. В то время, когда статья готовилась к печати, произошла трагическая смерть президента США Джона Ф. Кеннеди, который был творцом и проводником этой политики. Но и после этого события статья А. Н. Николина не потеряла своей актуальности. В ближайший год, вплоть до выборов нового президента США, вряд ли можно ожидать значительных перемен во внешней политике этой ведущей державы некоммунистического мира.

Современная международная обстановка характеризуется одним любопытным обстоятельством: обе стороны — и Запад и коммунистический мир — ставят своей задачей прекращение противником «холодной войны» (хотя конец «холодной войны» понимается враждующими сторонами, как мы увидим ниже, совсем по-разному). Вместе с тем, эта задача объективно недостижима, что, вероятно, понимают на Западе и на Востоке.

Но это не единственный парадокс; наша современность изобилует подобными парадоксами; более того: можно сказать, что на этих парадоксах и держится хрупкое здание мира (точнее было бы: «здание отсутствия войны», но так выразиться невозможно).

1. Коммунистический лагерь и Запад

Представители «коммунистических и рабочих партий», собравшиеся в ноябре 1960 года на совещание в Москве, поставили перед собой практически неосуществимую задачу: сочетать наступательную тактику коммунизма с изменившейся обстановкой в мире, с обстановкой, не предвиденной никакими «классиками марксизма-ленинизма».

Были взвешены и внесены в «декларацию» обе возможности захвата власти коммунистами: возможность «мирного перехода к социализму» и возможность завоевания власти «немирным путем».

Первый путь применительно к передовым демократическим странам предполагает завоевание власти в результате парламентских выборов, которые дадут коммунистам и их попутчикам большинство. Сознавая, что компартии сами по себе не в состоянии заручиться поддержкой большинства избирателей, московское совещание компартий рекомендовало на этот случай тактику «народных фронтов» и, в первую очередь, блок с демократическими социалистами.

Применительно к экономически отсталым афро-азиатским странам выдвинута идея «национальной демократии» — государства, в котором — в результате ли военного переворота или закулисных махинаций — коммунисты участвуют в правительстве наряду с другими партиями. От «народной демократии» «национальная» отличается тем, что коммунисты формально не играют в правительственной коалиции руководящей роли, и что государства «национальной демократии» не входят в «лагерь», а ограничиваются нейтральным и прокоммунистическим внешнеполитическим курсом. Предполагается (хотя об этом и не говорится), что с течением времени «национальные демократии» преобразуются в «народные», со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Действительность, однако, показывает, что создание блоков коммунистов с социалистами — утопия для таких стран, как Англия, Швеция, Норвегия, Дания, ФРГ, Австрия, Бельгия, Голландия, Швейцария, Австралия, Новая Зеландия: ни при каких условиях социалисты в этих странах не сядут за один стол с коммунистами, да это им и не к чему: компартии там слишком малочисленны и маловлиятельны. В Италии мы даже наблюдаем явление обратного порядка: отход социалистов Ненни от союза с коммунистами. Не нужно быть пророком, чтобы предвидеть и конечный неуспех переговоров о совместной тактике социалистов и коммунистов Франции: никакие визиты в Москву французских социалистов не изменят их демократических и прозападных (включая и само участие Франции в НАТО) установок. Но что для коммунистов хуже всего — рост материального благосостояния трудящихся в передовых странах Запада и со-

циальное законодательство устраняют саму почву для «пролетарской революции».

Жизнь разбивает надежды и на возможность создания государств «национальной демократии». Не только не создано пока ни одного такого государства, но становится все очевиднее, что националистические партии и вожди, пришедшие к власти в целом ряде афро-азиатских стран, отнюдь не хотят потесниться и дать место под солнцем коммунистам. Одним из первых актов Бен Беллы был запрет алжирской компартии. Запрещена деятельность коммунистов и в Объединенной Арабской Республике, Иране, Сирии, Гвинее (откуда, кстати, в 1961 году был выслан советский посол Солод за участие в подготовке коммунистического переворота; по этой же причине из Конго (с центром в Леопольдвилле) выслано советское посольство в полном составе), Бирме, Камбодже и других странах. Правда, почти все эти партии и вожди без усталости заявляют о своей приверженности социализму: «арабскому», «африканскому» и даже «научному» (диктатор Ганы Кваме Нкрума недавно сказал, что он знает лишь один вид социализма: «научный»). Но этот «социализм», выражающийся в разделе крупных земельных участков между крестьянами и в создании государственной промышленности, все эти партии и вожди хотят оставить для себя и не расположены терять свою самостоятельность, вступая в «братскую семью коммунистических и рабочих партий».

Итак, перед руководством КПСС остается по-прежнему, в качестве уже не утопии, а реальности, путь насаждения в некомунистических странах коммунизма «немирными» средствами, — путем «национально-освободительных войн» в экономически отсталых и в зависимых странах, которые приведут к победе коммунистов, и путем разгрома Запада в термоядерной войне или, по крайней мере, его добровольной капитуляции в результате угрозы такой войны. Именно такие способы и были «центром тяжести» московской декларации 1960 года, осудившей «ревизионизм» югославских коммунистов, как «главную опасность на данном этапе». (Известна стратегическая установка югославских коммунистов: расчет на «мирное вращение в социализм» некомунистических стран, причем в процессе этого «мирного вращаения» руководящая роль компартий обязательна отнюдь не повсюду: с точки зрения СКЮ, Швеция, например, может «врасти в со-

циализм» под руководством социал-демократов, а Алжир — под руководством Бен Беллы и его «фронта»).

Но не только успешность таких способов представляется сомнительной. Если даже предположить, что кое-где они бы привели к успеху, то возникновение новых коммунистических государств было бы в *данный момент* тяжелой обузой для советской экономики. На шею советскому руководству легла бы новая Куба, которую было бы нужно кормить, вооружать и снабжать промышленным оборудованием. Отношение нашего народа к подобным видам «братской помощи» совершенно недвусмысленно и секрета для власти не представляет. А народ — это не такой фактор, которым власть могла бы пренебречь, принимая современное соотношение сил в стране. К этому следует добавить острый продовольственный кризис, вынудивший власть сокращать размеры «братской помощи» (крупной безвозмездной помощью на 1964 год пока заручились только Алжир, Куба и Лаос. О такой помощи безрезультатно хлопотали в Москве премьер-министр Цейлона госпожа Бандаранайке и премьер-министр Непала Тулси Гири).

Отсюда можно сделать вывод, что руководство КПСС *решило повременить до поры с организацией и поддержкой «национально-освободительных войн» и коммунистических переворотов в слаборазвитых странах.*

Для оправдания же и теоретического обоснования этой задержки взята на вооружение титовская доктрина о «мирном вращении в социализм». Откровенно она, правда, не излагается, но высказывания в ее духе на страницах советской печати уже появляются. Так, в журнале «Международная жизнь» мы читаем:

«Советская помощь, содействуя развитию государственного сектора экономики, стимулирует рост рабочего класса и ограничивает рост буржуазии. Она усиливает позиции прогрессивных сил, улучшает положение трудящихся, показывает преимущества социализма, содействует его популяризации. Такой характер советской помощи благоприятствует развитию молодых суверенных государств по некапиталистическому пути».*)

«Китайские товарищи», со своей точки зрения, совершенно правы, когда обвиняют руководство КПСС в том, что оно «предало» коммунистов афро-азиатских стран, поддержива-

*) «Международная жизнь» № 10, 1963 г., статья Г. Сторушенко «Национально-освободительное движение и борьба за мир».

ет в этих странах «национальную буржуазию» и выступает там с позиций югославских «ренегатов» и в союзе с ними.

Посмотрим теперь, как обстоит дело со стратегией руководства КПСС относительно Запада.

Мы уже отметили, что надежды на «мирные способы перехода к социализму» иллюзорны. То, что они иллюзорны, разумеется, отлично сознается и руководством КПСС. Единственным реальным средством насаждения коммунизма на Западе остается война или добровольная капитуляция Запада перед угрозой войны. *Руководство КПСС никогда не отказывалось и не отказывается и сейчас от этого последнего средства. Но перед тем, как к нему прибегнуть, оно хотело бы быть заранее уверенным в своей победе. В данное время у него такой уверенности нет.*

Поэтому, прежде чем заговорить языком ультиматумов, руководство КПСС применяет в отношении Запада тактику сочетания трех методов: *изоляции, дезорганизации* (и деморализации) *и устрашения.*

Тактика изоляции состоит в стремлении политически, психологически, дипломатически и экономически оторвать афро-азиатские страны от Запада. В применении этой тактики руководство КПСС может похвастаться известными успехами, но частичными и далеко не полными. Сукарно, Неру, Насер и Бен Белла могут ездить на поклон в Москву, получать там рубли и поносить на всех перекрестках «империалистов». Но, во-первых, они знают, что доллары, франки и марки тоже имеют свой вес (и не малый вес), а, во-вторых, они не могут не учитывать, что «американский образ жизни» им грозит все же меньшим и обещает больше благ, чем коммунизм. Тактике *изоляции*, проводимой руководством КПСС, лидеры афро-азиатских стран не без успеха противопоставляют свою собственную тактику *равновесия* между двумя блоками, на практике выражающуюся в том, что на каждый полученный ими рубль приходится полтора, а то и два доллара (не считая другой валюты).

Сравнительно более успешной оказалась тактика дезориентации (и деморализации) Запада. Конечной своей цели она, правда, не достигла: капитулировать Запад не собирается. Но зато усердное навязывание лозунга «мирного сосуществования» привело к росту на Западе соглашательских тенденций, к тому, что активный антикоммунизм сейчас на Западе «не в моде», а требуется «эластичная» политика (причем никто, однако, не знает, в чем должна, собственно, заклю-

чаться «эластичность»), к тому, что мировая общественность, остро реагируя на факты косвенной дискриминации буддистов в Южном Вьетнаме, проходит мимо *прямого* преследования верующих в Советском Союзе (много ли писалось на Западе об издевательствах над монахами и паломниками Почаевской Лавры?), к тому, что наименее популярными личностями на Западе являются не «хороший» Хрущев и даже не «плохой» Мао Цзе-дун, а никому не угрожающие ядерным Апокалипсисом Салазар и Фервурд (политику обоих мы сейчас оценивать не будем). На каком-то расстоянии за ними следует «несговорчивый» Аденауэр и «неудобный партнер» де Голль.

По-видимому, «размягчение воли», наблюдающееся сейчас в известных кругах западной общественности, и побудило президента США Кеннеди за последнее время *дважды* предостеречь американцев от чрезмерного оптимизма: советское руководство не отказалось ни от одной из своих целей, передышка в холодной войне не означает прочного мира, возможности соглашения с советским руководством ограничены и не исключают больших и малых международных кризисов в будущем.

Используя тягу Запада к «эластичной» политике и известному соглашательству, советское руководство вновь выступило с предложением заключить пакт о ненападении между странами НАТО и странами Варшавского пакта. Идея такого пакта не нова, и руководство КПСС уже выдвигало его неоднократно на протяжении ряда лет. Предлагаемый пакт не содержит, собственно, ничего, что бы не было уже оговорено в Хартии и в Уставе ООН. Если советское руководство настаивает на таком пакте, то не столько по военно-политическим, сколько по политико-психологическим соображениям. *«Пакт о ненападении» формально как бы закрепил на Западе, возвел в обязательную норму соглашательский климат.* Он сделал бы возможным следующий вероятный шаг руководства КПСС: предложение некоего «договора о прекращении холодной войны». Под вывеской этого договора от Запада бы потребовалось не только отказаться от публикации и распространения антикоммунистических изданий, но и вообще запретить у себя всякую деятельность, направленную против коммунизма — и как идеи, и как режима. Всякая, даже маленькая, критика коммунизма или негодное руководству КПСС освещение его истории и практики в печати, радио, искусстве, школах и пр. были бы уже

проявлением «холодной войны» и поводом для дипломатических протестов. То, что под прекращением «холодной войны» руководство КПСС понимает именно такое состояние на Западе, не трудно заключить и из высказываний советских руководителей и из писаний советской печати.

Такое «прекращение холодной войны» было бы крупнейшей политической победой руководства КПСС. Окончательно деморализовав Запад, оно позволило бы руководству КПСС вовне развить тактику устрашения, а в коммунистическом лагере — закрепить за собой ведущую роль, назло «китайским товарищам».

«Прекращение холодной войны» для руководства КПСС тем важнее, что современные соглашательские тенденции на Западе, по сути, весьма ограничены. Запад стремится договориться с «русскими», с «советским правительством», — но не с международным коммунизмом и не с КПСС (поставленная цель, разумеется, утопична, но и это — один из парадоксов современности). Что же касается коммунизма, то наступательной борьбы Запад с ним не ведет, но и от обороны не отказывается. В порядке такой обороны на Западе ведутся критические (в отношении коммунизма) передачи по радио, издаются исследовательские труды и пр. Однако уже такая, довольно умеренная и чисто оборонительная борьба беспокоит руководство КПСС, вероятно лучше, чем кто-либо иной, сознающее собственную идейную слабость. Эта борьба совершенно произвольно и незаконно приравнивается к «холодной войне», к «оголтелому антикоммунизму». В решениях июньского пленума ЦК КПСС мы читаем:

«Правящие круги империалистических стран... делают главную ставку на идеологические диверсии в отношении социалистических стран, на оголтелый антикоммунизм. Под флагом антикоммунизма империалисты проводят экономическую и политическую дискриминацию стран социалистической системы, лихорадочно развивают гонку вооружений. Всеми средствами они пытаются перенести войну идей в социалистические страны».

Без «прекращения холодной войны», без полной деморализации и дезориентации Запада тактика устрашения в полном своем объеме не действует: это наглядно показала история кубинского кризиса.

Но добиться в удобном для себя смысле прекращения Западом «холодной войны» руководству КПСС не по силам: с другой стороны, и Запад не может и не желает в угоду

КПСС изменить своим принципам демократических свобод и запретить антикоммунистические высказывания.

Прежде чем перейти к рассмотрению стратегии и тактики Запада в отношении коммунистического лагеря, подведем итоги:

1. Наступление международного коммунизма на свободный мир, несмотря на частичные успехи, захлебнулось;

2. Впервые после бурных октябрьских дней 1956 года руководство КПСС потеряло большую политическую инициативу;

3. Стратегическая цель, поставленная КПСС, — добиться от Запада «прекращения холодной войны», — является утопией.

2. Запад и коммунизм

Говоря о Западе, мы сосредоточимся на политике ведущей западной державы — США.

В основе этой политики лежит непоколебимая уверенность американцев в том, что никакое действительно мирное соревнование между американским «народным капитализмом» и коммунистической системой — им не страшно: это соревнование они выиграют. Эта уверенность подкрепляется статистическими таблицами, уровнем жизни, собственным автомобилем у каждой американской семьи и свободами, гарантированными американской конституцией.

Следовательно, нужно всеми средствами сохранять мир: в обстановке мира моральное и политическое поражение коммунизма в международном плане неизбежно.

Если Бирнс и Трумэн выдвинули доктрину «сдерживания» (которая быстро обнаружила свою несостоятельность), если президенту Эйзенхауэру принадлежит доктрина «освобождения» (восточноевропейских стран, исключая Россию), — доктрина, которую самым позорным для США образом отбросили в сторону во время Венгерской революции, то президент Кеннеди и его советники (Кеннан, Ростов и др.) разработали новую тактику США в отношении коммунистического лагеря. Эта тактика исходит из отмеченной нами уверенности американцев в выигрыше ими мирного соревнования с коммунистической системой и руководствуется двумя основными расчетами:

во-первых, расчетом на либерализацию коммунистического режима как в СССР, так и в странах «народной демократии»,

во-вторых, расчетом на постепенную дезорганизацию коммунистического лагеря.

Расчет на либерализацию коммунистического режима основывается на том, что усложнившаяся техника государственной жизни требует кадров самостоятельно мыслящих и действующих людей; такие кадры представляет собой новая советская интеллигенция, которая и будет играть решающую роль в будущих судьбах СССР.

Идеи коммунизма эту интеллигенцию не вдохновляют, в них она не верит. Национальные интересы у нее преобладают над интересами международного коммунизма. Ее пафос — это пафос не революционной борьбы с капитализмом, а пафос накопления материальных благ и борьбы за большие свободы для себя.

Отсюда в центре внимания США, а с ними и всего Запада, находятся реформистские круги СССР (в частности, Евтушенко за праницей потому и встречали столь восторженно, что видели в нем как бы знамя реформизма).

Расчет на дезинтеграцию коммунистического лагеря обосновывается уже имевшимися случаями откола Югославии, Албании, Китая, опытом Гомулки в Польше, «автономистскими» стремлениями Румынии. В перспективе видится конгломерат коммунистических государств, каждое из которых преследует собственные интересы и ведет собственную внешнюю политику.

В центре внимания Запада находятся те круги правящего слоя «народных демократий», которые стремятся к наибольшей независимости своих стран.

Политика «освобождения» Западом оставлена. Зато в Польшу, Венгрию, Болгарию посылается американское и канадское зерно, в Румынию вывозятся целые промышленные предприятия, в Бухарест приезжает с визитом американский министр торговли Фримэн, а в Софии открывается американская библиотека-читальня (кстати, с весьма малым числом посетителей: у болгар есть свой опыт и свое «недремлющее око»). В 1957 году визит Тито в Белый дом не мог состояться, хотя о нем тогда и говорили. В 1963 году Тито был принят в Вашингтоне со всеми должными почестями.

Из этих расчетов на «либеризацию» и «дезинтеграцию» происходят три основные задачи, которые ставят США в отношении коммунистического лагеря:

во-первых, задача «наступательного» характера: привлечение симпатий «смены» правящего слоя и его «умеренных» кругов к США и Западу вообще, ознакомление их с жизнью, культурой, общественным и государственным устройством и политической мыслью Запада, и посильная помощь им в борьбе за расширение свобод, а также — применительно к «народным демократиям» — поддержка «автономистских» стремлений. (Незадолго до смерти, Кеннеди, принимая у себя руководителей американского «Фонда Свободной Европы», выразил убеждение в том, что свобода в Восточной Европе восторжествует, и тут же добавил, что США поэтому приветствуют каждый шаг «правительств восточно-европейских государств», который «делает их в большей мере выразителями воли их народов». Добавление весьма характерное),

во-вторых, — задача «оборонительная»: не допустить захвата коммунистами новых участков. Отсюда — продолжающееся вооружение, отсюда же — система оборонительных союзов, помощь слаборазвитым странам, план «Содружество ради прогресса», активное участие в обороне Южной Кореи, Национального Китая, Южного Вьетнама,

в-третьих, — задача «предохранительного» порядка: ни при каких условиях не ставить руководство КПСС в такое положение, когда оно будет вынуждено искать выхода в войне, и, наоборот, стремиться достичь с ним соглашения по ряду таких вопросов, где такое соглашение возможно (например, соглашение о запрещении ядерных испытаний в космосе, воздухе и под водой и о запрещении вывода на орбиту объектов, снабженных ядерным оружием).

Задача идейно-политического наступления на коммунизм с целью его свержения в его цитадели — СССР, Западом вообще не ставится. Больше того: Запад избегает таких мер, которые могли бы быть истолкованы как такое наступление. Кубинский кризис возник не потому, что на Кубе воцарился Кастро, а лишь потому, что на острове устанавливались советские ракеты, целившие в США. В самый разгар кризиса Кеннеди воздержался от опубликования одного письма Хрущева, которое — передают — было написано в столь истерических тонах, что его публикация могла бы

серьезно скомпрометировать Хрущева. А когда ракеты (но не советские войска!) были убраны, сошел на нет и кризис.

В возможность революции в России силами нашего народа Запад, в целом, не верит и долгое время даже сомневался в самом наличии в нашей стране революционных сил: в схемах западных социологов для них не находилось места.

Неверие Запада в возможность революции базировалось на факте почти полувекового существования в нашей стране коммунистической диктатуры, на вере в ее «всемогущество» или в поддержку ее более или менее значительной частью народа, и также в объяснении диктатуры какими-то «природными» качествами нашего народа и «историческими традициями» России.

Если наличие революционных сил, — после фактов восстаний в концлагерях, забастовок и волнений в Темпир-Тау, в Донбассе, Новочеркасске и других местах, после «Феникса» и многих других подпольных изданий, — больше не оспаривается, то отношение к ним все же двойственное.

С одной стороны, в них видят естественных союзников в борьбе за сохранение всеобщего мира, тот наведенный на власть «пистолет», который вынуждает ее быть осмотрительной в требованиях и не увлекаться авантюрами, подводящими мир на грань войны.

С другой стороны, есть опасения, что деятельность революционных сил может побудить власть развязать новую волну террора, которая погубит не только революционеров, но и главную надежду Запада — реформистов, и вернет Советский Союз к сталинщине. Отсюда — настороженность, чтобы не сказать — враждебность.

Внимание Запада к революционным силам в нашей стране отпускаяется в аптекарских дозах: о них пишут лишь тогда, когда нельзя не писать (например, о событиях в Новочеркасске летом прошлого года), а в их борьбе с властью занимают позицию строгого нейтралитета, тщательно избегая всего того, что могло бы повредить поставленным задачам — добиться хотя бы частичных соглашений с «русским правительством» и привлечь на свою сторону симпатии «умеренных» кругов правящего слоя и реформистскую «смену».

Заставить Запад изменить свой нейтралитет может лишь такое развитие революционного движения, которое приведет к фактическому установлению им в стране «второй власти». Тогда эта «вторая власть» сможет сперва вступить с Западом в отношения «высоких договаривающихся сторон»,

наравне с коммунистической властью, а затем, опираясь на поддержку народа, постепенно оттеснить эту власть с международной арены.

Пока этого не случилось, Запад будет лишь стремиться уговорить руководство КПСС прекратить «холодную войну», т. е. отказаться от замыслов насаждения коммунизма во всем мире, и принять доктрину мирного сосуществования всерьез, а не как «особую, более острую форму классовой борьбы». Как недавно заявил, выступая по телевидению, британский премьер-министр Хьюм, он остается непримиримым противником коммунизма лишь «поскольку коммунистическая программа предвидит применение силы». Если руководство КПСС откажется от применения силы, то, по словам Хьюма, между Западом и Советским Союзом будут достигнуты и существование и сотрудничество.

Не трудно видеть, что задача добиться *такого* прекращения «холодной войны» руководством КПСС столь же утопична, как и аналогичная задача, поставленная КПСС в отношении Запада. Обе задачи заводят в тупик.

Нынешнее международное положение можно сравнить с ситуацией «пата» в шахматной игре, причем под «платом» находятся обе стороны, не имеющие ясной и достижимой стратегической цели, потерявшие большую инициативу и теряющие маневренную способность. Положение Запада к тому же на какое-то время ухудшилось с гибелью президента Джона Кеннеди. Сколько продлится такая ситуация, сказать трудно; рассуждая теоретически, она могла бы тянуться даже годы.

В этой ситуации, казалось бы, не приходится ожидать близкой войны: каждая сторона будет ее избегать, хотя каждая будет к ней готовиться.

Для российских революционных сил такая ситуация — несмотря на пассивность Запада и его «соглашательские» стремления — имеет свои положительные стороны: его устраняется страх войны и военной интервенции иностранцев, тормозящий усилия революционных сил, и легче поэтому становится (вопреки скептикам и маловеерам) «приблизить сроки».

Современный капитализм и предстоящая эпоха

(Философия солидаризма)

Г. Гинс

Уходит ли мир от капитализма? А если уходит, то в каком направлении? Какое наименование будет присвоено той эпохе, в условиях которой суждено жить грядущим поколениям? Без веры в будущее жить нельзя. Но вера предполагает наличие определенных целей или, по крайней мере, руководящих идей.

1

На грани двух веков — девятнадцатого и нашего теперешнего, двадцатого, были установлены некоторые вехи. Составители нового германского гражданского уложения, означавшего переход от начала римского индивидуалистического права к новым началам, более соответствующим духу времени, включили в новый кодекс знаменательное нововведение. Они назвали собственность «обязанностью». Это было существенным отступлением от римского права, которое подчеркивало, что собственность дает право собственнику распоряжаться принадлежащим ему имуществом по своему свободному, ничем не ограниченному усмотрению. Хотя и в римском праве такой безграничной свободы распоряжения собственностью не существовало, тем не менее, духу римского права его определение собственности соответствовало. Что же означает включение в определение собственности слова «обязанность»? Это означает прежде всего психологический сдвиг в сторону признания зависимости каждого человека от условий общественного сосуществования. Возможность приобретать собственность, увеличивать ее размеры, пользоваться ею, как прочно охраняемым правом,— все это связано с наличием твердо установленного по-

рядка, с возможностью пользоваться трудом и идеями других лиц, существованием обеспеченного рынка и денежного обращения и покровительством государства, которое создано рядом поколений.

Характеристика права собственности, как права, связанного с известными обязанностями, выражает сознание необходимости считаться, при пользовании этим основным правом независимого лица, с общими интересами, предполагающими и интересы самого собственника. Двадцатый век должен разрешить вопрос, каковы пределы этой обязанности и как гарантировать, что на собственника не будут наложены обязанности, которые фактически парализуют и самое право собственности.

Другим интересным явлением на грани двух веков было появление во Франции ряда писателей, публицистов и экономистов, которые стали развивать идею, которой они присвоили название «солидаризм». Как известно, представления о будущем и формулировка общественных идеалов и устремлений находят привычно свое выражение в каком-нибудь слове, оканчивающемся на «изм»: утопизм, макиавеллизм, социализм, коммунизм, марксизм, фашизм, синдикализм и т. д. Каждый новый «изм» отвечает стремлениям, соответствующим условиям своего времени, и выражает желания какой-либо определенной группы населения или цели общественных движений. Одним из наиболее популярных «измов», выдвинутых в девятнадцатом веке, оказался «научный социализм» в противовес «утопическому социализму», с одной стороны, и капитализму, с другой. Социализм обещал устранить эксплуатацию человека человеком и установить справедливое распределение экономических благ, обеспечив всем возможность пользоваться благами культуры. Для этой цели «научный социализм» Карла Маркса и Энгельса считал необходимым уничтожить частную собственность на средства производства и помочь капитализму сойти в могилу, когда он к ней приблизится.

Идея «солидаристов», как ее излагали французские публицисты — социолог Бугле, государственный деятель Леон Буржуа и экономист Шарль Жид, носила характер не революционный, а эволюционный и прежде всего морально-этический. Названные лица исходили из этической идеи солидарности, как руководящей идеи для преобразования существующего общества. Буржуа назвал эту идею философией «третьей республики». Он находил, что Франция уже

становится на путь социальных преобразований, отвечающих этой идее. Буржуа, Бугле и Шарль Жид имели в виду охрану прав и интересов трудящихся, более справедливое распределение налогов, укрепление сознания взаимозависимости всех видов труда и деятельности и, поэтому, необходимости проявления солидарности вместо разорительной и опасной для государства и благополучия страны классовый борьбы. Солидарность стара, как сам человеческий мир. По мнению многих социологов, основой прогресса является солидарность, которая создаст возможность сотрудничества, а не борьбы, которая разъединяет людей и препятствует необходимой для развития общества и хозяйства уверенности в устойчивости порядка и законности. Идеи французских солидаристов остались, однако, неразработанными, они не достигли силы и развития, при которых могли бы вступить в соревнование с социализмом и его более заманчивыми обещаниями. Значения руководящей философии нового века идея солидаризма тогда не приобрела.¹⁾ Новую веху всё же французские солидаристы поставили. Они указали на необходимость строить планы будущего не на одних только экономических, но и на этических предпосылках.

Заслуживает упоминания и то учение о праве, которое, также на грани двух веков, создал выдающийся русский юрист Лев Петражицкий. Начав свою блестящую академическую карьеру рядом работ по вопросам римского права и объяснив значение многих принципов римского права с точки зрения их влияния на поведение людей и воспитание их в духе соблюдения этических начал, он указал на недостатки проекта германского гражданского уложения и на необходимость понимания законодателями, к чему приводят те нормы закона, которые они устанавливают. Петражицкий перешел потом к созданию новой теории права, указав на неразрывную связь права с нравственностью и религией.²⁾ В России, где по историческим причинам сложилось довольно пренебрежительное отношение к праву, как к «формальной» правде, выше которой должна быть поставлена «внутренняя правда», учение Петражицкого было особенно важ-

¹⁾Подробнее об этом см. Г.К.Гинс, «На путях к государству будущего. От либерализма к социализму». Харбин, 1930 г.

²⁾ См. Г.К.Гинс, **Л.И.Петражицкий. Характеристика научного творчества.** Харбин, 1931 г. (Оттиск из т. IX Известий юридического факультета в Харбине).

но. Его идеи и указания на то, как создать «политику права», то есть руководство установлением правовых норм в интересах воспитания передовой этики, сохраняют свою силу. Петражицкий настаивал на необходимости содействия как развитию экономической деятельности, так и, одновременно, улучшению человеческих взаимоотношений, и его идеи указали новые пути перестройки существующих социальных и экономических отношений.

Таким образом, для людей двадцатого века некоторые пути к будущему были уже намечены. Но нормальный ход событий был нарушен войнами и революциями, которые привели к ряду экспериментов очень смелого характера. После первой мировой войны возникли фашизм и нацизм. Еще раньше — к власти у нас пришли коммунисты. В России, преобразованной в Советский Союз, народное хозяйство всецело подчиняется государству. Фашистское государство, созданное в Италии Муссолини, равно как и национал-социалистическое государство Гитлера, не так резко порывало с принципами экономического либерализма, как теперь коммунизм, но тоже усиливало роль государства. Фашистское государство исходило из принципа, что собственники обязаны пользоваться принадлежащими им средствами производства в интересах всей нации, и что, поэтому, государство принадлежит высший контроль над хозяйственной деятельностью. Однако границы контроля не были точно определены и находились в зависимости от того, как власть понимала и определяла «государственную необходимость».

Между фашистским и коммунистическим государствами есть несомненное сходство. И то, и другое допускают господство только одной партии. И то, и другое колеблют основы демократии, сущность которой не в ее формах, а в признании и гарантиях гражданских и политических прав отдельных лиц. Различие же состоит главным образом в том, что коммунистическое государство делает это разрушение основ демократии более решительно, тогда как фашизм делал это частично.

В отношении фашизма и коммунизма к частной собственности проявляется их главное различие. Коммунизм искореняет собственность и конкуренцию. В Советском Союзе сохранена только собственность, которая не дает возможности пользоваться имуществом, как источником дохода. Этот вид собственности носит название «личной». Собственник может пользоваться своим «личным состоянием»

только для удовлетворения потребностей своих и членов семьи. Фашизм ограничил собственников, сделав их подконтрольными хозяевами, но не лишил их инициативы. Советское государство поставило существование всех граждан в зависимость от себя, так как оно является «универсальным монополистом». ³⁾ Помимо того, что советское государство, созданное по принципам ленинской политической доктрины, стремится не допускать ничего, что противоречит генеральной линии коммунистической партии и требует от всех граждан выполнения планов и распоряжений власти, советский тоталитаризм обладает также возможностью лишить любого гражданина возможности существования. В качестве «универсального монополиста» советское государство является единственным работодателем, единственным покупателем продуктов творческого труда, единственным издателем научных и литературных произведений. Словом, все и каждый зависят в своем существовании от государственной власти, вернее от лиц, стоящих во главе партии и руководящих ее политикой.

Каковы же этические основы этого государства и этой системы? Муссолини определял их в следующей формуле: «Все для государства, ничего против государства, ничего против государства». У Ленина это выражено еще грубее: наша этика, говорил он, — орудие разрушения старого общества эксплуататоров, борьбы за укрепление и осуществление коммунизма... морально все, что полезно для разрушения старого общества... В соответствии с этими директивными указаниями Ленина, Вышинский требовал «непримиримой ненависти ко всем врагам народа, агентам буржуазии, троцкистским и бухаринским шпионам и диверсантам...»

Коммунизм рассчитывает «на фанатическую преданность идее, пламенное стремление осуществить великие общественные задачи, самопожертвование и героизм». Но все это возможно только при действительной вере в спасительность коммунизма и в его благодетельность для народа. ⁴⁾

Расчеты коммунистов на продолжительный энтузиазм служения общественным интересам под руководством ком-

³⁾ См. *Georg C. Guins, Communism on the Decline. The Hague. Martinus Nijhoff, 1956. pp. 2, 18, 29, 57, 159.*

⁴⁾ См. *George C. Guins, Soviet Law and Soviet Society, M. Nijhoff, 1954. Ch. II, Soviet Ethics. Его же, Новое право и предпринимательство, Харбин, 1940, стр. 14 и др.*

мунистической партии не оправдались. Лучшим доказательством служит все более широкое применение таких дополнительных средств, как наказание и награда. В Советском Союзе из дополнительных эти мотивационные средства превратились в одни из основных.⁵⁾ Нигде в цивилизованных государствах смертная казнь не применяется так часто и за такое множество преступлений, включая спекуляцию и растраты, как в нашей стране.

Капитализму приписывается, что он усиливает жажду накопления и прибыли, мотивы эгоистического характера и психологию индивидуализма, неблагоприятную для коллективных действий. Но, с другой стороны, ни на преданность идее и готовность к самопожертвованию, ни на вынужденное страхом и нуждой повиновение нельзя рассчитывать, как на прочную основу государственной системы. Какова же может быть и должна быть господствующая психология новой прогрессивной системы, которая будет преемницей капитализма, или его новой стадией?

2

Как указывалось в начале настоящей статьи, французские мыслители начала нашего века указывали на солидарность как на основу грядущего строя. Солидарность спаивала семью, объединяла членов одного и того же рода в защите чести и безопасности, подымала людей на защиту святынь. В наше время солидарность проявляется все шире и шире, как сила, спаивающая и объединяющая разные группы людей. На почве солидарности развивалась кооперация разных видов. В России, в частности, кооперативное движение достигло в начале нашего века очень широкого развития, особенно в Сибири, где крупнейшие кооперативные объединения совершали большие торговые обороты. Одно из них экспортировало в Англию сибирское масло и приобретало там сельскохозяйственные машины. Союз маслодельных артелей в Сибири был всесибирский кооперативной организацией производительного характера. Другие коопера-

⁵⁾ О наказании и награде см. специальную главу в книге Г. К. Гинс *Новые идеи в праве и основные проблемы современности*, т. I, стр. 126 сл., а также в книге *Soviet Law* (см. выше прим. 3), Chapter XIV, Penalties and Reward as incentives for work.

тивные объединения: Закупсбыт, Центросоюз и Сибкредсоюз объединяли потребительские кооперативы и народные банки Сибири. Успех кооперативного движения объясняется очевидностью выгоды участия в кооперативах. Но участие в кооперативе развивает в то же время сознание общности интересов и необходимость соблюдения их в порядке сотрудничества и взаимной дисциплины. Выгода общая, а не личная только, и выгода только в том случае, если все члены содействуют этому. Солидарность не альтруизм, но она и не эгоизм. Солидарность требует некоторого отречения от индивидуалистической психологии, она приучает к коллективным действиям, и в то же время она не создает коллективизма, поглощающего всецело отдельных лиц и лишаящего их индивидуальности.

Точно такова же психология профессионального движения. В некоторых случаях отдельным членам профессионального союза было бы выгодно заключить самостоятельный договор с предпринимателем или продолжать работу, не участвуя в забастовке. Но в большинстве случаев совместные действия, руководимые выборными лицами, приносят каждому участнику больше выгод и дают больше гарантий защиты его интересов, и это сознание побуждает рабочих не только присоединяться к профсоюзу, но и поддерживать его во всех случаях. И здесь опять не альтруизм, но и не эгоизм в его чистом виде; не индивидуализм, но и не коллективизм, поглощающий и обезличивающий человека.

В условиях современности, в современных сложных обществах с расходящимися интересами солидарность объединяет группы лиц со сходными или одинаковыми интересами, и приучает их к коллективным действиям. Русская община была хорошо знакома с такими коллективными действиями, но еще более показательна была работа «водных товариществ», как их теперь называют, или просто групп земледельцев, пользующихся водой для ирригации. Это существовало еще в древние времена в тех странах, где земледелие невозможно без полива посевов и где это можно делать, лишь устанавливая обязательный для всех порядок распределения воды. Римское право употребляло названия «дневные» и «ночные» воды (*aqua diurna et nocturna*), что означало очередь в поливе, приходившуюся на дневные или ночные часы. Совместное справедливое распределение воды требовало и наблюдения за порядком, и

совместного обсуждения очередей, и совместных действий на случай порчи оросительных каналов, засорения канав или неожиданных разливов и возможного затопления полей горными потоками. В наше время эти принципы водного хозяйства перенесены в практику более сложных отношений в деле пользования водами рек.⁶⁾

Едва ли нужно долго останавливаться на описании тех современных отношений, которые характеризуются все более расширяющимися формами сотрудничества. Оно начинается в классных комнатах современных школ, когда ученики одного и того же класса договариваются об устройстве общей прогулки, пикника или спортивного состязания и поддерживают друг друга в случае соревнования с другим классом или другой школой. Оно происходит в церквях, где прихожане сотрудничают в целях большего благолепия храма или постройки нового, или устройства общего празднования. Движимые сознанием общности предприниматели разных видов производства и торговли и владельцы обслуживающих производство и торговлю перевозочных, страховых и кредитных предприятий. Мы имеем в виду не слияние этих предприятий в тресты и синдикаты, а объединения общественного характера для совместного обсуждения общих проблем и интересов, для совместной защиты общих интересов, представительства на конференциях и в государственных учреждениях, для издания полезных для членов объединений информационных бюллетеней или специальных журналов и организации съездов и поездок в другие страны. В такого рода организациях каждый участник сохраняет свою независимость и индивидуальность, но пользуется выгодами сотрудничества, которое делает доступным для всех участников то, чего не мог бы достичь или осуществить один из них самостоятельно. Но участие в организации требует и выполнения некоторых обязанностей и, при том, не только материального характера, диктуемых взаимными выгодами сотрудничества и дисциплины.

В Соединенных Штатах существуют тысячи разнообразных объединений. Помимо рабочих союзов, существует очень влиятельная всеамериканская организация фермеров, представляющая интересы сельских хозяев. Про-

⁶⁾ Подробное изложение водного законодательства в книге К. Г. Гинса **Водное право и предметы общего пользования**, Харбин, 1928 г.

фессиональные союзы обладают крупными средствами. В столице, Вашингтоне, в центре города вырастают одно за другим мраморные здания, в которых размещены центральные правления отдельных профсоюзов: железнодорожных служащих и рабочих, рабочих грузового и автомобильного транспортов, машинистов, разносчиков почты, плотников и столяров, и т. д. Некоторые из этих зданий так обширны, что часть помещений сдается внаем. Центральное объединение профессиональных организаций в Соединенных Штатах — Американская федерация труда-Конгресс производственных профсоюзов занимает собственное здание вблизи Белого дома и содержит свой штат ученых экономистов, которые изучают состояние народного хозяйства и возможности его развития или спадов, а также способы поощрения экономического развития страны.

Чтобы составить себе впечатление о том, насколько развито в Соединенных Штатах сотрудничество разных групп людей с одинаковыми интересами, можно рекомендовать обратиться к справочнику, содержащему перечень существующих объединений с краткими о них сведениями, указывающими на число членов и виды деятельности каждой организации. Объединены врачи, адвокаты, работники прессы, артисты, художники, музыканты. Существуют объединения специально женские, объединения национальные и религиозные и так далее.

Современная цивилизация подготовила население многолюдных и обширных стран к сотрудничеству и самодеятельности, воспитала в них психологию солидарности. Французские ученые, высказавшие предположение, что Франция вступает в новую эпоху так называемого солидаризма, имели для этого основания и обладали даром предвидения. Теперь их идея получает уже реальное значение, она может стать руководящей идеей нашего века.

3

Необходимую для мыслителя чуткость к новым тенденциям проявили и те немецкие юристы, которые включили в германский кодекс характеристику собственности, как права и обязанности. Там, где существует общность интересов, возникает сотрудничество на основе соглашений, а соглашение, подсказываемое сознанием солидарности, предполагает вза-

имные уступки и, следовательно, обязанности по отношению друг к другу. Каждый собственник должен сознавать свои обязанности по отношению к стране, в которой он этой собственностью обладает. Право вообще, как учил Петражицкий, должно быть основано на этических принципах. Оно должно быть приспособлено к служению общим интересам страны и служению прогрессу. Нужно ли для этой цели сохранять собственность? Быть может воспитание в духе солидарности подготовило уже почву для общенациональной солидарности, при которой государство может принять на себя руководство всем хозяйством и культурной жизнью страны, пользуясь для этого сотрудничеством всего населения? Так называемый «научный социализм» или марксизм утверждает, и его сторонники до сих пор верят, что лучшим решением вопроса является передача всех орудий производства и ресурсов страны в распоряжение государства и упразднение собственности, которая может сопровождаться эксплуатацией человека человеком. Мы уже знаем, что подобный опыт привел к порабощению человека государством. Такой опыт успевал только в отношении ускорения процесса индустриализации, но и то при непомерных жертвах со стороны населения.

Марксисты убеждены в том, что капитализм сам подготавливает свое неизбежное падение, и что социализм является единственным возможным преемником капитализма. Но при этом упускается из внимания, что капитализм нашего времени уже не похож на капитализм времени Карла Маркса. Чтобы решить вопрос о том, к чему идет мир и как психология солидарности может его изменить, надо считаться с современным капитализмом, а не с его отжившими формами.

Попробуем же охарактеризовать те изменения в способах производства и в социальной структуре общества, которые не были предусмотрены Марксом и Энгельсом и которые игнорируют их последователи. Маркс и Энгельс многого не могли предусмотреть, но их современные последователи не должны закрывать глаза на явления современности. С ними должны считаться и теоретики и практики.

Предсказания Маркса относительно концентрации капиталов путем поглощения более крупными и экономически более жизнеспособными предприятиями менее устойчивых, неспособных выдержать конкуренцию, сбывалось далеко не в том масштабе, который должен был привести к сохране-

нию лишь небольшого числа грандиозных предприятий. Кроме того, помимо поглощения крупными мелкими и слабыми, появились и другие новые формы предприятий, которых Маркс не мог предвидеть.

За сто лет, истекших со времени предсказаний Карла Маркса, выяснилась жизнеспособность великого множества предприятий: промышленных, торговых и сельскохозяйственных. Во многих случаях такие предприятия являются вполне жизнеспособными и нужными. Небольшое частное торговое предприятие обслуживает нужды местных потребителей лучше, чем отделение большого казенного «торга». Небольшая частная ферма и даже приусадебный участок могут быть жизнеспособнее и доходнее, чем такой же, или даже значительно больший участок земли, включенный в колхоз. Небольшие промышленные предприятия успешно работают, производя предметы потребления мелкого калибра или требующие специального приспособления ко вкусам или нуждам определенных потребителей.

Помимо того, Маркс не предусмотрел и не мог предусмотреть возникновения грандиозных предприятий не путем поглощения мелких, а путем приспособления к массовому производству, путем улучшения организации предприятий (фордизм, тэйлоризм) и путем механизации и автоматизации производства. Опыт, знания и изобретательность талантливых людей творят чудеса. Выяснилось затем, вопреки предсказаниям Маркса, что возникновение предприятий массового производства не только не усиливает эксплуатации, но, наоборот, способствует улучшению условий труда; не только не приводит к господству капиталистов и монополий, но уменьшает роль капиталистов, изменяя самый состав и соотношение лиц, руководящих предприятиями. Оно создает, помимо того, расслоение в среде трудящихся, переводя значительную часть рабочих из категории пролетариата в средний класс.

Управление грандиозными предприятиями, работающими в расчете на массовый спрос, слишком сложно, чтобы с ним мог справиться индивидуальный собственник предприятия или несколько собственников. Время единоличного владения предприятиями проходит. Предприятия акционируются и, хотя владелец большого количества акций сохраняет свое влияние, он уже формально не собственник и фактически не хозяин. Управление находится в руках технократов, людей со специальными знаниями, организационными

способностями и коммерческими талантами. От талантов изобретателей, организаторов и руководителей зависит успех дела. От уверенности широких кругов населения в деловой солидности и хозяйственной постановке дела или реорганизации его и переоборудования, в соответствии с новейшими техническими улучшениями, а также устойчивость предприятия в периоды временных заминок и экономических спадов.

В грандиозных предприятиях новейшего типа, работающих в расчете на массовый спрос, выделяется категория трудящихся с высокой квалификацией. Рабочие давно уже не представляют собой однородной среды с однородными интересами. Они разделяются на рядовых рабочих и «боссов», выражаясь английским термином, т. е. надзирающих и руководящих рабочих. Но и рядовые рабочие теперь не таковы, какими обычно представляются «пролетарии». Развитие предприятий массового производства приводит не к «обнищанию» пролетариата, а к значительному улучшению условий его работы и жизни. Объясняется это двумя обстоятельствами: во-первых, и это особенно важно с экономической точки зрения, необходимостью расширения сбыта продуктов массового производства, что достигается повышением зарплаток трудящихся и обеспечением им возможности приобретения того, что они производят; во-вторых, тем, что в предприятиях массового производства множество рабочих, а чем крупнее предприятие и чем больше в нем рабочих, тем сильнее объединяющая их профсоюзная организация, а, следовательно, тем легче трудящимся добиться улучшения условий коллективных договоров при каждом их пересмотре.

Превращение рабочих в потребителей дорогих предметов производства, таких, например, как автомобили, холодильники, телевизоры, стиральные машины, началось со времени удачного опыта, произведенного основателем автомобильной фирмы стариком Фордом. Он положил начало новой эпохе капитализма, поняв выгодность такого повышения заработной платы, при которой его рабочие стали и его покупателями. Теперь рабочие приезжают на собственных автомобилях не только на заводы Форда, но и на тысячи других. У каждого завода можно видеть огромное количество автомобилей, на которых рабочие приезжают на работу и которыми они и члены их семей пользуются в свободное от работы время для своих личных нужд, и благодаря которым во-

обще расширяют свои жизненные возможности. Приобретение рабочими автомобилями стало со временем необходимостью. Только незначительная часть рабочих может найти подходящее для жизни помещение в непосредственной близости к месту работы. Рабочие, как, впрочем, и инженеры и другие служащие предприятий, государственных учреждений и частных контор, как и сами владельцы или члены правлений и директора, живут нередко на расстоянии двух или более десятков километров от места работы и службы и совершают ежедневно поездки в одном и в другом направлении, хотя и обременительные, но позволяющие жить в более здоровых условиях и большей частью в собственных домах. По последним данным, число лиц, живущих в Соединенных Штатах на заработки, превысило шестьдесят пять миллионов человек. Нетрудно представить себе, какое количество миллионов разных машин покупают эти трудящиеся и как вообще существенно для торговых оборотов благополучие этих миллионов людей.

В настоящее время становится также все более популярным распространение среди трудящихся акций, в частности, акций тех предприятий, в которых покупающие эти акции работают. Обладая акциями, они приобретают и право участия в собрании акционеров. Каждая акция дает право голоса. Выдав доверенность одному лицу, рабочие имеют возможность веско выразить на собрании свое отношение к делу.

Большие предприятия заинтересованы в популярности. Они намеренно выпускают дешевые акции, которые могут приобретать и небогатые люди, в расчете отчасти на дивиденды, но главным образом на повышение цены акции. Если мелкие акционеры не могут ничего существенно изменить на собрании, то они всё же создают общественное мнение. Они входят в обсуждение, если не самом собрании, то дома и в кругу друзей, вопросов о политике правительства, отражающейся на развитии или застое промышленности. Они обсуждают вопрос о требованиях профсоюзов, повышающих себе стоимость производства, и о том, затруднит ли осуществление таких требований конкуренцию на внутреннем рынке и за границей. Они расширяют свой кругозор и свои интересы к судьбе предприятия, обеспечивающего заработка не только для них самих. Грандиозные предприятия страны составляют основу ее материального благополучия. Состав таких предприятий очень сложен. Помимо основных, в него входят и разные дополнительные предприятия. Нередко автомо-

бильные заводы приспособлены к производству разных других изделий и к работе на оборону. Они обладают своими техническими и научно-исследовательскими учреждениями и специальными коммерческими отделами. С судьбой такого предприятия связано благополучие не одних только работников производства, но и множества самых разнообразных специалистов, конторских служащих, транспортных и страховых агентов, посредников в продаже, агентов рекламных фирм. Так порисходит объединение разнообразных интересов множества лиц у одного и того же дела. Все участники связаны между собой сознанием общих интересов. Укрепляется таким образом новая хозяйственная психология: вместо борьбы, подозрительности и взаимного недоверия — склонность к взаимопониманию и готовности согласовывать расходящиеся интересы в целях взаимной выгоды. Классовая борьба в значительной степени смягчается и часто даже теряет свой смысл, так как во главе предприятия стоит безличный аппарат и споры о распределении прибыли происходят с представителями дирекции, а не с капиталистом.

К этому присоединяется то, что предприятия, как бы ни был велик их капитал, нуждаются в кредите, если возникают срочные расходы или временные затруднения. В этом случае играют крупную роль банки. Но банки, в свою очередь, не единоличные предприятия. Так же, как промышленность, кредитное дело пережило стадию единоличных распорядителей. Крупные банки организованы, как и крупные промышленные предприятия, на акционерных началах. Они еще более заинтересованы в сохранении доверия к ним, зависят от таланта своих руководителей, их осторожности и предусмотрительности. Дирекция банков внимательно изучает положение рынка и подробно знакомится с состоянием дел предприятия, которое пользуется финансовой поддержкой банка. Банк покупает акции этого предприятия и оказывает влияние на выборы руководителей, членов правления и дирекции предприятия.

4

Сказанное не означает, что в существующих условиях не создается расходящихся интересов. Во-первых, как уже сказано, частные предприятия единоличного характера продолжают существовать; во-вторых, все предприятия стремятся сохранить в своем распоряжении возможно большую

часть прибавочной стоимости, чтобы повысить дивиденды акционеров, а, следовательно, прежде всего тех, кто сосредоточил в своих руках большое количество акций. Наиболее существенным, однако, является стремление усилить резервы предприятия, чтобы обеспечить их развитие и улучшение. Следует еще отметить, что значительное увеличение заработной платы в одних предприятиях создает тенденцию к повышению зарплаток и в других. Иногда расхождение интересов сказывается из-за экономического неравенства в общенародном масштабе. Так, например, в Соединенных Штатах острую проблему составляет сравнительно низкий уровень дохода сельскохозяйственных ферм, в виду перепроизводства и избытка предложенных продуктов сельского хозяйства, что вызывает понижение цен на эти продукты.

Легче всего защищать свои интересы рабочим крупных предприятий, объединенным в мощные профсоюзы. Рабочие сталелитейной промышленности, автомобильной промышленности, горняки, грузчики и рабочие грузового транспорта объединены в местные союзы, которые, в свою очередь, объединены в общегосударственном масштабе. Союз, в котором миллион членов, располагает многомиллионными капиталами и может поддержать длительную забастовку. Насколько велики средства таких профсоюзов, можно судить не только по размерам и роскоши сооруженных ими зданий, но и по широте предпринимаемых некоторыми из них построек в интересах обслуживания членов профсоюза. Так, например, союз горнорабочих в Соединенных Штатах соорудил несколько огромных и с превосходным оборудованием больниц для лечения своих членов. Выходящим на пенсию рабочим, членам профсоюза, союз выдает со своей стороны профсоюзную пенсию в дополнение к тому, что они получают от предприятия и государства.

Мощным профсоюзам противостоят, конечно, не менее мощные объединения соответствующих предприятий, заинтересованных в противодействии чрезмерным, по их мнению, требованиям при пересмотре коллективных договоров. Представители предприятий опасаются остаться без резервов или быть вынужденными к повышению цены продуктов их производства, что в некоторых случаях грозит не только усилением конкуренции, особенно со стороны заграничных предприятий, где заработная плата ниже американской, но может быть и общим вздорожанием жизни.

При таких условиях необходимо наличие третьей стороны, которая могла бы предотвратить слишком острые расхождения или слишком длительные конфликты, и учесть и обеспечить интересы тех групп населения, которые менее организованы и которым трудно самостоятельно защищать свои интересы. В таких случаях инициативу должно принимать на себя государство. Это и происходит! Параллельно с изменением хозяйственных условий, с возникновением грандиозных предприятий и мощных профсоюзов изменяются и функции государственной власти. Как известно, усилившаяся после преодоления феодализма государственная власть создала так называемое полицейское государство, которое считало своей обязанностью опекать граждан и направлять не только их хозяйственную деятельность, но и вообще руководить их поведением, указывать им, что они должны и чего не могут делать, воспитывать добрые нравы и надзирать за исполнением предписанного поведения, нравственностью и культурностью. Развитым людям эта опека стала невмочь, они добились свободы и признания личных прав, они потребовали свободы собственности.

Под давлением общества на смену полицейскому государству пришло либеральное или, как его также называют, правовое государство (Рехтсштаат, Рул оф Лоу). Абсолютная власть полицейского государства сменилась конституционной. Граждане получили конституционные гарантии своих свобод и широкие избирательные права. В лице своих парламентов они участвуют в осуществлении законодательной власти и получают возможность смены правительства, которое не оправдывает их ожиданий. Государству этого времени присвоено название, которое ему дано социалистом Фердинандом Лассалем. Он назвал либеральное государство «ночным сторожем», который следит за безопасностью охраняемых им граждан, но не может вмешиваться в их частную жизнь. Политический либерализм сопровождался экономическим либерализмом. Руководящим лозунгом экономического либерализма были слова: „Laissez faire“, или, как говорят в странах англосаксонского языка: „hands off“, что означает «не вмешивайтесь», предоставьте свободу действий, «руки прочь» — довольно опекать нас, мы сумеем сами позаботиться о своих интересах и порядках.

Либеральное (правовое) государство выполнило свою культурную миссию: оно воспитало гражданское самосознание и пробудило творческую энергию и дух предприимчиво-

сти. Либерализм вообще отжил свой век, пришло время новых преобразований. Роль «ночного сторожа» недостаточна для власти, когда перед её глазами находятся такие могущественные силы, как организации предпринимателей, возглавляемые «королями» таких отраслей промышленности, как нефтяная, стальная, угольная и др., такие средоточия финансовой мощи, как банки с миллиардными оборотами, и такие организованные армии пролетариата, как современные профсоюзы, могущие всеобщей забастовкой парализовать всю экономическую жизнь страны.

Перерождение правового государства происходило постепенно. Вначале государство ограничивалось изданием законов, ограждавших интересы трудящихся и потребителей от злоупотребления экономическим могуществом предпринимателей и финансистов. Трудовое законодательство и контроль над деятельностью синдикатов и трестов, и недопущение монополий знаменуют новый этап в развитии государства. Затем государство стало переходить к более активной роли. Оно стало принимать на себя не только контроль, но и непосредственное осуществление мер по страхованию трудящихся на случай утраты трудоспособности, болезни и старости. Оно стало выступать в роли арбитра при спорах между профсоюзами и предпринимателями. Стало организовывать фонды для поддержки безработных, обеспечивать медицинскую помощь неимущим.

Для выполнения подобной программы социально-политических мероприятий требовались крупные средства. Государство ввело «подходящий» налог на принципе повышения его в геометрической прогрессии для крупных доходов. Это явилось в некотором роде участием в доходах предпринимателей и капиталистов, или, выражаясь экономическими терминами, отобрание части прибавочной стоимости. Подходящий налог в Соединенных Штатах достигает девяноста процентов для доходов свыше пятисот тысяч долларов в год.

Так из личности либерального государства вырос новый тип государства — государство *социально-политическое*.⁷⁾

Однако возвращение к началу контроля и частичному вмешательству в стихию частного хозяйства дало толчок к

7). В германской терминологии такое государство именовалось «*Kulturstaat*» (культурным). Назвал его социально-политическим впервые в русской юридической литературе проф. Е. В. Спекторский.

осуществлению более радикальных мер. Как обыкновенно бывает, недовольство каким-либо порядком порождает стремление к противоположностям, а первый шаг к ограничениям создает соблазн к дальнейшим, еще более решительным мерам в том же направлении. Такими попытками характеризуется наш век. Фашизм и коммунизм представляют собой крайнее выражение указанной тенденции. Взлелеянный социалистическими доктринами XIX века, коммунизм стал продолжением тех опытов, которые практически начаты были без намерения превращения их в постоянную систему. Это были мероприятия, осуществлявшиеся во время Первой мировой войны, сначала в Германии, а потом и в России.⁸⁾ Советское коммунистическое государство является прямой противоположностью государству либеральному (правовому). Оно полностью подчиняет себе, как уже указано, все народное хозяйство и, объявляя войну монополистам, само, в действительности, создает «универсальную монополию» и создает человеческую личность в государстве.⁹⁾

Наоборот, социально-политическое государство является продолжением государства правового. Оно сохраняет все основания конституционно-демократического строя, все гарантии гражданских прав и свобод. В этом коренное отличие программ лейбористов в Великобритании от программ и методов коммунистов в Советском Союзе. Особенностью социально-политического государства является осуществление мероприятий, направленных в сторону улучшения положения широких народных масс. Власть в этих государствах не покушается на свободу частной собственности и договоров, хотя и прибегает в большей или меньшей степени к национализации некоторых предприятий. Не отказываясь от контроля над хозяйственной деятельностью, поскольку это необходимо для согласования частных и общественных интересов, государство нового типа не присваивает себе, во всяком случае, роли руководителя хозяйственной деятельности населения, не составляет обязательных для всей страны хозяйст-

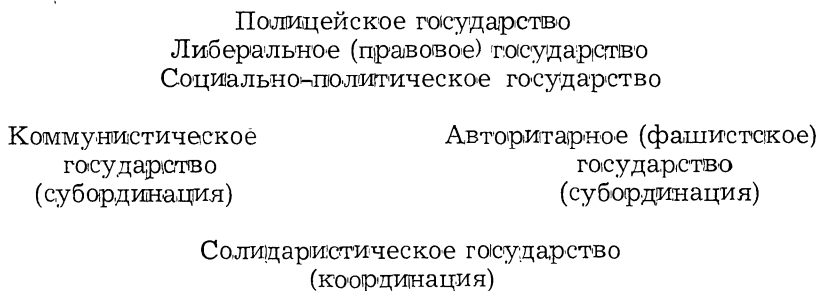
⁸⁾ Данные об организации народного хозяйства во время Первой мировой войны приведены у Г. К. Гинса, *Продовольственное законодательство*, Омск, 1918 г.

⁹⁾ Сравнительная характеристика фашизма и коммунизма — в упомянутой работе «Новое право и предпринимательство» (см. прим. 3), а характеристика мероприятий фашистской Италии — в книге Г. К. Гинса и Л. Г. Цыкман *Предприниматель*, Харбин, 1940 г.

венных планов. Если коммунистическое государство строит всю свою хозяйственную систему на началах с у б о р д и н а ц и и , то о системе государства социально-политического в его современной, более развитой форме, можно сказать, что она выражается в форме к о о р д и н а ц и и .

Идейной основой различного рода ограничений и контроля для осуществления координации является стремление к согласованию интересов или солидаризации их. Поэтому нарождающийся тип государства, в соответствии с его этической основой, можно также назвать солидаристическим. Он имеет наибольшие шансы стать господствующим типом предстоящего будущего.

Описанную эволюцию государства можно представить, для наглядности, в виде следующей схемы:

Приведенная схема имеет в виду не изменение форм государственного устройства, а эволюцию внутреннего существа государства, в смысле характера, задач и методов государственной власти.

Преобразование государства, как оно нам представляется по данным происходящей эволюции в передовых демократических странах, можно охарактеризовать также, как переход от демократии формальной к демократии материальной. Под формальной демократией имеется в виду система, гарантирующая формальное равенство перед законом и судом, но не обеспечивающая материального существования граждан. Они сами должны о себе заботиться. Поскольку демократическое государство нашего времени заботится и об удовлетворении или обеспечении материального благополучия всех классов населения, оно перестает быть формальной демократией, которую поносили социалисты за ее кажущееся безразличие к интересам широких масс населения.

В действительности государство, контролируемое представительными учреждениями, избираемыми путем всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, не может оставаться равнодушным к нуждам населения. Там, где голосование не сводится к одобрению населением не им составленного списка кандидатов, где оно подает голоса за тех кандидатов, которым больше доверяет и может на ближайших выборах «прокатить на вороных» тех, кто не оправдывает оказанного доверия, там демократия действительно защищает интересы населения. Избираемые населением депутаты прилагают все усилия к тому, чтобы обещания, которые даются во время избирательной кампании, действительно выполнялись, иначе их политическая карьера быстро заканчивается. Таким образом, параллельно с изменением в способах производства и организацией предприятий крупного масштаба происходит не вымирание демократии, а ее углубление и расширение.

5

На какие же слои населения опирается эта новая демократия? Удовлетворяет ли она «пролетариат»? О том, как изменяется в передовых демократиях психология так называемых пролетариев, и как в действительности они перестают быть пролетариями, уже говорилось. Рабочие, получающие высокую заработную плату и организованные в крупные профсоюзы, не имеют никаких оснований быть недовольными существующей системой. Париями современного общества являются неорганизованные рабочие и, как неожиданно для многих выяснилось, фермеры или крестьяне в странах с низкими ценами на продукты сельского хозяйства. Защиту интересов этих групп населения, помимо объединяющих их, ими же самими созданных организаций, принимает на себя государство. В Соединенных Штатах это достигается установлением минимальной почасовой платы для неорганизованных рабочих и покупкой у фермеров избытков их продукции, чтобы сбалансировать предложение и спрос, и не допустить падения рыночных цен на сельскохозяйственные продукты.

Изменяются экономические условия, изменяется и классовый состав общества. Современные социологи устанавли-

вают неустойчивость пролетариата, как класса.¹⁰⁾ Наследственных пролетариев становится все меньше и меньше. Характерная для нашего времени необычайная подвижность в профессиональной среде очень заметно отражается на составе пролетариев. В их среду входит много опускающихся по социальной лестнице интеллигентов и неудачников, нуждающихся в зароботке, или людей, предпочитающих перейти на высокую заработную плату и избежать трудной подготовки, которой требует современное высшее образование. В то же время, больший, чем это было раньше, процент пролетариев переходит на более квалифицированный и высокооплачиваемый труд, и если не отцы то дети, попадают в состав интеллигенции, то есть, скорее всего, в средний, наиболее устойчивый и наиболее умеренный класс общества. Избирательные кампании в высокоиндустриализованных странах показывают, что далеко не все рабочие — члены профсоюзов — голосуют за социалистов, предпочитая кандидатов демократических партий. В будущем, в связи с предстоящей во все большем масштабе автоматизации производства, количество высокооплачиваемых квалифицированных трудящихся будет, несомненно, повышаться и термин «пролетарий» будет представляться все более архаическим. Призыв «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» будет звучать все более фальшиво.

Но если не будет прежних стяжателей на стороне владельцев предприятий и прежних эксплуатируемых пролетариев, продающих свой труд по рыночным ценам, то расхождение интересов всё же никогда не устранился. Разделение труда неизбежно вызывает различие, а иногда и противоположность интересов. В еще большей степени, чем между отдельными группами населения, это расхождение проявляется и будет проявляться между общегосударственными интересами в целом, с одной стороны, и нуждами отдельных групп населения, с другой. Вот почему необходимы организация компетентного и объективного посредничества и ограничение власти государства в его отношениях с отдельными группами населения и отдельными гражданами.

Для выполнения посреднических функций государство может привлекать специалистов, знакомых с обсуждаемыми вопросами в теории и на практике, и понимающих интересы как заинтересованных сторон, так и общества в целом. Госу-

¹⁰⁾ Р. Сорокин, «Социаль Мобилити», р. 286, 437.

дарство-координатор, умеющее согласовывать интересы, в соответствии с принципами справедливости и целесообразности, будет государством будущего. Главной опорой этого государства будет средний класс, состоящий из множества разнообразных групп с различными условиями жизни. Этот класс больше других нуждается в посредничестве и больше других понимает зависимость его собственного благополучия от благополучия всей страны.

Но, как уже указано, необходим демократический строй с влиятельным народным представительством, обладающим не только правом законодательства, но и контролем над исполнительной властью. Этот строй необходим для того, чтобы государство, с его расширяющимися полномочиями и функциями, не выходило за пределы, установленные конституцией, чтобы оно не превратилось в бюрократического Левиафана.

*

Мы приходим, таким образом, к заключению, что в наше время нарождается новая система права и хозяйства. Этой системе, основные тенденции которой охарактеризованы выше, мы присваиваем наименование солидаризма. Солидаризм не дает государству права регулировать хозяйство, не превращает хозяев в чиновников государства, не уничтожает собственности и конкуренции. Но государство перестает быть только политической силой: оно определенно ставит своей задачей воздействие производительным силам страны и согласование интересов различных групп населения. Его вмешательство в действия хозяйствующих органов строго ограничено: оно допускается либо в случае расхождения частных интересов с интересами государства, либо в случае такого конфликта между интересами отдельных производительных групп, который они не могут разрешить собственными силами. Солидаризм отрицает и пассивность либерального государства и самоуверенную претенциозность государственного социалистического.

Солидаризм нельзя смешивать с солидарностью. Между солидарностью и солидаризмом такая же разница, как между социальностью и социализмом. Солидарность существует искони, с тех пор, как существует общество. Но солидарность даже в очень широких масштабах ее проявления не означает солидаризма, как системы хозяйства и как организации общественных взаимоотношений в государственном масштабе. Солидаристическое государство будет более власт-

ным, чем государство либеральное и так называемое государство культурное или социально-политическое. ¹¹⁾).

Принципом солидаризма является координация, а не субординация, согласование, а не подчинение. Солидаризм требует уважения ко всем проявлениям коллективного и индивидуального творчества, к искусству, науке и религии, так как они поддерживают те возвышенные и облагораживающие настроения, которые нужны всякой руководящей идее, направляющей к духовному и материальному прогрессу. Государство, построенное на основе солидаризма, не может лишать людей свободы и собственности, которая обеспечивает человеку возможность самостоятельного распоряжения его судьбой.

Солидаризм — это учение о государстве и обществе, этической основой которых является идея солидарности, находящая свое выражение в добровольных объединениях лиц с общими интересами и координации расходящихся интересов государством, действующим в строгом соответствии с демократическими принципами.

¹¹⁾ См. Г. К. Гинс. *Социальная психология*, Харбин, 1936 г. Приложение: «Очерки современности» (Особенности современного кризиса. Новые социальные идеи. Смена ведущего класса. Грядущее право. Человек и гражданин нашего времени).

Борьба с человечностью и борьба за человечность

А. Неймирок

В мае 1962-го года в Москве происходила дискуссия на тему о «связях современной литературы и гуманизма». Дискуссия была организована совместно Союзом писателей СССР и Институтом мировой литературы им. Горького.

Дискуссии партийное руководство придало исключительно важное значение, что видно уже из подбора ее участников. В дискуссии принимали участие А. А. Сурков, И. И. Анисимов, В. В. Ермилов, Р. В. Самарин, Л. Н. Новиченко. Этим «столпам» партийно-правительственного лагеря, нам кажется, в полном одиночестве противостояла О. Ф. Берггольц.

Некоторые высказывания в этой дискуссии заслуживают того, чтобы их особо отметить; они, так сказать, выражают лицо ее политически благонадежных участников.

И. Анисимов: «Гуманизм Жана Поля Сартра неприемлем потому, что исходит из концепции страдающего, потерянного человека».

В. Ермилов: «Великая заслуга Горького в том, что он первым связал проблему гуманизма с темой труда и революции».

Р. Самарин: «Герой Ремарка в определенный момент может стать нашим противником».

Л. Новиченко: «Мы отбрасываем надклассовую общечеловечность».

Г. Медынский: «Гуманизм мы осмысливаем... с высоких позиций партийности».

Диссонансом в этом хоре отрицателей общечеловечности, а следовательно и самооценности человеческой личности, прозвучало выступление Ольги Берггольц.

«Доклады, — сказала она, — не дают ответа на вопрос, что такое гуманизм. В этом понятии заключено незыблемое, общечеловеческое содержание. Тенденция «расчеловечивания» в эпоху культа личности, не изжита и сейчас... Я

лично думаю, что все-таки самое главное, — человек, как таковой. Разумеется, он не может быть взят в безвоздушном пространстве, колбе, но все-таки человека нужно уважать больше, чем его служебное положение».

Дискуссия велась в четырех стенах и в сравнительно узком кругу; ход ее, содержание прочитанных докладов, прений известны лишь немногим; но, вместе с тем, для понимания позиции власти в области культурного творчества приведенные нами высказывания «столпов» имеют перво-степенное значение.

Дискуссия была в мае 1962 года. А уже летом того же года разыгрались кровавые события в Донбассе, Новочеркасске, Майкопе, Грозном, Кемерово. Поднялся на защиту своих прав обманутый властью «страдающий, потерянный» человек. Власть, связавшая, по Горькому, «проблему гуманизма с проблемой труда и революции», не остановилась перед тем, чтобы ответить на требования демонстрантов расстрелом их из пулеметов. Но тут случился конфуз: регулярные воинские части, посланные в Новочеркасск, неожиданно стали на позицию «надклассовой общечеловечности» и отказались стрелять. Пришлось их спешно заменить чекистами: среди последних героев Ремарка, проникнутых «беспартийным гуманизмом», не оказалось, и они с высот позиции партийности благополучно сделали свое дело, оставляя на новочеркасских улицах трупы юношей и девушек, подростков и детей.

На Западе недоумевают даже коммунисты: чем, собственно говоря, вызван недавний поход власти на молодых писателей и поэтов-«новаторов». Тольятти даже прямо и публично отмежевался от позиции руководства КПСС в области культурного творчества и заявил, что он поставит этот вопрос на ближайшем международном совещании компартий.

Надо сказать, что тот же Р. М. Самарин смотрит дальше и видит больше, чем Тольятти: «герой Ремарка в определенный момент может стать нашим противником», сказал он. Что это значит? А значит это следующее: человек, воспитанный в духе подлинного, общечеловеческого гуманизма («герой Ремарка»), в момент, когда его сознание возмутится до крайней меры бесчеловечностью системы, станет врагом власти. Учтем теперь, что Ремарком у нас зачитываются, что Ремарк — наряду с Хемингуэем, Бёллем, Селинджером и другими писателями-гуманистами Запада, — кумир моло-

дежи, что именно этих писателей (а не Р. Роллана, А. Барбюса, Л. Арагона, Б. Брехта, П. Неруду) назвали молодые писатели своими духовными наставниками из числа иностранцев, а из отечественной литературы, — классиков, забыв упомянуть про отца «пролетарского гуманизма» Горького, забыв про Шолохова и почти забыв про Маяковского.*) Следовательно, подлинный гуманизм, — господствующая тенденция в молодом поколении нашей страны; насколько эта тенденция опасна для власти, вряд ли приходится пояснять.

«Я думаю, коллективизация была ложной, неудавшейся мерой, и в ошибке нельзя было признаться. Чтобы скрыть неудачу, надо было всеми средствами устрашения отучить людей судить и думать и принудить их видеть несуществующее и доказывать обратное очевидности. Отсюда беспримерная жестокость ежовщины, обнародование не рассчитанной на применение конституции, введение выборов, не основанных на выборном начале», —

говорит Дудоров, один из героев «Доктора Живаго». Описанный Б. Л. Пастернаком откровенный разговор двух друзей происходил во время минувшей войны, но и с тех пор, в принципе, ничего не изменилось.

Власть ежедневно, ежечасно ставит перед собой и пытается решить задачу: отучить людей судить и думать и принудить их видеть несуществующее и доказывать обратное очевидности.

Не изменились и методы насилия и устрашения; если их применение стало, в основном, более сдержанным (вместо подвалов Лубянки — прогнание сквозь строй «справедливой критики» или койка в сумасшедшем доме, вместо концлагерей, хотя не всегда — ссылка в отдаленные местности, то это не заслуга власти, а результат соотношения сил в стране.

Но какими бы ни были методы принуждения, — пример Новочеркаска показывает, что в крайнем случае власть не остановится и перед массовым кровопролитием. Поэтому защитник власти должен вытравить из своей души все «надклассово-человеческое», заранее возненавидеть каждого ее действительного или возможного врага и быть готовым действовать по рецепту Горького: «если враг не сдается, его уничтожают».

*) «Анкета молодых писателей». «Вопросы литературы» № 9, 1962 г.

В этом и заключается мораль «пролетарского гуманизма».

Внушить читателю такую мораль призвана партийная художественная литература, а так как эта противоестественная задача для нее непомерно трудна, то партия не должна щадить усилий в ее осуществлении: сюда входит и неусыпный надзор за писателями, и создание надежных кадров надсмотрщиков, и неустанная борьба с «чуждыми влияниями».

Имеет ли, однако, власть шансы на успех в этой борьбе? Посмотрим сперва, какими кадрами она располагает.

...«Гений и злодейство —

Две вещи несовместные».

На оправдание злодейства, на то, чтобы называть черное белым, а белое черным, не хватит никакого художественного дара; то, что невозможно гению, тем паче недоступно среднему дарованию.

«Социалистический реализм» не только не дал и не даст своего Шекспира, своего Гёте, своего Пушкина; он не сумел даже опереться на таланты выше среднего уровня. «Слово есть дар Божий; с ним нужно обращаться честно». (Гоголь). Бесчестное обращение со словом мстит за себя. На таком обращении со словом сорвались Леонов и Федин, Эренбург и Фадеев (последний не выдержал и добровольно ушел из жизни). У власти остаются еще посредственности: кочетовы, софроновы, грибачевы и иже с ними. Они не подкачают. Но разве они опора? Разве их произведения — искусство?

Между тем, перед властью весьма серьезный противник. «Герой Ремарка» имеет на своей стороне весь двухтысячелетний опыт христианской мысли от Августина Гертюлиана до Достоевского, Вл. Соловьева и персоналистов, его вдохновляют и укрепляют Данте и Сервантес, Толстой и Гоголь, писатели-гуманисты современности Ремарк и Камю, Бёлль и Селинджер, Сент-Экзюпери и Орвелл. А самое главное, «герой Ремарка» хранит в своей душе то, что должно быть органически чуждо «положительному герою» соцреализма: неистребимую волю к правде, к свободе и человечности в общественных отношениях.

К тому же, конфликт между «героем Ремарка» и носителями «пролетарского гуманизма» уже давно вышел из «культурного подполья» на политическую поверхность. Соотношение сил в стране сейчас таково, что стало возможным становление независимой русской литературы. Произведе-

ния этой литературы либо переписываются или размножаются на машинках, либо печатаются за границей и, попав обратно в страну, ходят там по рукам. Эта независимая русская литература имеет уже свои имена: Б. Пастернак, В. Тарсис, М. Нарича, А. Есенин-Вольпин. Она имела и имеет свои журналы: «Синтаксис», «Феникс», зарубежные «Грани».

Созданное этой литературой разнокачественно и разнообразно. Но и в «Докторе Живаго» Пастернака, и в «Сказании о синей мухе» Тарсиса, и в «Человеческом манифесте» Галанскова звучит один и тот же лейтмотив: человечность. Читатели этих произведений — что весьма важно — молодежь. Неприятие молодежью системы, основанной на мифах и утверждающей себя насилием, и есть первопричина того конфликта «отцов и детей», само существование которого власть боится признать.

Между независимой русской литературой и мифотворчеством «столпов» в последнее время возникла весьма интересная прослойка. Это многочисленные и одаренные писатели и поэты, печатающиеся на страницах официальных журналов и альманахов («Новый мир», «Литературная Москва», «Тарусские страницы» и др.), обвиненные сейчас в «протаскивании чуждых идей», в «слепом подражании Западу», в «абстрактном гуманизме» и Бог знает, в чем еще. На июньском пленуме ЦК КПСС Хрущев назвал их «идейными подкулачниками» и «подголосками врагов». Это Евтушенко, Вознесенский, Казаков, Аксенов, Некрасов, Приставкин и др. Попутно правительственно-партийная критика нападает и на некоторых писателей, относящихся к более старшему поколению: на Дудинцева, Паустовского, Солженицына, Абрамова.

Если мы подытожим эти нападки, отделим в них существенное от наносного, навешанного озлоблением, завистью бездарностей к талантам, привычкой к навешиванию ярлыков и пр., то увидим, что критика сосредотачивается на выдвигании «неблагонадежными» писателями в качестве героя «человека вообще», на защите ими общечеловечности, на пренебрежении ими «принципа партийности».

Следует заметить, что все раскритикованные в последнее время писатели так или иначе выражали свое приятие коммунизма, как идеи справедливого общественного устройства; многие из них, к тому же, члены партии. Но, как выразился в анкете «Вопросы литературы» Анатолий При-

ставкин, «по-моему, коммунизм не только общество изобилия, это еще наивысшее, доведенное до великого, уважение к человеческой личности». Такое истолкование коммунизма партийно-правительственные инстанции принять, разумеется, не могут, как не могут они принять и утверждение Ольги Берггольц, что «самое главное — человек, как таковой».

«Правоверная» критика молодых писателей, все эти кочевы и ермиловы, грибачевы, рюриковы и лесючевские имеют в себе нечто от флоберовского Сенекаля («Воспитание чувств»), поклонника тех, «которые все человечество хотят поселить в казармах, тех, которые желали бы развлекать его в домах терпимости или заставить корпеть за конторкой». Сенекаля, который «из смеси всего этого создал себе идеал добродетельной демократии, нечто похожее на ферму и на прядильню, своего рода американскую Лакедемонию, где личность существовала лишь для того, чтобы служить обществу, более всемогущему, более самодержавному, непогрешимому и божественному, чем какие-нибудь далай-ламы и Навуходносоры. Он не сомневался в скором осуществлении этой идеи и яростно ратовал против всего, что считал враждебным ей, рассуждая как математик, и слепо верил в нее как инквизитор».

Продолжим наше сравнение. Флоберовский Сенекаль, заняв должность надсмотрщика над рабочими, «обращался с ними жестоко. Будучи теоретиком, он считался только с массами и проявлял беспощадность к отдельным личностям». Сенекали наших дней теоретически обосновывают и оправдывают это отношение к человеку: для них это «осмысление» гуманизма с «высоких позиций партийности».

Флоберовский Сенекаль кончил тем, что стал мелким агентом тайной полиции правительства короля Луи Филиппа. Сенекали наших дней, если они уж идут на услужение к «органам», то пятнают себя такими делами, которым их литературный прототип мог бы лишь позавидовать: жертвами доносов Ермилова и Лесючевского пал не один отечественный писатель.

«Некоторые... стали различать понятие буржуазного или даже мелкобуржуазного и пролетарского гуманизма, — пишет молодой литературный критик Л. Копелев. — В действительности существует один гуманизм, — одно человеколюбие.

...Нет, не существует разных гуманизмов и разных человеколю-

бий, как не существует разных исторических правд и разных таблиц умножения.

Наш гуманизм неправильно отмечать каким-либо особым, пусть даже очень звучным прилагательным, ведь его главное отличительное свойство именно в том, что это и есть настоящий последовательный гуманизм».*)

Копелева и его единомышленников, поверивших в чело-веколюбие коммунизма, с полным основанием обличает в непонимании истинной идеи этого учения «столп» режима Б. Рюриков:

«Нынешние «истинные социалисты» — со злой насмешкой пишет он — отвлекаются от реальных классовых противоречий, от борьбы реакции и прогрессивных сил и призывают к отвлеченной «человечности», к голубой идеологии, при которой никто никого не обижает и все трогательно лбызаются.**)

«Реальные классовые противоречия» в нашей стране, где, как известно, построено «бесклассовое общество», — это противоречия между правящим слоем и основной массой народа.

Мы уже отметили, что прослойка, к которой, судя по всему, принадлежит и Копелев, — разделяет коммунистическую идеологию правящего сословия, но лишь в том смысле, что она видит в коммунизме идеал справедливого общественного устройства в будущем. Коммунистическую действительность в настоящем она не приемлет, а кое-кто, вероятно, считает эту действительность чудовищным искажением идеала. В частности, особенно неприемлемой должна быть для этой прослойки бесчеловечная практика КПСС, — как в эпоху «культы личности», так и в наши дни.

Приверженность, — хотя бы идейная, — к коммунизму, сильно ослабляет морально-духовный потенциал этой прослойки; конечно, с точки зрения «животворного учения» прав Рюриков, а не Копелев. Но тем, что эта прослойка подняла знамя человечности (по словам рюриковских, «отвлеченной человечности»), она в какой-то мере смыкается с народом, а ее творчество тесно соседствует с вольным творчеством «культурного подполья».

На верхах КПСС распознали опасность: упомянутая на-

*) Л. Копелев, «Сердце всегда слева».

***) Б. Рюриков, «Реальный гуманизм», «Иностранная литература» № 6, 1963 г.

ми московская дискуссия на тему гуманизма, несомненно, имела задачей подготовить кадры защитников режима к военным операциям на том участке фронта, где слабость исходных позиций власти просто бросается в глаза.

Со времени майской дискуссии прошло два года. Мы были свидетелями похода власти на молодых писателей, критиков и художников; похода, который при самой благоприятной для режима оценке его результатов, кончился вничью: почти никто из ошельмованных полностью не «покаялся». Как будто бы все осталось на своих местах: «мы отбрасываем надклассовую общечеловечность», — по-прежнему значитесь на знаменах защитников «новочеркасских» методов властвования. «Существует лишь один гуманизм, одно человеколюбие», — повторяют «ошельмованные», а с ними писатели и художники «подполья».

Но если прав Милован Джилас, писавший, что вся история коммунистической диктатуры есть история ее непрерывной гражданской войны с народом, то в такой войне сражений «вничью» не бывает. Если какая-то из сторон **не выигрывает**, то, следовательно, она **проигрывает**.

В распоряжении власти были все средства убеждения, принуждения и устрашения, к ее услугам были все официальные печатные издания, положительные и отрицательные герои. И все-таки власть не выиграла. Следовательно...

Человеческая личность ставится в центр нового мировоззрения.

Нельзя во имя общественного идеала подавлять личность. В обществе рабов умирает общественный идеал. Постоянное насилие коллектива над личностью ведет к гибели самого общества.

Не злоба, вражда и ненависть приведут человечество к счастью, добру и справедливости. Не подавлением одним классом или расой всех остальных, не выдвиганием и осуществлением интересов одной группы возможно построение справедливого общества, а солидарным устремлением совместно творящих и сотрудничающих групп к высокому общественному идеалу.

Из Программы НТС

Встречи с советскими писателями

В августовском номере французского журнала «Preuves» за 1963 год была напечатана статья Патриции Блейк о встрече с русскими писателями. Патриция Блейк — журналистка, была корреспонденткой «Лайф Мэгэзин» в Москве. В 1962 году она издала в Нью-Йорке перевод пьес и поэм Маяковского. Сейчас готовит биографию Исаака Бабеля. Ниже мы печатаем сокращенный перевод статьи из «Прёв».

Редакция

Патриция Блейк

«Искусство объединяет... там, где
тирания разъединяет».

Альбер Камю.

«Пастернак был моим единственным учителем», — сказал мне молодой поэт Андрей Вознесенский в августе прошлого года в Москве.

В 1954 году, когда ему минул 21 год, Вознесенский получил от Пастернака письмо, в котором тот поздравлял его с первыми стихами и приглашал к себе.

«С тех пор я всегда был рядом с ним, — говорит Вознесенский — Я поселился в Переделкино и оставался возле него до его смерти. Когда он умер, мне показалось, что что-то ушло от меня, какая-то часть моего «я». Я казался себе совсем одиноким. Я хотел умереть. Но потом я подумал, что кто-то должен продолжать дело Пастернака. И сейчас я больше не одинок»...

Это правда, Вознесенский больше не одинок. Самые большие перемены в русской литературной среде со смерти Сталина до последней литературной «чистки» заключаются в том, что поэты, прозаики, драматурги — как и их читатели и слушатели, понемногу все больше и больше теряли чувство страха перед собственной изоляцией, которая их так долго мучила. Эта эволюция всего за одно десятилетие кажется почти чудом, ибо усилия Сталина и «атомизация» советского общества уничтожили все возможности свободного общения между людьми.

Подозрительность, скрытность были лишь внешними симптомами зла, признаваемого до сих пор неизбежным: разрыва между человеком и его внутренней правдой.

В течение 30 лет террор был таким всепроникающим и разрушительным, что только герои, безумцы или поэты вроде Пастернака могли придавать разумный или воображаемый смысл реальности человеческого существования при Сталине.

И все же настоящая литературная интеллигенция появилась в течение этих последних десяти лет. В нее входят не только молодые писатели, лишь едва отмеченные в сталинскую эпоху, но и значительно более старшие авторы, как Паустовский, перенесший все тяготы сталинизма. Царящий среди них дух взаимного доверия, их взаимная поддержка, сознание общности дела, поражают иностранцев, знакомых с жестокостью литературной среды в Нью-Йорке, Париже, Лондоне. Эти писатели отдают свое время и силы взаимной поддержке, отстаиванию произведений своих товарищей, принятию в члены Союза писателей своих подопечных. Они защищают друг друга от реакционной критики, хлопочут о переводе молодых талантливых писателей в столицу, где легче и благоприятнее атмосфера для развития талантов.

Разговор с этими писателями ничем не напоминает натянутой уклончивости и многословия, которые когда-то были присущи советской интеллигенции. Вероятно, она снова обрела то чувство внутренней независимости, необходимое в литературе, которое исчезло в сталинские времена.

Кажется, что после тридцати лет полного литературного бесплодия Россия снова начала давать литературные произведения, хоть и не такие совершенные, как в XIX веке, но все же многообещающие.

Эта эволюция началась во время «оттепели» 1956 года в среде писателей, объединенных вокруг «Литературной Москвы», журнала, который должен был выходить каждый год. Но судьба его была печальна.

Эта эволюция была грубо прервана Хрущевым после Венгерской революции. Угрозы, адресованные писателям, были ясны: «Наша рука не дрогнет». Хрущев не намерен был терпеть у себя нечто вроде кружка Петефи.

И тогда начинается период мужественных провалов. Появляются произведения, не имеющие никаких шансов на опубликование.

Несмотря на это, за последние 3 года не проходило месяца, чтобы какой-нибудь начинающий писатель или поэт не напечатал произведение смелее предыдущих как по форме, так и по содержанию. Эти романы, повести и поэмы были горячо приняты западными читателями, решившими было, что русская современная литература не может им дать ничего, кроме своего жаргона, мрачных поучений и идиллических картинок «социалистического реализма».

Эти новые произведения, каждое по-своему, вернули русскую литературу на современный уровень. Какое-то время литература шла по такому пути, который долго не мог бы выдержать никакой тоталитарный строй: она была местом откровенной встречи индивидуальных переживаний.

Именно из-за этого новые произведения вызвали отклик такой силы, какой мы не можем себе и представить на Западе. «Каждая стена имеет дверь», — сказал мне мой сосед на одном из вечеров поэзии в сентябре прошлого года. «И эта молодежь нашла ее», — добавил он.

А вот стихи таких поэтов, как Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина, Винокуров, рассказы и повести Казакова, Аксенова и Нагибина, пьесы Володина и Розова нашли отклик у многих людей, открывших, наконец, что они не одиноки, что существуют другие люди, понимающие и разделяющие их надежды, опасения и вкусы. И не только студенты: Вознесенский сказал корреспонденту «Лондон Таймс», что у него много читателей среди «технической интеллигенции». — Их миллионы в России. Многие из них работают над спутниками и другими чрезвычайно сложными машинами и они хотят сложной поэзии. Им не нужны политические статьи в стихах.

Сильнее всего влияют на советских читателей поэты, может быть потому, что поэзия всегда находила отклик у русских, очевидно из-за своего непосредственного характера, больше всего отвечающего их требованиям.

«Поэзия, — писал Малларме, — это язык общества в состоянии кризиса». Сто тысяч экземпляров книги Евтушенко были распроданы за 48 часов. Еще до выхода из печати последней книги Вознесенского «Треугольная груша» были уже заказаны сто тысяч экземпляров. И наряду с этим книжные магазины заполнены стихами «старой гвардии», годами пылящимися на полках. Интерес, который проявляется с некоторого времени к публичным чтениям, объясняется может

быть тем, что произведения новых поэтов никогда еще не выходили достаточно большими тиражами.

Самым крупным и выдающимся собранием такого рода был вечер поэзии в московском Дворце спорта (в Лужниках) в ноябре 1962 года: четырнадцать тысяч человек собралось слушать Вознесенского, Ахмадулину и Бориса Слуцкого.

Вечера поэзии стали главным развлечением интеллигенции и студенчества как в Москве, так и в провинции, куда поэты ездили на грузовиках. Даже Маяковский, всю жизнь разъезжавший по России с чтением своих стихов, никогда не был так популярен у молодежи.

Александр Твардовский лучше всех, пожалуй, выразил чаяния шестьдесят второго года: «В искусстве и в литературе, как в любви, — сказал он, — можно лгать временно: рано или поздно истина откроется». В ноябре прошлого года произошло событие, когда показалось, что эта истина наконец открылась.

Это событие — опубликование, с согласия ЦК КПСС и самого Хрущева, повести Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Восьмого марта Хрущев сказал о реакции писателей: «Рассказывают, что в журналы и издательства происходит наплыв рукописей о жизни людей в ссылке, в тюрьмах, в лагерях... Повторяю еще раз, что это очень опасная тема...» Отклик сотен тысяч читателей на эту повесть нигде не был отмечен официально, но если судить по внутреннему брожению в стране, то становится ясно, что многие задали себе самый «опасный» вопрос: об ответственности теперешней бюрократии за преступления Сталина. Хрущеву понадобилось много времени, чтобы открыть то, что знали до него все правители России, начиная с Николая Первого: способность литературы пробуждать совесть народа и разъяснять ему природу тирании.

Художники в СССР на первом этапе «чистки» дружно оказали твердое сопротивление «правоверным». После того как первого декабря шестьдесят второго года Хрущев посетил выставку абстрактного искусства в Центральном выставочном зале в Москве, крики объединенных ортодоксов снова раздалась по всей стране: «Такие картины нарисованы не рукой человека, а намалеваны ослиным хвостом». На первом совещании ЦК в декабре прошлого года, на котором

присутствовало 400 художников, композиторов и писателей, Евтушенко защищал лучшего советского скульптора Эрнста Неизвестного, обвиненного в создании «формалистических», антипатриотических произведений. Евтушенко заявил, что Неизвестный вернулся с войны с четырнадцатью пулями в теле, но он надеется, что скульптор проживет еще долго и создаст много прекрасных вещей.

«Как говорят люди, — возразил Хрущев, — горбатого только могила исправит.» — Евтушенко ответил: «Я надеюсь, что сегодня уже не те времена, когда могила считалась средством исправления».

На том же совещании Ильичев, председатель идеологической комиссии ЦК, прочел адресованное Хрущеву письмо с протестом от известных деятелей искусств:

«...без возможности существования разных художественных направлений искусство обречено на гибель».

Мы видим теперь, как начинают толковать ваши слова на выставке художники того самого направления, которое единственно процветало при Сталине, не давая другим возможности работать и даже жить... Мы обращаемся к вам с просьбой остановить в области изобразительного искусства поворот к прошлым методам, которые противны всему духу нашего времени».

Под этим письмом стояли также подписи писателей Симонова и Эренбурга, композитора Шостаковича, кинорежиссера Ромма — людей, до сих пор не связанных между собой, если не считать их компроматации в сталинские времена.

Позже стало известно, что под вторым, аналогичным письмом подписался также не кто иной, как Алексей Сурков, бывший секретарь Союза писателей, долгое время считавшийся одним из самых закоренелых сталинцев.

Выступления Ильичева 17 и 26 декабря показывают, насколько эта новая интеллигенция беспокоит партию:

«Рассказывают, что иногда при обсуждении творческих вопросов на том или ином собрании создается такая обстановка, когда отстаивать правильные партийные позиции считается неудобным, немодным, можно, так сказать, прослыть ретроградом и консерватором, подвергнуться обвинениям в догматизме, сектантстве, узости, отсталости, сталинизме и т. д.».

Как бы угрожающе ни звучали эти выступления, сегодня они кажутся довольно сдержанными, учитывая всё, что

последовало вслед за тем.*) Интеллигенцию «предупредили», но заверили, что жестоких репрессий не последует. Ей даже было предложено сотрудничать с партией в уничтожении «последствий культа личности во всех областях жизни». Увы, результатом выступления Ильичева было восстановление во всех областях влияния известнейших «твердокаменных» сталинцев.

Один за другим бывшие «комиссары искусства» времен Сталина, писатели-подхалимы, догматики всплыли на поверхность и заменили собой людей «оттепели» в редакционных коллегиях издательств, журналов и газет, а также в руководство московского Союза писателей, Академии искусства, киноорганизациях. Вновь вышел на сцену старый Александр Герасимов, придворный художник Сталина в течение двадцати лет. Герасимов, работы которого (портреты

*) Самым тревожным на декабрьской «встрече» были доносы на Эренбурга. Они были вступлением к грубой атаке на него Хрущева в марте. По словам Мишеля Татю, корреспондента «Монд», Серебрякова (вдова старого большевика) выдвинула против Эренбурга «столь тяжкие и невероятные обвинения не только политические, но и уголовные, что непристойно их здесь приводить». Свидетельство, которое она приводила против Эренбурга, исходило от Александра Поскребышева, личного секретаря Сталина, который уже давно считался умершим, на самом же деле живет в Москве и пишет свои воспоминания! Как сообщает Мишель Татю, Николай Грибачев, кандидат в члены ЦК, во время того же совещания употребил слово «космополитизм», чтобы охарактеризовать протекцию, оказываемую Эренбургом современному искусству. Писатели и художники сталинской гвардии воспользовались случаем, чтобы атаковать человека, который, каково бы ни было его участие в сталинщине, был одним из тех, кто красноречивее и успешнее всего боролся с ее последствиями

Сильнее всего напал на него критик Ермилов, специалист по доносам еще с 1930 года, когда он обвинил Маяковского в том, что тот был орудием в руках троцкистской оппозиции.

В «Известиях» от 30 января Ермилов упрекал Эренбурга в «неэтическом» поведении во время сталинских чисток; Эренбург был в курсе дел (он признал это в своих воспоминаниях), не то что «рядовой гражданин» Ермилов, и должен был открыто протестовать против чисток. Обвинения Серебряковой и Ермилова понравились Хрущеву, который, стремясь отмежеваться от преступлений сталинщины, поспешил выставить Эренбурга козлом отпущения.

Сталина во всевозможных позах) исчезли с некоторого времени из музеев, нашел, наконец, возможность и место («Труд» от 9 января 1963 г.) отомстить многим людям и изданиям, покровительствовавшим, по его мнению, «формалистическому» искусству. В частности, он обрушился на журнал «Огонек» и его главного редактора архиреакционера Софронова и на «Неделю», издаваемую Аджубеем, зятем Хрущева. Герасимов заявил, что надо назвать вещи своими именами, назвать имена и факты, — тем самым убеждая каждого порядочного человека в невозможности подобного поступка.

Во время всего этого замешательства Евтушенко отправился в поездку по Западной Германии и Франции. Он еще верил тогда в конечную победу либералов над догматиками.

Безусловно, с благословения советского посольства в Париже он опубликовал свою «скороспелую биографию» „Autobiographie r6cose“, где он серьезно обвинял догматиков, предавших, по его словам, не только революцию, но и саму Россию, в цинизме, корысти, лжи и антисемитизме. В других его замечаниях было больше смелой дерзости, чем убеждения: «Все тираны России считали поэтов своими злейшими врагами». Самое смелое его заявление было сделано во время пресс-конференции в Париже 12 февраля 1963 года:

«Когда говорят об этой эпохе (эпохе Сталина), я думаю не только о Сталине, я думаю также о его сообщниках, о тех, кто ему помогал, иногда подталкивал, и о тех, кто молчал».

4 марта Евтушенко был спешно вызван в Москву, чтобы столкнуться непосредственно не только с догматиками, ожидавшими его потирая руки, но и с самим Никитой Хрущевым.

*

8 марта Хрущев произнес речь, в которой он оповещал страну о своих личных вкусах в искусстве. Как бы ни были убедительны эти взгляды (в музыке Хрущев восхищался «Интернационалом» и песнями конницы Буденного, в скульптуре — памятником Карлу Марксу; в поэзии — виршами агитпропа гражданской войны «Как родная меня мать провожала...»). Короче говоря, искусство является «идеологическим орудием, чтобы уничтожить врагов и вдохновлять людей на труд и военные подвиги), политические мотивы, звучащие в его речи, хорошо объясняют причину зажима. Под

всем этим сумбурным пустословием ясно вырисовываются его главные заботы. Во-первых, ущемление идеологии и давление партии на все области искусства:

«Те, — заявил он, — кто думает, что в советском искусстве могут мирно уживаться и социалистический реализм и формалистические, абстракционистские течения, те неизбежно сползают на чуждые нам позиции мирного сосуществования в области идеологии».

Во-вторых, разрыв между «отцами и детьми». Часто дети считают своих отцов зараженными или даже окончательно сломленными сталинщиной. Авторитет же партии падает, если советская молодежь больше увлекается современной поэзией, чем агитпропом.

То, что Хрущев несколько раз отрицал существование глубокой пропасти между «отцами и детьми», показывает, как это его беспокоит. Он обвинил, например, Роберта Рождественского, потому что

«в выступлении тов. Рождественского сквозила мысль о том, что будто бы только группа молодых литераторов выражает настроения всей нашей молодежи, что они являются наставниками молодежи».

«Это совсем не так, — утверждает Хрущев. — Наша советская молодежь воспитана партией, она идет за партией и видит в ней своего воспитателя и вождя».

Третья забота Хрущева и, безусловно, самая большая, это тема, затронутая Эренбургом в его воспоминаниях. По его словам, он знал о том, что во времена Сталина арестовывались невинные. Этим признанием он как бы дает понять, что если он, Эренбург, знал об этих арестах, то уж конечно другие, более высокопоставленные люди, чем он, должны были быть в курсе этих событий. Хрущев, разумеется, не мог снести подобного намека, так как он неоднократно утверждал, что ему ничего не было известно о преступлениях Сталина. В подтверждение своих слов Хрущев заявил на совещании, что он проливал слезы над гробом Сталина и что «советский народ прошел большой и славный путь разрушения старого буржуазного мира до построения нового социалистического общества, окончательно победившего в стране».

Писатели-догматики, как взбесившаяся свора, спущенная Хрущевым с привязи, изливали свою злость и зависть почти на всех молодых писателей, восторженно принимаемых публикой в последние годы, особенно на Евтушенко и Вознесенского.

В печати и на собраниях писателей, по всей стране, они объявили, что пришел конец стотысячным тиражам, благожелательной критике и поездкам за границу для писателей, не желающих, по их словам, стать на правильный путь, указанный партией, и игравших на руку западно-буржуазной идеологии. («Одной ногой на улице Горького, а другой на Бродвее»). Их произведения были объявлены «гнилыми, подхалимными, лишенными реализма и тошнотворными». В классическом стиле чистки, от провинившихся потребовали самокритики, но полученный результат далеко не был удовлетворительным.

Многие писатели молчали. Некрасов не признавал за собой ничего заслуживающего упреков.*) Другие, как Вознесенский и Рождественский, признали свои «ошибки», но в двусмысленных и иронических выражениях. Только Аксенов и Евтушенко, под сильным давлением**), выступили с каким-то подобием самокритики. Наказание свелось к «распылению» опальных: сообщили, что Вознесенский сейчас на заводе около Владимира, Аксенов поехал на стройку в Сибирь, а Рождественский «окунулся в массы». Как видно, «блестящие и счастливые» годы сталинизма, упомянутые Хрущевым, проявились во всей полноте.

У Хрущева несомненно следующие затруднения: «десталинизация» пробудила в русском народе надежды, которые теперешнее руководство не может осуществить, и вопросы, на которые оно не может ответить. Слово «сталинщина» стало ругательством очень гибким, оружием, действительность которого зависит «от того, кто его держит в руках, и от цели, в которую он метит», перефразируя самого Сталина. В руках Хрущева и его соратников оно послужило для удаления соперников и оправдания законности режима, который «разоблачил преступления Сталина и восстановил прин-

*) Сопrotивление Некрасова привело к тому, что Хрущев потребовал его исключения из партии. В своей речи 21 июня 1963 года перед пленумом ЦК он заявил, что если член партии не подчинился ее требованиям, ему не место в партийных рядах.

**) Об этом можно судить по следующему заявлению в «Литературной газете». Евтушенко, мол, пытался, опровергнуть серьезную критику, направленную против него... но в обстановке, строго отвечающей принципам, установленным на пленарном заседании (Союза писателей) он все же должен был признать свои ошибки.

ципы ленинизма». Во имя десталинизации этот режим постарался также избавить страну от кое-каких учреждений и лиц, мешавших Советскому Союзу включиться в соревнование с современным миром, например, в области непродуктивной системы принудительных работ или армии невежественных бюрократов, тормозящих путь техническому прогрессу. Для либеральной интеллигенции термин «сталинщина» обозначает в первую очередь ее врагов: догматиков и начетчиков, лицемеров и обывателей с философией чиновника Салтыкова-Щедрина: все, что мне непонятно, — опасно для государства.

Кроме того, «сталинщина» для них проблема не только материальная, но и моральная. Паустовский безусловно выступал от имени всей новой интеллигенции, когда на закрытом заседании Союза московских писателей в 1956 году обвинял сталинских бюрократов в предательстве, клевете, моральном и прямом убийстве. Но как бы ни истолковывали это слово, дух сталинщины — всепроникающий и удушливый — остается неразрешенной проблемой нации.

Повсюду в Советском Союзе встречаются люди, готовые обвинить своих соотечественников в измене и хулиганстве. Они встречаются на всех ступенях иерархической лестницы, начиная с маленького пионера и секретаря обкома по Кочетову и кончая Кремлем. Их можно узнать по упорству, с которым они отстаивают малейшее посягательство на их власть, по жаргону, которым они пользуются вместо человеческой речи, по их полному презрению к людям...

Я присутствовала в зале Политехнического музея в Москве на вечере поэзии, который начался в пять часов вечера и, прерываемый короткими антрактами, кончился около полуночи. Зал был переполнен; публика (около 700 человек) в большинстве своем состояла из студентов различных учебных заведений, куда были разосланы приглашения. На эстраде, перед синим бархатным занавесом с лозунгом — «Коммунизм — молодость мира, значит молодежь должна его строить», сидело четыре поэта: Евтушенко, Вознесенский, Окуджава и менее известный Сергей Поликарпов.

Перым выступил Вознесенский. Он мне показался неловким, хрупким и необычайно впечатлительным; он стоял перед микрофоном, расставив неплущиеся ноги; его кадык перекачивался и, по виду, с которым он принимал аплодисменты, можно было подумать, что его бьют. Примерно около часа он читал свои стихи звучным голосом. Его неловкость

исчезла. Зато сейчас его слушатели напряженно ловили слова еще незнакомых стихов. Вознесенский, бесспорно, первый современный поэт СССР. Технически блестящие, его стихи построены на сочетании рифм, созвучий и игры слов. (Форма не главное, — говорит он. — Форма должна быть ясной, незримой, волнующей, как небо, где только радар может обнаружить присутствие самолета). «Я — Гойя...» Так начинается одно из самых замечательных его стихотворений:

Я — Гойя!
Глазницы воронок мне выклевал ворог,
Я — горе.
Я — голос
Войны, городов головы
на снегу сорок первого года.
Я — голод,
Я — горло
Повешенной бабы, чье тело, как колокол,
било над площадью голой...
Я — Гойя!
О, грозди
Возмездья! Взвил залпом на Запад
я пепел незваного гостя!
И в мемориальное небо вбил крепкие
звезды —
Как гвозди.
Я — Гойя.

Особенность идиомы, которой пользуется Вознесенский, состоит в резком чередовании тона и темы в том же стихотворении, иногда в той же строчке; нежности, шутки, иронии, насмешки.

Я никогда не видела на Западе в театре или на концерте (не говоря уже о вечерах поэзии), чтобы публика так реагировала, как в этот вечер. Улыбающегося Вознесенского, по лицу которого, подобно слезам, катился пот, вызывали бесконечно, а юноши и девушки возле меня плакали по-настоящему, слезами благодарности.

Я заранее немного жалела поэта, который должен был выступить после Вознесенского. Но Булат Окуджава, появившийся перед микрофоном, весело перебирая струны гитары, вызвал, по-видимому, другую форму энтузиазма. Лет тридцати семи, маленький, черноволосый, он стал известен

в России своими одесскими песенками, записанными на магнитофонную пленку и жалобно-комическими стихами, которые он поет на манер французских куплетистов. Публика, казалось, знала все его произведения и требовала то «Песню о дураках», то «До скорого, мое дитя!», то «Ночной троллейбус».

Каково бы ни было содержание его коротких стихов, все они полны очарования, юмора и чувства — качеств, очень редких в советской литературе.

Недавно Окуджава написал автобиографическую повесть «Будь здоров, школяр!», которая дает понять, что песенки куплетиста могут иметь более серьезную подоплеку. Для Окуджавы, раненного на фронте, война остается самым сильным переживанием. И как многим в его поколении, ему наскучил назидательный тон большинства советских романов, пьес и фильмов, посвященных неизменным героическим подвигам народа в Великой Отечественной Войне»; все это только обесценивает и принижает подвиг народа (с маленькой буквы). Повесть Окуджавы — одно из редких произведений советской литературы, где говорится с симпатией не о героических сторонах войны, а о чувствах, до сих пор никогда не упоминаемых: о страхе, растерянности и лихачестве подростка, пробирающегося через заминированные немцами поле. Конечно, критики «старой гвардии» вопят, что это «восхваление страха смерти» (А. Меченко в «Коммунисте») и «ноющий пацифизм». Окуджава, мол, оскорбляет память погибших, чтобы спасти живых, в том числе и себя самого.

Следующим выступал Евтушенко. Его появление встретили криками: «Привет, Женя! Дашь Бабий Яр!» На сцену полетели записки с заказами чтения любимых стихов. Видно было, что популярность этого молодого поэта выходила за рамки литературной известности.

Вначале он прочел комическое стихотворение, еще не опубликованное в то время: «Как парится подлец». В нем говорится о гнусном бюрократе, который, идя в баню, представляется настоящим человеколюбцем: он всегда готов потерять спину соседу и выставляет напоказ, как «орден демократии», свой банный лист. Но, поливая себя горячей водой, он грустно вздыхает о Сталине. И вечером, на сон грядущий, всегда с удовольствием прочитывает одну-две главы из Кочетова. На утро же снова начинаются его подлости.

Аудитория бушевала от восторга и настойчиво требовала «Бабий Яр». Евтушенко читал его с волнением, руки его слегка дрожали.

...Мне сегодня столько лет,
как самому еврейскому народу.
Мне кажется сейчас —
я иудей.

Когда он кончил, публика топотала и требовала повторения. В этот вечер, по настоянию аудитории, поэт прочел «Бабий Яр» еще три раза.

Затем он читал цикл своих стихов, посвященных Кубе и Кастро. Этим объясняются нападки непримиримых на Евтушенко, который, по их мнению, сильно себя скомпрометировал своими уступками власти.

Одно из этих стихотворений — «Три минуты правды» — объясняет восторг многих по отношению к кубинской революции.

Герой — паренек, захвативший радиостанцию во времена Батисты; три минуты он говорит «правду» народу, потом его хватают и расстреливают. Стихи кончаются обращением к молодежи мира: «Так надо жить, не развлекаться праздно, идти на смерть, забыв покой, уют. Но говорить — хоть три минуты правду. Хоть три минуты. Пусть потом убьют».

По всей вероятности, это стихотворение не двусмысленное, но его, как и саму кубинскую революцию, можно истолковать двояко. Какова бы ни была настоящая Куба (да и кто ее знает в СССР?), для одних она олицетворяет благородный и чистый революционный порыв, для других — просто уничтожение тирании.

Я была на выставке кубинских художников в Москве; она была первой с тридцать пятого года, посвященной абстрактной живописи. Самой занятой в ней была «книга замечаний», куда посетители записывали свои мнения. Первым написал Евтушенко, видимо, присутствовавший на ее открытии. «Кубинцы, — пишет он, — показали нашим уважаемым художникам, что революция и абстрактное искусство совместимы». Какая-то возмущенная ханжа записала: «Я не понимаю этих картин и этим горжусь». Кто-то приписал ниже: «Если не понимаете, сходите в психиатрическую лечебницу на исследование». А вот самая трогательная запись: «Хорошо, что кубинские артисты свободны, ибо свобода — начало всего...»

Во время антракта я нашла Евтушенко с другими поэтами в вестибюле. Молодежь теснилась на лестнице, надеясь получить от своих кумиров автограф или слова приветия. Мальчик лет шестнадцати все вертелся возле Евтушенко. Поэт спросил: «Чего тебе?» Молча, тот протянул томик евтушенковских стихов, и автор размашисто на нем подписался. Но подросток не уходил. «Будь здоров», — сказал Евтушенко. Мальчик взглянул на поэта, выше его на голову, и ответил: «Это еще не все — быть здоровым.» И добавил: «Почему вы так часто употребляете слово «коммунизм» в ваших стихах? Не думаете ли вы, что с нас хватает пошлых лозунгов?» Евтушенко слегка потрепал его по голове и мягко ответил: «Коммунизм — это мой любимый термин».

После перерыва Евтушенко прочитал «Наследников Сталина», два месяца спустя появившихся в «Правде». В течение года ни один редактор не решался их опубликовать, и Евтушенко должен был сильно смягчить стихотворение. Первый его вариант начинался в момент смерти Сталина: те, кто за минуту до его смерти распластывались перед ним, танцуют вокруг трупа, проклиная его. Вдруг Сталин приоткрывает один глаз и все опять падают ниц и молят о прощении. Но и в окончательной редакции это стихотворение сохраняет остроту. Сталин только притворяется мертвым. А иные его наследники, ругая его «с трибун», «сами ночами тоскуют о времени старом».

И я обращаюсь к правительству
нашему с просьбою:
удвоить, утроить
у этой плиты караул,
чтоб Сталин не встал,
и со Сталиным —
прошлое.

Когда Евтушенко читал «Наследников Сталина», публика бурно реагировала. Во время последовавшего диспута один юноша подошел к микрофону и сказал дрожащим голосом: «Я очень люблю стихи Евтушенко... Но эти стихи о Сталине... Ладно, я знаю, что Сталин сделал очень много зла, но он сделал также и много добра...» Оглушительный рев поднялся в зале. Я думала, что юношу растерзают на месте. Кто-то вырвал у него микрофон... Фактически, его прогнали с трибуны.

Большинство выступавших хвалили поэтов, пока молодой лейтенант, в прекрасной сшитой военной форме не появился на сцене. Он говорил как-будто добродушно, но публика недоброжелательно посмеивалась. «Из всего, что здесь читалось так долго, я понял только то, что темы стихов были грустные, подавляющие. Почему вы не пишете о веселом, бодром? Его прервали свистками и ропотом. «Скажем, о советской армии, — настаивал он. Теперь уже публика начала громко смеяться. «Ну, ладно, я скажу вот что, — закончил он любезно: — если вы не последуете моему совету — не будете писать о советской армии, то **мы вас заставим!**» (Подчеркнуто автором. — Ред.).

Когда лейтенант под улюлюканье и свистки сходил с эстрады, Окуджава подошел к микрофону и успокоил публику словами: «Чехов сказал, что мудрец слушает, а дурак поучает»...

Последним поднялся на эстраду подросток с букетиком красных роз. Он обратился к Сергею Поликарпову, стихам которого, милым, но банальным, очень мало аплодировали. «Никто ничего не сказал о Поликарпове, и это меня огорчает. Поликарпов — хороший человек. И он наш. Я хочу от всех вас поднести ему эти цветы и сердечно его поблагодарить». Такие маленькие характерные эпизоды может быть больше всего трогают иностранца в России.

...Советские читатели не состоят, конечно, только из антисталинцев и любителей поэзии; есть и такие, кто любит нравоучительные стихи и политические пасквили — до последнего времени считающиеся «литературой». Сегодня «откровенные подлецы» (по Евтушенко), люди, вздыхающие по Сталину, могут насладиться многочисленными произведениями типа Кочетова, изданными в сотнях тысяч экземпляров.

Легко понять этот успех. Возьмем хотя бы Денисова, героя последнего романа Кочетова «Секретарь обкома», делегата на XX съезде, где он слушал доклад Хрущева о преступлениях Сталина.

«Соня, Соня, — говорит он, страдая, своей жене, — все же жизнь наша прошла с ним, не мыслилась без него, думалось: мы-то умрем, а он все будет жить и жить. В нем мы любили Ленина. Ты помнишь, как он учил нас любить Ленина? Ты помнишь «Вопросы ленинизма?».

И они перечитывают там главы, посвященные Владимиру Ильичу.

Соня, Соня, — говорит он, — в нем мы любили партию, нашу до-
рогую партию, которая нас воспитала, которая нас обучила, которая
нас вооружила идеей, благодаря которой жизнь стала в три раза бо-
лее разумной и более наполненной. Соня!»

Стоя перед портретом Сталина, который висел на стене
в домашнем кабинете, он сказал однажды:

«Нет, я его судить не могу. Его может судить партия, народ, исто-
рия. Но не я, Василий Денисов. Отдельно взятый, я слишком мал для
этого. Соня, ты можешь меня понять или нет? — Что она могла ему
ответить? Она плакала вместе с ним».

В романах Кочетова — все существо советской обыва-
тельщины. Врагами у него почти всегда становится либераль-
ная интеллигенция. В его романах мы встречаем банду ху-
литанов — ревизионистов, саботирующих работу хороших
коммунистов, вроде Денисова. Кочетов, в конце концов, стал
главой ультраортодоксальной фракции Союза писателей и
самым презренным человеком в глазах либеральных писате-
лей и их читателей. В апреле 1962 года, когда либеральное
влияние в литературе достигло своего апогея, Кочетов не
был даже выдвинут на выборах в московскую секцию Сою-
за писателей.

Но в то время, когда «крайние», казалось, теряли почву
под ногами, Кочетов ухитрился сохранить значительное вли-
яние в качестве главного редактора журнала «Октябрь», и
в день своего пятидесятилетия, в 1962 году, был награжден
орденом Ленина. Сегодня эта непримиримость приносит ему
плоды. В «Правде» от первого января он писал:

«Но борьба миров идет, жестокая, непримиримая борьба двух иде-
ологий. И вот партия стала замечать, что на некоторых участках
фронта нашей борьбы за умы, за сознание людей, что-то неладно.
Иные художники-реалисты от наступательных позиций вынуждены
переходить к обороне, а зато наступают формалисты, абстракционис-
ты, деятельность которых чужда социалистическому реализму, ибо
она — порождение капиталистического мира и служит ему».

Либеральных писателей, лично знакомых с Кочетовым,
очень мало. Он, как мне говорили, держится на расстоянии
и никогда не бывает в ресторане Союза писателей или на
встречах, кроме сугубо официальных. Московские журнали-
сты, как русские, так и иностранные, его нигде не встречают.
Вот почему, когда я по телефону просила у него интервью,
меня удивила поспешность, с которой он дал свое согласие.
Мы встретились на следующий день утром, в зале заседаний
журнала «Октябрь».

Он встретил меня очень сердечно, как мне показалось, почти с благодарностью. А затем я поняла, что он не всегда сам стремился к одиночеству...

Кочетов очень охотно беседовал, но, конечно, он хотел говорить так, чтобы ничего не сказать. Никогда еще я не встречала человека настолько равнодушного к неприятным вопросам, ни способного так ловко их парировать. Только его длинные холеные пальцы, постукивающие по столу, обтянутому зеленым сукном, выдавали некоторое волнение. Даже когда он возмущался, мне казалось, что он делает это хладнокровно.

— Это вранье! — воскликнул он, когда я спросила, что он думает по поводу обвинений, предъявляемых ему как «реакционеру, сталинцу и врагу интеллигенции». — Только «Литературная газета» и «Новый мир» отозвались таким образом на «Секретаря обкома», — сказал он. — Я не могу понять, почему. Все другие критики и большинство читателей поняли, что роман направлен против сталинщины. Я даже получил письмо от одной американки, которая пишет, что я ей помог лучше понять советский строй тем, что следовал принципам социалистического реализма. — На вопрос о его враждебности к интеллигенции он ответил: — Займемся немного арифметикой. Возьмите мой роман «Братья Ершовы». — Он вынул блокнот: — Отрицательные герои. Видите — их четверо: изобретатель, директор театра и т. д. — все интеллигенты. А вот положительные. Заметьте, что их пятеро — всё интеллигенты. Иначе говоря, положительной интеллигенции больше, чем отрицательной.

Я спросила, что случилось бы, по его мнению, с советской литературой, если не классифицировать героев на «положительных» и «отрицательных»? Что бы произошло, если отказаться от социалистического реализма и дать писателям право описывать реальную жизнь так, как они ее видят?

— Это не могло бы долго продолжаться, — ответил он. — Кое-кто у нас пыгается писать, как вы говорите, следуя западному мировоззрению, и описывает жизнь такой, какая она есть. Но это не искусство. Это развал искусства. Конечно, надо говорить правду, но только отражать ее определенным способом. Цель современного советского искусства, это формирование народного сознания, в то время, когда создается материальная база коммунизма.

Тут Кочетов пустился в бесконечный доклад о программе, предусмотренной партией на ближайшие двадцать лет. Наконец, вернувшись к литературной теме, он сказал: — Только настоящее искусство, воспитывающее и возвышающее, действительно ценится народными массами. — Я заме-

тила, что на Западе проходит обычно какое-то время, прежде чем народные массы начинают понимать настоящее искусство в любой его форме, и что большинство, к сожалению, скорее предпочитает самый вульгарный вид нашей литературы.

— Когда вы говорите о вульгарности, мне кажется, что вы намекаете на кого-то вроде меня... — сказал он.

Безусловно, передо мной был глубоко озлобленный человек. После того, как он рассказал о своей жизни, я поняла, какие личные чувства толкали его на борьбу с новой интеллигенцией. Кочетов создал себе положение своими руками, и его романы — это хвалебные гимны пролетариату, людям, испытавшим такие же трудности.

Что такой человек думает о молодых писателях, достигших известности сразу после окончания, например, Литературного института Максима Горького? На мой вопрос он ответил:

«Такой-то пишет дрянь.. такой-то безыдеен.. он к тому же обманщик... и не заслуживает, чтобы о нем говорили». А вот его суждения о современных художниках: «Я не знаю в России никого, кроме Эренбурга, кто понимал бы что-нибудь в абстрактном искусстве. Возьмите американскую художественную выставку в Москве... ее картины только всех насмешили.., конечно, вы сегодня находитесь на этом художественном этапе. Но мы его знали и отбросили давно...»

— А Пастернак? Я слышала в Москве, что, может быть, скоро будет опубликован «Доктор Живаго».

— Я не хотел бы видеть эту книгу изданной в ее настоящем варианте, — сказал он. — Она мне напоминает романы, вышедшие за границей после революции и написанные эмигрантами, оплакивающими свое прошлое. —

— Какие романы? — спросила я. Но он не помнил больше их названий.

— Для меня, как и для большинства советских граждан, — сказал он — революция священна. Какое будет ваше отношение к писателю, описывающему ваших соотечественников как бандитов? Но, конечно, вы, иностранцы, находите «Доктора Живаго» замечательным, даже если вы его не читали. Я могу вам сказать, что он написан очень плохо. В переводе, возможно, читается лучше. Стиль просто ужасающий, и вся история — вранье.

Тут я стала прощаться. Мы говорили около четырех часов и я устала от ненависти, которая исходила от этого человека; и все же он вызывал жалость. В коридоре мы попрощались, и он, положив мне руку на плечо, сказал: «Видите,

я не так страшен, как вы себе представляли, не правда ли? Скажите вашим читателям, пожалуйста, что я не людоед, и не глотаю целиком младенцев.»

В тот же вечер я ужинала в обществе интеллигентной молодежи. Я рассказала о моей встрече с Кочетовым и повторила его прощальную фразу. Один из юношей сказал: «Неправда. Он — людоед, и он должен был бы быть страшно голоден, посвятив четыре часа только разговору...»

Если Кочетов — злой дух для либеральной интеллигенции, то Пастернак — для нее святой.

«Несли не хоронить, несли короновать», говорит Вознесенский в стихах, посвященных Пастернаку. Почти все молодые писатели, с которыми я встречалась в Москве, говорят о нем с глубоким уважением. Сотни молодых людей отправляются каждое воскресенье на кладбище в Переделкино. На скамейке около могилы посетители читают друг другу его стихи. Читают и свои собственные. Летом букеты цветов — сирень, розы, ромашки покрывают землю вокруг могилы, на которой цветут пурпурные анютины глазки. Вознесенский называет это место «самый прекрасный и самый светлый уголок мира». Случай, свидетелем которого я была, в большом московском книжном магазине, показал мне, до какой степени велик культ Пастернака. Продавщица объявила, что знаменитый армянский поэт Ашот Граши будет читать свои стихи, которые только что вышли на русском языке.

Об этом не было объявлено заранее; находящимся в магазине покупателям просто предложили сесть на раскладные стулья. Граши, приветливый человек с густой темной шевелюрой, прочел стихотворение на армянском языке и два-три по-русски. Публика, человек пятьдесят, всех возрастов, видимо, имела другие планы послеобеденного времяпровождения. Меня огорчила их невежливость: кто-то шаркал ногами, кто-то громко вздыхал. Даже продавщицы за прилавками продолжали болтать. Аплодисменты были жалкими. Граши представил своего русского переводчика: «Человек, которому я стольким обязан...» и т. д. Аудитория и ему уделила очень мало внимания. Тогда переводчик сказал, что прочтет стихотворение Граши, «переведенное не мною, а Борисом Леонидовичем Пастернаком». Все встали и долго, дружно аплодировали. Перевод Пастернака был прослушан в полном молчании. Затем все снова встали. Граши встал также и, в свою очередь, аплодировал.

Чем был Пастернак для всех этих людей разной среды и возраста, случайно собравшихся в книжном магазине? Восхищались ли они человеком, ни разу в сталинские времена не погрешившим против своей писательской совести, не изменившим себе самому? Сочувствовали ли они его страданиям? Ценили ли они, действительно, его поэзию? Не знаю, но берусь утверждать, что Пастернак пробуждает в молодых писателях все эти чувства, даже более. Он дает ответ на главный вопрос, больше всего волнующий писателей: как восстановить их собственное прошлое. Сорок семь лет, посвященных Пастернаком литературному творчеству (с 1913 по 1960 годы) перебросили мост через пустоту бесплодных сталинских лет, соединяющий молодых писателей с их литературным прошлым.

«Если мы не сможем возродить этот исторический этап, в котором нам было отказано, — говорит один из них, — нам будет невозможно взяться за работу».

Писатели стараются установить связь с прошлым отечественной литературы, не углубляясь при этом в XIX век, которым они уже пресыщены. Через Пастернака (а также Анну Ахматову) они возвращаются к своим настоящим учителям, принадлежащим им по праву: к Блоку, Цветаевой, Хлебникову, Мандельштаму, а в прозе — к Бабелю и Олеше.

Вот почему воспоминания представителей старшего поколения, как Паустовский или Эренбург, возбудили в молодом поколении интерес не соответствующий документальной ценности этих произведений.

Воспоминание о времени творческого кипения, вычеркнутом из истории, до последнего времени, и личные воспоминания о таких писателях, как Бабель и Мандельштам, давно погибших в тюрьмах, содержат драгоценные сведения для воссоздания прошлого. Однако мемуары Эренбурга были встречены довольно прохладно. Нет сегодня писателя и художника, не признающих значительную роль Эренбурга в частичном воскрешении литературы и искусства 1910-1920 годов. Однако большинство либеральной интеллигенции считает, что мемуары Эренбурга с их сознательными недомолвками и манерой искажать факты еще раз не оправдали возлагаемых на них надежд. «Я говорил правду, — признался мне Эренбург в Москве, — но не всю правду».

Нет сегодня в России настоящего писателя, который не посвятил бы себя цели восстановления литературного языка в противовес тирании жаргона. Задача эта подрывает са-

ми основы деспотизма. Стремящиеся к этому — моральный авторитет для каждого честного человека, отпалкивающегося от «трескучих» фраз, но тянущегося к языку символов и фантазии. Там ищет он правду. Вот почему советские руководители навязывают не только тему, но и форму художественных произведений. Вот почему они так часто стараются подкупить писателя и сделать его послушным орудием в руках режима, надеясь подчинить его себе и использовать его моральный авторитет. Оказавшись тут бессильными, они очевидно решили погубить, если не писателей лично, то хотя их доброе имя. Их всенародно унижали, разгоняли, заставили молчать. Но есть нечто, чего не могли добиться: вычеркнуть из памяти те слова, которые были за последнее десятилетие сказаны писателями, и уничтожить их последствия. Русская пословица гласит: что написано пером, не вырубишь топором.

Как будто предчувствуя, Евтушенко сказал в Париже в феврале 1963 года: «Кто знает, не являемся ли мы поколением, принесенным в жертву? Тогда мы будем похожи на тех наполеоновских кавалеристов, которые бросаются в реку, чтобы своими телами сделать брод.»

ИЗ ПРОГРАММЫ НТС

Подлинное культурное развитие возможно лишь при условии свободы духовного творчества. Свобода духовного творчества включает:

- свободу религиозных убеждений и религиозной жизни;
- свободу философских убеждений;
- свободу научного исследования, творчества и взглядов;
- свободу художественного творчества;
- свободу общественно-культурного творчества.

Деятели культуры ничем и никем не ограничены в своей творческой деятельности, кроме чувства моральной ответственности.

Духовная жизнь — в свободном служении высшим ценностям.

...Искусство не должно быть служанкой политики. Служа своим собственным целям, искусство (литература, музыка, изобразительное искусство) служит одновременно и народу, удовлетворяя эстетические запросы людей и облагораживая нравы общества.

Государство обеспечивает свободу художественного творчества и свободу критики художественных произведений.

Свободному народу — свободное искусство.

Власть и право

(Выписки из работ проф. Б. П. Вышеславцева «Вечное в русской философии» и «Кризис индустриальной культуры». Издательство им. Чехова, Нью-Йорк, 1955 и 1953 гг.)

Р. Р.

«КПСС очень хотела бы, чтобы от дореволюционной русской культуры остались одни «революционные демократы», а всё остальное было бы просто забыто. В иных случаях это ей почти удастся. Современное поколение России обязано знать Чернышевского, Писарева, Добролюбова. Оно знает еще (хоть власти это нравится гораздо меньше) Толстого и Достоевского, иногда Мережковского или Андрея Белого. Но оно, обычно, не знает даже имен Леонтьева, Соловьева, Трубецкого, Бердяева, Франка, Вышеславцева...»

Так писали мы уже три года тому назад («Наши дни» № 8, 1960 год), публикуя отрывки из «Энциклопедии права» Е. Н. Трубецкого. И с тех пор «Наши дни» систематически перепечатывают отрывки из важнейших работ русских философов-идеалистов или публикуют статьи о тех, самое существование которых партия хотела бы скрыть от народа. Читатели «Наших дней» уже ознакомились со статьями или отрывками из работ:

А. Н. Бердяев. «Наши дни» № 2, 1959 г.

С. Сокольников: «Социальные идеи С. Н. Булгакова». Н. Д. №3, 1959 г.

С. Левицкого: «Н. Бердяев о свободе». Н. Д. №1, 1960 г.

В. Арсеньева: «Н. Бердяев о Гоголе». Н. Д. №2, 1960 г.

В. Зеньковского: «Русская философия в советском освещении». Н. Д. №4/16, 1960 г.

Р. Н.: «Из книги С. Франка» «Духовные основы общества». Н. Д. №6/18, 1960 г.

К. Фотиева: «А. В. Каргашев». Н. Д. №7/19, 1960 г.

Р. Н.: «Из книги Е. Трубецкого «Энциклопедия права».

Н. Д. №8/20, 1960 г.

В. Зеньковского: «Идея христианской философии».

Н. Д. №5/25, 1961 г.

Р. Н.: «Идея и утопия. П. И. Новгородцев и его книга «Об общественном идеале». Н. Д. №2/30, 1962 г.

Р. Н.: «Из книги Бердяева «Дух и реальность». Н. Д. №32, 1963 г.

В этом номере мы продолжаем нашу работу, публикуя мысли Б. П. Вышеславцева о взаимоотношении права и власти.

Нам кажется, что антиномия права и власти, мировоззренческие основы исторической борьбы авторитарного и правового начала, должны быть особенно интересны мыслящему советскому читателю, для которого, в основном, предназначается наш журнал. И, думая так, мы решились дать мысли Вышеславцева о праве и власти в двух номерах нашего журнала.

В настоящем номере мы даем отрывки о праве и власти из последней большой работы Вышеславцева «Кризис индустриальной культуры». А в качестве дополнения напечатанем в следующем номере выписки из главы «Проблема власти» из изданной уже после смерти автора книги «Вечное в русской философии».

Борис Петрович Вышеславцев (1877-1954) прямой ученик Е. Н. Трубецкого и П. Н. Новгородцева (см. «Наш и дни» №8/20, 1960 г. и №2/30, 1962 г.), принадлежит к московской юридической школе, много сделавшей в области энциклопедии и философии права. В 1914 году получил звание магистра, защитив в качестве диссертации свое первое исследование «Этика Фихте» (Москва, 1914 г.). В 1917 году он получил кафедру в Московском университете. В 1922 году в числе других ученых, не пожелавших принять марксистскую опеку над наукой, был выслан советской властью за границу, где продолжал свою деятельность в русской Религиозно-философской Академии в Берлине и в Православном Богословском институте в Париже. За границей Вышеславцев много занимался современной аналитической психологией, работал в ней под непосредственным руководством великого К. Г. Юнга и написал свою вторую большую работу «Этика преображенного эроса» (Париж, ИМКА-Пресс, 1931 г.). В издательстве «Посев» опубликована его книга «Философская нищета марксизма», привлекавшая внимание и получив-

шая высокую оценку советских читателей. В 1953 году вышла в Нью-Йорке последняя замечательная книга Вышеславцева «Кризис индустриальной культуры».

В своей книге об истории русской философии (Париж, 1950 г.) о. В. Зеньковский относит Вышеславцева к русским мыслителям, которые «исходили из трансцендентализма, но не удовлетворялись им и ступали на путь метафизического творчества» (том II, стр. 351).

«Вначале Вышеславцев был строгим защитником трансцендентального идеализма в духе Фихте», — пишет далее о. Зеньковский, — «но потом, — что легко усмотреть и в «Этике преображенного эроса» и даже в «Критике индустриальной культуры», — его интерес все больше смещается в сферу исследования иррационального, в изучение «динамики духа, в разыскивание тех движущих сил, которые обуславливают в человеке реализацию всяческого смысла» (том II, стр. 355).

Нельзя не согласиться с о. Зеньковским: творческий путь Вышеславцева именно таков — от классического немецкого идеализма через философию права и через психоанализ («Этика преображенного эроса» есть не что иное, как интереснейший этюд по психоаналитическому обоснованию этики) к анализу человеческой культуры, к оценке современного культурного развития, в период мощного расцвета индустриализма.

Замечательно, что в течение всего своего творческого пути Вышеславцев остается все время христианином и демократом. В приводимых ниже отрывках это сказывается чрезвычайно ярко. Вышеславцев не только с исключительной ясностью видит антиномию права и власти, но в решении этой антиномии он озабочен прежде всего сохранением достоинства человека, его свободы и прав. Не будем говорить, насколько эта забота оправдана и понятна сейчас, перед лицом коммунистической диктатуры.

Но дадим слово самому Вышеславцеву. Вот выписки из книги «Кризис индустриальной культуры». (Глава XV, «Смысл и ценность демократии»).

ПРИРОДА ВЛАСТИ

«Власть есть непрременное взаимоотношение живых и сознательных существ; вещи и отвлеченные понятия из этого взаимодействия исключаются; но взаимодействие человека

с животным показывает нам феномен власти во всей его чистоте. Собака понимает все отношения властвования, понимает, что такое приказ, повиновение, неповиновение, предоставление свободы, разрешение и т. д. Ловля слонов и их приручение показывают всю странность власти: слон сопротивляется бешено внешнему насилию и оковам. Затем признает сопротивление бессмысленным, оплакивает настоящими слезами свою свободу и с какого-то момента вступает в отношения подвластности. Подвластность слона наглядно показывает, что повиновение совсем не есть подчинение силе; когда он пойман и связан веревками, и подчиняется только силе, он именно находится в состоянии неподвластности, он еще не вступил в отношения подчинения. Все орудия воздействия физической силы на животных: бич, удила, даже каленое железо укротителей — все это симптомы неповиновения, знаки неполного и неудачного властвования. Таков смысл приручения животных. Дикие подчиняются только силе, — значит, не подчиняются власти, не вступают в отношения властвования и повиновения. Преимущество силы само по себе никогда не создаст власти: мы можем отбросить муравья, раздавить муравья, ударом ноги уничтожить муравейник, но властвовать над муравьями мы никаким образом не можем. Только какая-то особая апелляция к силе при известных условиях создает власть, но оплодье не всякое насилие. Укрощение, ловля слонов, обездика лошадей доказывает это ясно.

Установление властеотношения осуществляется различными путями: силой, лаской, кормлением. Установление власти есть, в конце концов, внушение абсолютной зависимости. Связь с гипнозом, точнее сказать, внушением, совершенно несомненна. Когда слон убеждается в бесполезности и бессмысленности сопротивления, ему внушается сознание абсолютной зависимости от какой-то другой воли: он убеждается в том, что опыные не принадлежат самому себе. С другой стороны, акт внушения подвластности вовсе не всегда опирается на силу и устрашение. Всякий, воспитывающий животных и, особенно, собак, знает, что кормление и, в особенности, вскармливание, прежде всего, внушает чувство абсолютной зависимости, оно есть мощное средство для внушения подвластности. То же самое существует и между людьми, существует в семье: «кормилец» и «поилец» внушает чувство зависимости и через него подчинение именно в силу того, что он кормит и поит членов семьи. Вскармливание, начиная с самого раннего возраста, внушает особенно сильное чувство зависимости и чувство подчинения. Замечательно, что некоторые животные, как, например, кошка, не вступают в отношения подвластности: лаской и лакомством ее можно подкупить и соблазнить, но не подчинить. Зов, обращенный к собаке, есть приказ, тогда как зов, обращенный к кошке, есть всегда просьба. Таким образом,

феномен власти нужно отличать от просьбы, совета, авторитетного указания. Авторитет отнюдь не совпадает с властью: можно обладать высоким научным или нравственным авторитетом (например, Сократ, Будда, Христос) и вовсе не обладать властью. Власть же вовсе не совпадает в этом смысле с иерархией..

...Отношения властвования и подчинения не есть, таким образом, ни просьба, ни совет, ни подчинение авторитету, ни иерархическое преимущество, ни сила, ни подкуп. Оно совершенно особенно — это особое взаимоотношение и имеет некоторую свою собственную сущность. Теперь мы должны определить эту сущность положительно. Она состоит в том, что чужое «я» в некоторых отношениях занимает место моего собственного «я», что характерно для феномена внушения. Совершается как бы временная потеря своего «я», самоотчуждение, превращение себя в орудие чужой воли («слушаю и повинуюсь»). При этом для власти существенно то, что повинующийся совершенно не имеет права ставить свое повиновение в зависимости от оценки приказа, от оценки его разумности, целесообразности, полезности. Приказ действует вполне гетеромно, во всяком приказе есть некоторый момент абсолютного произвола и бесконтрольности: «слушаю и повинуюсь» — независимо от того, хочу или не хочу, прав или неправ приказывающий. Эта сущность властвования с особой силой выявлена в «Анчаре» Пушкина и в «Фоме Опискине» Достоевского. Когда подчинение жестоко, несправедливо, бессмысленно, тогда с особой силой выступает его принципиальная независимость от самооенок подчиняющегося, от его собственной мысли и воли. Но и в самой культурной, законной власти, далекой от всякого деспотизма, присутствует этот момент абсолютности, бесконтрольности, непрозрачности для подчиняющегося. Когда полицейский останавливает машины на углу своей белой палочкой, то никто не ощущает его властвования как тирании или произвола. Он служит порядку и организации движения и, тем не менее, абсолютность подчинения здесь налицо: никто не имеет права спорить о том, что он правильно или неправильно остановил и задержал движение. Он действует так, как находит нужным по своему абсолютному усмотрению.

Эта сущность власти составляет огромную организующую ценность, без которой невозможна никакая дисциплина. Команда не может быть оцениваема на войне. Митинговая стратегия уничтожает возможность организованных действий. Бесконтрольность власти есть великая ценность. Но, с другой стороны, она есть величайшее зло, изображенное с такой силой Пушкиным и Достоевским. История государств есть история злоупотребления властью, история тираний и борьбы с ними...»

Описав таким образом природу власти, Вышеславцев переходит к описанию природы права и антиномии права и власти.

ПРИРОДА ПРАВА И АНТИНОМИЯ ПРАВА И ВЛАСТИ

«Сущность права состоит в координации, а не в субординации; право, прежде всего, покоится на принципе взаимности прав и обязанностей. Идея справедливости не признает перевеса властвования за какой-либо волей, она стремится к тому, чтобы между ними существовал справедливый обмен прав и обязанностей. Эта сторона права с особенной силой была выражена в так называемой договорной теории права: право есть как бы сговор свободных лиц. Смысл права состоит в том, чтобы один человек не властвовал произвольно над другим. Таким образом, право имеет перед собой и идеал безвластной организации. Идея справедливости не содержит в себе властвования, ибо всякое властвование имеет в себе элемент несовершенства и несправедливости. Властная организация при равной упорядоченности менее совершенна в принципе, нежели безвластная организация. Это самая примитивная форма, с которой начинается развитие человеческих обществ. Чем совершеннее и тоньше организация, тем больше выступает принцип координации действий, тем меньше заметно властвование. В силу этого, идеальный право содержит в себе анархический элемент. Удивительно, как этот идеал безвластия принуждены были признать противоположные теории классового либерализма, коммунизма и даже монархизма. Философский либерализм Руссо, Канта, Фихте и неокантианцев завершается идеалом «общества свободно желающих людей», идеалом автономной общины автономных лиц. Даже коммунизм Маркса имеет перед собой идеал безвластной организации и обещает, что власть и государство отпадут, станут ненужными, когда прекратится борьба классов и осуществится экономическая гармония. Наконец, монархическая теория славянофилов стремится показать, что идеал монархии не есть властный идеал, а патриархальное отношение любви к отеческому авторитету.

Теперь со всей силой выступает принципиальная антиномия власти и права: власть принципиально содержит в себе момент бесконтрольности и произвола; право принципиально не признает бесконтрольности и произвола. Во власти всегда есть, в конце концов, бесправие. В праве всегда есть безвластие. Вся история социальной и политической жизни есть теория трагического столкновения власти и права. Из этой борьбы вырастает и правовое государство и диктатура, причем каждая из ее сторон по своему разрешает антиномию.

Трудность решения состоит на первый взгляд в том, что власть и право как будто несовместимы и исключают друг друга. Если бы это было так, решение было бы принципиально невозможно. Однако они обнаруживают не только взаимоисключение, но и некоторую взаимосвязанность. Они поистине связаны неслиянно и нераздельно. В самом своем зародыше власть уже предполагает элемент права. И, с другой стороны, в самом своем завершении право тоже сохраняет известное отношение к власти. Всякая власть предполагает минимум права; всякое право предполагает минимум власти.

Прежде всего это нужно показать со стороны власти. Отношение властвования необходимо и с самого начала принимает некоторую форму права, нормативную форму. Формирование при помощи права представляет собой облагораживание власти, ее сублимацию, и она начинается в принципе тотчас же, как только появляется власть. В самом деле, единичный приказ и единичное повиновение еще не создают власти: властвует тот, чьи приказы всегда исполняются, т. е. исполняются закономерно, а не в виде исключения. Иначе говоря, властитель есть тот, кто имеет право приказывать, а подчиненный есть тот, кто обязан подчиняться. Совершенно очевидно, что мы имеем здесь психический феномен власти, но облеченный в форму права. Руссо прекрасно сформулировал это неизбежное оформление власти правом, когда сказал: «власть никогда не будет достаточно властной, пока не превратит силу в право, повиновение в долг». И всякая власть превращает силу в право с самого начала своего появления: атаман является обычно сильнейшим и храбрейшим воином, но он властвует не своей силой, а признанной обязанностью подчинения. Внушение зависимости, на которое психологически опирается всякая власть, есть, вместе с тем, внушение обязанности, внушение некоторого правоотношения. Но как только властвование приняло минимальную форму права, как только началась его сублимация, так тотчас мы вошли в стихию права, где возможен вопрос о правде и справедливости, о законной власти: имеет ли право этот человек приказывать, и обязан ли я повиноваться? Законная власть, т. е. настоящая и подлинная власть это та, которую не только я признаю, но которую все признают властью. Законный властитель это тот, которому все подчиняется и должны все подчиняться, ибо закон обладает формой всеобщности. Здесь выступает момент социального, коллективного внушения в феномене власти: недостаточно единичного признания и единичной подвластности: не только я сам, но мы все должны признать власть имеющей право властвовать, дабы она действительно была властью. Уже здесь мы можем заметить первое движение самости и свободы: минимум личности и свободы существует и у раба, поэтому существ-

вует и вина рабского сознания (как указал Гегель), поэтому существует и потенция восстания: раб может подчиниться, но может и восстать...

...Рассмотрим теперь другую сторону антиномии, сторону права, и мы тотчас убедимся, что, будучи противоположным власти, право все же всегда нераздельно с нею связано: власть всегда сублимируется каким-то правом, хотя бы самым жестоким и деспотичным. И право сублимирует некоторую власть, хотя бы самую смягченную, ограниченную, осмысленную. Право имеет перед собой идеал безвластия, но фактически всегда опирается на какую-то власть. Ведь закон есть императив. Раз закон установлен, он в своих императивах не допускает оценки со стороны разумности и целесообразности и требует абсолютного повиновения, пока не отменен и не заменен другим законом... Но здесь явное сходство императивов закона с императивами власти: непроницаемость императивной нормы для воли и разума подчиняющегося, независимость от его субъективной оценки и желания: «хочу или не хочу, нравится мне закон или не нравится, нахожу его справедливым или несправедливым — должен беспрекословно ему подчиниться». В силу чего? Только в силу того, что закон установлен, что так постановлено, что так «принято» (в обычном праве). Всякое право есть устав, постановление, оно всегда позитивно, номотетично, предполагает законодательство и, следовательно, веление законодательной власти. Так, мы приходим к необходимому моменту власти в праве. Закон предполагает законодателя, т. е. лицо, волю, власть. Но если право есть приказ власти, то это совсем особый приказ, особое ее проявление. Оно и только оно делает власть организующей силой, объединяющей силой и потому осмысленной и сублимированной силой. Закон есть первая сублимация власти. В законе и через закон власть существенно изменяется: она перестает быть произволом и становится всеобщезаключительной нормой. Закон перестает быть простым личным отношением властителя и подвластного: он обращен ко всем, его императив всеобщ и потому безличен. Он не есть особое личное отношение властвующего и подчиненного. Личность законодателя может сохраняться только как воспоминание об авторе закона, она может быть и вовсе неизвестной в демократическом законодательстве. Все это бесконечно преобразует отношения властвования, которые суть отношения личные, а не безличные. Но главное различие состоит в том, что приказ законодательной власти связывает самого властителя, тогда как никакое другое обычное приказание не связывает властвующего, он может тотчас отменить или изменить приказ.

Несомненно, что сублимация власти при помощи права преобразует ее совершенно, делает ее как бы неузнаваемой, и все же момент

произвольности и абсолютности остается всегда во всякой власти: будь то власть самого ответственного министра, ограниченного правом и парламентом, или даже полицейского, регулирующего движение на улицах. Никто из проезжающих не ощущает его власть как власть, а скорее службу и, однако, это самая настоящая власть, ибо она так же, как и власть министра в своих управомочных актах, подлежит немедленному исполнению со стороны подвластных без всякой проверки и оценки.

Так устанавливается антиномия власти и права, которая представляет собой нечто удивительное: эти два начала противоположны друг другу и вместе с тем связаны неразрывно друг с другом, как северный и южный полюса магнита. Противоположности, как сказал Платон, «связаны концами». Вместе с тем, они стремятся поглотить, взаимно подчинить друг друга. Власть не может существовать без права и вместе с тем, как бы с величайшей неохотой подчиняется праву и никогда не подчиняется ему до конца, постоянно сохраняя непроницаемую для права сферу свободного усмотрения. С другой стороны, право не может существовать без власти, но с величайшей неохотой допускает свободную сферу власти, стремится ее всячески урезать, ограничить, взять под контроль права. В самой сфере права эта антиномия была отчетливо формулирована в философии Фихте: «в реализации правового состояния необходимо лежит противоречие, которое состоит в следующем:

1. Тезис: каждый должен быть свободным, он должен следовать только своему собственному усмотрению. «Царство свободы исключает всякое принуждение»; «Принуждение абсолютно противоречит праву. Оно отнимает внутреннюю свободу индивидуума».

2. Анти тезис: «То, что лежит в понятии права, должно безусловно осуществиться; ибо каждая нравственная заповедь должна быть безусловно осуществлена. Поэтому то, что заключается в понятии права, должно быть реализовано и осуществлено даже посредством принуждения и власти».

Антиномия, как ее формулирует Фихте, состоит в том, что право отрицает всякое властное принуждение и вместе с тем право абсолютно требует реализации при помощи властного принуждения. Трудно сильнее выразить антиномию власти и права. Самое существование этой антиномии показывает нам настоящее основание бесконечных споров о том, существенно или несущественно принуждение в праве; необходима или не необходима власть в социальном строе; наконец, составляет ли мудрая и сильная власть настоящий политический идеал или же этот идеал есть демократическое правовое государство с его стремлением приближаться к безвластной организации».

После этого блестящего описания читатель наверно уже чувствует, куда привел его Вышеславцев: в область противоречий духа, в область той диалектики, о которой учил Гегель, которую, — пусть по-своему и превратно, — но еще понимал Маркс, о которой может быть порой задумывался Ленин, но в которой умы типа Сталина или Хрущева даже не пытаются разобраться.

И, однако, решение антиномии власти и права имеет не только теоретическое значение. Это решение определяет не только форму, но, что в сущности еще важнее, определяет дух и стиль государственного строя.

Но посмотрим, как видит Вышеславцев возможные решения антиномии власти и права.

РЕШЕНИЯ АНТИНОМИИ ВЛАСТИ И ПРАВА

«... Как же решается эта антиномия? Существует двоякое решение. Одно решает в сторону права и справедливости: власть сублимируется правом, властеотношение превращается в правоотношение. Целью власти будет свободная правовая организация, а власть является только средством. Власть служит осуществлению правовой организации. Таково понятие «служебной» власти в противоположность власти «господствующей».

Но возможно решение и в **сторону власти**: власть есть цель, право есть средство укрепления власти и осуществления власти. Такое решение мы находим в «Законах» Платона. Для него власть есть самостоятельная ценность, ибо только она организует жизнь при помощи законов. Существенное отличие этих двух решений состоит в том, что первое признает первенство права над властью, а второе — нет. Сублимация власти совершается при помощи права или не при помощи права. Дилемма такая: социальная гармония создается правом и властью. У Платона мы имеем решение властное. Но обе стороны знают, что право и власть нераздельны. Платон знает, что без законов нельзя устроить государство. Поэтому дилемма формулируется так: или социальная организация создается правом при помощи правовым образом организованной власти; или она создается абсолютной властью при помощи властно продиктованного права. Чем же сублимируется власть у Платона? Он, конечно, сублимирует ее, ибо вручает философам, созерцающим идеи истины и добра. Но она сублимируется не правом и не организацией свободного взаимодействия лиц, а непосредственно самими идеями истины и добра. Для Платона свобода лица и субъективное право не представляют никакой ценности. Он даже упрекает демократию в том,

что она есть царство личной свободы. Для него власть непосредственно насаждает добро и истину. Вот что означает его идеократия. Неправда идеократии состоит в том, что в числе идей, сублимирующих власть, облагораживающих ее и делающих мудрой — нет идеи личности и свободы, нет идеи субъективного права, нет идеи свободной гармонии. Вот существенный недостаток власти лучших (идеальной аристократии) или наилучшей власти: она хочет вести к истине и добру властно, насильно, гетеромно, без свободы, через принуждение...

...Решение антиномии власти и права при помощи сублимирующей силы права есть решение в духе правового государства, решение, противоположное диктаторному принципу. Оно исходит из принципа автономии личности и приходит к принципу автономии народа, к принципу самоуправления. Оно признает принцип самоуправления в двух его моментах: в форме личного и общественного самоуправления. И эти моменты связаны неразрывно. Кто говорит со всей полнотой личного самочувствия: «я сам» и «мы сами», тот признает правовое государство и демократию. Необходимо только показать, что правовое государство связано с демократической формой субстанционально и существенно. И это потому, что правовое государство требует в той или иной форме самоуправления, т. е. автономии общества. Но как только мы скажем: самоуправление, так мы вступаем в сферу демократических форм. Идея справедливости сама по себе требует той или иной формы самоуправления, ибо, как мы показали, полное подчинение одного лица другому само по себе несправедливо. Справедливо, чтобы я сам участвовал в создании закона, которому я подчиняюсь.

Пробуждение личности неуклонно ведет к развитию самоуправления. Но мы видели, что самость в принципе неуничтожима, она существует даже в рабском повиновении, ибо всякая власть опирается на признание. Настоящее подчинение есть лишь такое, которое идет из глубины самости (выражается словами: «не за страх, а за совесть»). Но велит ли мне совесть подчиниться этому закону или этому велению власти и этому властителю? Как только пробудилась самость, как только человек сам признал, что он обязан повиноваться, так перед ним встает вопрос: почему я сам должен подчиняться, а он имеет право повелевать? Почему я сам должен принять, как свою обязанность, подчинение закону? Первое и самое наивное определение справедливости выражается в старом изречении: справедливость есть повиновение законам и властям. Но самость никогда на этом не останавливается, она требует отчета, требует оправдания, ибо может дать осуждение, — требует смысла, ибо может открыть бес-

смыслицу. В этом царственное и неотъемлемое, естественное право личности. В силу чего это право принадлежит самости? В силу ее божественного происхождения, в силу того, что в ней светится свет Логоса, «просвещающий всякого человека, грядущего в мир» — так мы должны сказать на религиозном языке; а на философском языке мы можем сказать иначе: в силу того, что самость поднимается над всяким явлением, трансцендирует всякий опыт, всякое фактическое отношение, редуцирует все это до степени явлений и только явлений, и этой редуccionией освобождает себя от всякого фактопоклонства. В своей трансцендентной свободе самость возвышается над всем, все может подвергаться сомнению. Обо всем «я» может спрашивать: правда ли, что это так? В данном случае: правда ли, что справедливо подчиняться этому закону, этой власти и вообще какому-либо закону и власти? Таким образом все должно предстать на суд личности и при этом в двух ее формах: на суд меня самого и нас самих, на суд личности и на суд народа. В этом заключается великая идея автономии: закон должен предстать на суд, на суд самости, ибо самость выше закона. И только если я сам признаю закон и склоняюсь перед ним, только тогда закон начинает действовать для меня и налагать обязанности. Всякий приказ опирается в конце концов на мое согласие повиноваться; всякая гетерономия опирается на автономию; современная психология скажет: всякое внушение опирается на самовнушение. Бесконечно малый пункт неустранимой духовной свободы, центр самости, существует во всяком, даже рабском сознании. Но всякий раб, который осознает эту свою духовную свободу, есть уже потенциальный бунтовщик, ибо он может сказать: не хочу повиноваться, хотя бы до времени был принужден повиноваться! Точно так же всякий подданный может сказать: не хочу этого бессмысленного закона; хотя в силу того, что он установлен, подчиняюсь ему!

Нет никакого сомнения в том, что самосознание рождается от восстания, в конфликте, в столкновении спонтанных влечений, идущих изнутри, из центра, из самости, — с воздействиями, влияниями, насилиями, императивами, идущими извне, от «не-я», от внешнего мира и от других людей. Отсюда — революционный характер всякой автономии. В столкновении с внешним миром (с социальным и природным) рождается самосознание; в столкновении с гетерономией — автономия.

...Однако степени развития, степени актуализации самости бесконечно различны. Правовое государство и демократия есть наиболее полное развитие самости, доведенной до реального самоуправления. Необходимо только осознать, что личность не существует в отрыве от общества, «я» не существует в отрыве от «всех».

Самость является всегда в двух ликах, в двух аспектах, нераздельно и неслиянно существующих: я сам и мы все. Во времени самосознание общины первее, нежели самосознание индивида. Сначала человек говорит о себе в третьем лице, как дети и дикари, затем он говорит «мы»; русский крестьянин не говорил «я», а говорил «мы» (мы — рязанские, мы — тульские); и только в конце развития, на его вершине, человек говорит «я». На этой вершине он осознает равноправие и равноценность личности и общества, индивидуальности и всеобщности. И вот эта равноценность признается и реализуется только в правовом демократическом государстве, ибо только оно признает самоуправление в двух его моментах: самоуправление лица и самоуправление общины, автономию личности и автономию народа, из которой ни одна не должна подавлять другую. В этом состоит принцип, идея, сущность демократии, и эта сущность есть самостоятельная ценность, а вовсе не средство, не полезность, не орудие для каких-то посторонних целей...

...Греческое слово «автономия» состоит из двух корней: «я сам» и «закон»; нечто противоположное выражает слово «гетерономия», состоящее из корней: «другой или чужой» и «закон»; оно выражает чужой закон, чужой приказ, чужое повеление, которому я должен подчиниться. Идея демократии есть борьба с гетерономией во имя автономии, борьба с чужим велением во имя собственной свободы и собственного решения. Основное противоречие автономии и гетерономии, свободы и власти решается посредством облагораживания власти, преобразования власти, «сублимации» власти. Точнее сказать, власть нуждается в оправдании и оно состоит в том, что она служит праву и сама действует в формах права, т. е. организует и поддерживает свободу, а не нарушает ее. В этом глубокий смысл противопоставления «служебной» и «господской» власти у Петражицкого: служебная власть служит установлению правопорядка, организации, она есть только средство и никогда не цель в себе; напротив, господская власть есть самоцель и если она создает порядок и даже мощную организацию, то это для нее лишь средство властвования, аппарат власти.

Власть оправдана в демократии, когда она служит нам всем и мне самому. Мы привели пример власти полицейского на улице, который «обслуживает» движение. Власть может быть автономно признанной и управомоченной, когда она является службой авторитетного лица и специалиста, которому «я сам» и «мы сами» даем свободу команды и согласие подчинения, но только в известной специальной и ограниченной сфере, и сохраняя за собою право выбора и смены авторитетного лица. Таковы в принципе все власти в демо-

кратическом правовом государстве от полицейского и низшего судьи — до министра. Мы передаем сами право распоряжения и решения — там, где не можем, не умеем или не желаем сами распоряжаться и решать. Но это лишь частичная, условная и ограниченная передача. Такова власть капитана, машиниста, пилота; такова же принципиально власть министра в демократическом государстве. Она не нарушает принципа автономии и при этих условиях. Часто критикуют слабость власти и легкость свержения министров в демократиях; но в этом есть известное преимущество: в правовом демократическом государстве министры, ответственные чиновники, директора предприятий — выходят в отставку; тогда как в тоталитарном государстве с сильной властью — они «выводятся в расход». В первом — оппозиция сидит в парламенте; во втором — оппозиция сидит в тюрьме...

Либеральную демократию часто критикуют как формальную демократию. Это повторяется обыкновенно людьми, ничего не понимающими в праве: дело в том, что всякое право, предоставленное человеку — формально, т. е. дает ему известную сферу свободы, которую он может наполнить любым содержанием. Свобода совести — формальна; свобода передвижения — формальна; свобода союзов и собраний — формальна, ибо никто не предписывает мне, как и мое содержание должно быть наполнена эта свобода: какую религию я обязан исповедывать, что я должен говорить и как мыслить, куда ехать и куда не ехать и т. д. И в гражданских правах мы имеем ту же формальную свободу: мое право покупать и продавать не предписывает мне, что я именно должен покупать и продавать; мое право по квартирному найму не говорит мне, как я должен жить и что я должен делать в этой квартире. Всякое субъективное право формально в известных границах (форма и есть граница) и в этом его величайшая ценность в смысле свободы творчества, в смысле автономии личности. Без этого «формализма» нет автономии, ибо она означает, что в этих границах я сам решаю и выбираю, каким содержанием наполнить эту предоставленную мне форму.

Кто не ценит формального права, кто томится от необходимости самому выбирать и решать, чем заполнить эту форму (а таких имеется немало), тот может получать готовое, предписанное содержание в тоталитарном государстве: ему будет продиктовано, во что именно он имеет право верить, что он имеет право мыслить и говорить, куда ехать и не ехать и на какие собрания ходить. Никаких «формальных прав» больше не будет: все будут заполнены обязательным содержанием и превратятся в обязанности.

...Говорят, что формальная демократия безыдейна, что она не имеет никакого единого миросозерцания и ни во что не верит; предоставляя всем и каждому верить во что угодно и утверждать что

угодно, она становится на точку зрения индивидуализма, релятивизма, скептицизма. Но что получается, если отказаться от этого «формализма»? Получается «народная демократия», которая имеет обязательную веру и обязательное созерцание, которая не допускает свободного исследования и свободной диалектики. Такая «демократия» убила Сократа и продолжает убивать и подавлять все, что противоречит ее «генеральной линии». Но сейчас это вовсе не «демократия», это тоталитарное коммунистическое государство. Платон первый создал его идею, которая живет во всех коммунистических системах и до сего дня. Он исходил из полного отрицания «демократии» и противопоставлял ей идеократию, т. е. как раз господство единой и деи, единой веры, единого обязательного мирозозерцания в государстве. И конечно мирозозерцание великого философа не могло быть материализмом. Идея, которую он хотел насаждать компартией «философов и стражей» в своем тоталитарном государстве, была великой и истинной идеей: идеей добра и справедливости, обоснованной в его гениальной и бессмертной системе. Но вот в чем состояла «жизненная драма Платона», больше того, тысячелетняя трагедия истории: добро, насаждаемое тоталитарным принуждением и исключающее свободу личности, превращается в величайшее зло. Идеократия, тирания идей, есть величайшее зло, даже, если эти идеи вовсе не ложны. Средневековое христианство выражало истинную идею и хотело спасения людей, но когда оно решило спасать их силою, удерживать от гибели кострами и пытками, оно обратилось в инквизицию, в «Великого Инквизитора», служителя «великого и страшного духа». Идеократия есть всегда великое зло и оно становится предельным, когда насаждает ложную идею, например, атеизм и материализм. То, что Платон упустил в своей философии, было идеей абсолютной ценности личности, идеей свободной индивидуальности и ее неотчуждаемых прав. Но эта идея тогда еще не родилась: она выросла из христианской этики.

Но если демократия не есть идеократия, то это не значит, что она безыдейна, беспринципна, не имеет права иметь философию, религию, мирозозерцание. Этот упрек мы должны решительно отстранить: все это она имела и будет иметь, но только в формах свободы, в формах свободного диалога свободных мыслителей. И как раз эти формы есть то, чем гордится формальная демократия. Демократия не боится плюрализма мнений, научных теорий, мировоззрений, политических и религиозных верований. Демократия знает, что всякое научное и философское исследование есть диалог, что всякое этическое и политическое решение диалектично, ибо оно взвешивает мотивы за и против (а это и есть сущность диалектики), — что наконец «парламент» построен на том же

самом диалектическом принципе и этот принцип сократической мудрости утверждает, что истинное решение рождается из высказываний, из тезиса и антитезиса, что истина всегда синтетична, что она «собирает» различное и разъединенное воедино и потому соборна. Напротив, нет ничего более антидиалектичного, чем тоталитарное государство с его обязательной догмой материализма. Оно вечно толчется на своем тезисе, а антитезис «выводит в расход». Диалог здесь невозможен. «Дискуссия» есть метод чистки и истребления противников, «подхалимажа» и предательства...

...Демократия имеет свою веру и свою философию. Философия свободы не есть свобода от философии; идея свободы не есть свобода от идей. Идея свободы отрицает только тиранию идей, насаждение идей насилем и террором. Отрицается тоталитарное государство, диктующее свою «идеологию»; утверждаются идеи и верования, вырабатываемые свободной личностью и свободным народом, а не государственной властью. Свободная диалектика отнюдь не есть релятивизм и скептицизм. В этом Платон и Сократ были правы. Но свободная диалектика ведет диалог с релятивизмом, атеизмом и скептицизмом, будучи уверена, что истина в конце концов диалектически побеждает; и побеждает она в глубине сознания в сущности только истинностью, а не авторитетом, диктатом, насилем. Истина, которая недостижима путем свободы и которая не освобождает — не есть истина. Такова религиозная вера в освобождающую силу правды: «Я научу вас истине и истина сделает вас свободными»; «где Дух Господень — там свобода».

На этом за недостатком места мы вынуждены закончить наши выписки из книги Вышеславцева «Кризис индустриальной культуры». Выводы из них пусть читатель сделает сам. Мы же, как редакция журнала «Наша жизнь» и как члены Народно-Трудового Союза сделали их при самом основании нашего журнала и нашей организации. Антиномию власти и права мы вместе с Вышеславцевым хотим решить на основе автономии личности.

Библиография

ТРУД, КОТОРЫЙ НАДО ПРОДОЛЖИТЬ

(К истории Власовского движения)

История Освободительного движения периода Второй мировой войны, его центра, во главе которого стоял ген. А. А. Власов, история Русской Освободительной Армии (РОА) нашла уже свое отражение на страницах печати, как иностранной, так и русской зарубежной, но далеко не достаточное.

Наиболее значительным трудом, вышедшим на русском языке, была книга бывшего заместителя главного редактора газеты «Воля народа» — А. С. Казанцева «Третья сила» («Посев», 1948 г.). В книге дан вдумчивый анализ становления освободительного движения и его поражения.

Есть мемуары участников движения: начальника оперативного отдела штаба РОА полковника А. Г. Алдана, командира Второго полка Первой дивизии РОА полковника В. Артемьева, командира Первого полка Первой дивизии РОА полковника А. Д. Архипова-Гордеева, начальника отдела офицерских кадров штаба РОА полковника В. В. Позднякова. Воспоминания эти относятся к истории РОА, но нет пока трудов, обобщающих историю всего движения.

Несколько хороших книг, посвященных Власовскому движению, вышло в Германии. Авторы этих книг немцы, имевшие отношение к Движению. Особенно ценной представляется мне книга Ю. Торнвальда.

В США также вышло несколько книг, среди них более или менее объективные и вовсе далекие от объективности.

Между тем, история Движения ждет добросовестных историков. Материалов собралось уже достаточно, хотя многое и погубило. Материалы по истории Движения хранятся, в частности, в Архиве РОА Колумбийского университета, в Нью-Йорке.

Именно по этим материалам один из участников Освободительного движения, офицер РОА М. В. Шатов составил «Библиографию Освободительного Движения Народов России в годы Второй мировой войны 1941-45». Под редакцией М. В. Шатова вышел уже в Нью-Йорке первый том «Библиографии».

В предисловии к «Библиографии» М. В. Шатов пишет:

«Без изучения Власовского движения невозможно изучение антикоммунистических движений в СССР за годы войны, — невозможно изучение этой эпохи вообще».

Изучение истории Движения представляется, между тем, делом далеко не легким, ввиду недостатка исторических материалов.

«Основной и наиболее важный с точки зрения историка материал, — пишет далее М. В. Шатов, — к сожалению, погиб. Архивы личной канцелярии ген. Власова, Комитета Освобождения, всех организаций последнего, штабов Российской Освободительной Армии, всех ее частей и т. д. — по-видимому, были частью уничтожены самими участниками Движения в период его крушения, или же погибли в сложной обстановке последующего времени. Такая же судьба постигла личные архивы большинства видных деятелей Движения, из которых очень и очень многие и сами погибли в дни этого крушения».

М. В. Шатов проделал большую работу. В его «Библиографии» 2449 различных названий: библиографические и справочные работы, официальные документы и публикации РОА и КОНР-а, периодические издания, мемуары и статьи участников Движения (книги и рукописи), книги, брошюры, рукописи не участников Движения, статьи военного времени и послевоенные по истории Движения, различные документы и статьи, относящиеся ко времени насильственной репатриации власовцев; власовцы в советской литературе, газеты и журналы, которые издавались в оккупированных немцами областях России, периодические издания добровольческих частей.

«Библиография» является ценным указателем для будущих историков Освободительного движения.

Том первый «Библиографии» вышел. Том второй готовится М. В. Шатовым к печати. Труд этот заслуживает поддержки всех участников Движения. Нужно собирать материалы, нужно и дальше работать над историей Движения.

В. Самарин

О КНИГЕ А. ГУЛЕВИЧА «ЦАРСКИЙ РЕЖИМ И РЕВОЛЮЦИЯ»

Одно американское издательство выпустило недавно в свет работу нашего соотечественника А. Гулевича: «Царский режим и революция» с многозначным подзаголовком: «От прошлого до будущего России»*) Эта книга — перевод труда, появившегося под тем же названием еще до Второй мировой войны во Франции, по-французски.

Проживая многие годы во Франции и будучи как бы «усыновленным» ею, автор труда «Царский режим и революция» является — под псевдонимом Франсуа де Роменвиль — издателем французского ежемесячника «Изгнание и Свобода», а также одним из основателей и главных деятелей «Союза защиты поработенных народов».

К сожалению, в новом английском издании труда А. Гулевича нигде не указано, переработал ли или обновил автор первоначальный французский текст своей книги, которая была написана приблизительно четверть века тому назад. Судя по всему (и хотя у нас нет под рукой французского издания книги для сравнения с английским), основной текст остался без перемен, если не считать некоторых пояснительных сносок и последнюю заключительную главу, в которой имеются косвенные указания на то, что она была написана уже после Второй мировой войны. Отсутствие указаний на то, где старый, первоначальный, а где новый, или обновленный текст, весьма прискорбно. В свое время книга Гулевича явилась ценным вкладом в деле разоблачения коммунистической пропаганды относительно дореволюционного прошлого России. Указав дату, когда она была впервые издана, можно было бы смело переиздать эту книгу, не меняя в ней ни слова, поскольку она содержит достаточное количество первоклассного материала и посвящена весьма важному вопросу. Издавать же в 1962-м году написанную четверть века тому назад книгу без указания на то, что она была написана еще до Второй мировой войны, по меньшей мере неудачно. И совершенно непонятным является в таком случае отсутствие каких бы то ни было данных, появившихся во время или уже после Второй мировой войны. Так, например, может показаться странным, что в ряде глав, посвященных экономическому развитию дореволюционной России (сельское хозяйство, промышленность, торговля, транспорт, финансы), нельзя найти ни одной ссылки на труды проф. Прокоповича, а в главе, посвященной революции 1917-го года, по поводу упоминания о том, что Ленин получал немецкие деньги, имеется ссылка лишь на один источник от 1920-го года.***) Это все понятно и оправдано, если учесть, что книга Гулевича была написана четверть века назад. Но поскольку ясных

и точных указаний на это нигде нет, то такого рода упущения могут быть восприняты читателем, как ничем неоправданные пробы.

Приходится также пожалеть, что отсутствует указание на время, когда была написана книга, еще по другой причине. В 1935-м или 1936-м году историческая перспектива, в которой написана книга, могла быть и оправдана и закономерна. Сегодня же такая перспектива воспринимается, по меньшей мере, с недоумением. Разве можно в 1962-м или 1963 году серьезно говорить о том, что царский режим имеет какое-то будущее в России? И разве можно писать в 1962 году так, как будто бы научная, историческая и экономическая мысль во всем мире остановилась где то в 1935 или 1936 году и не сделала с тех пор ни шагу вперед?

Если мы позволили себе так подробно остановиться на не слишком удачном оформлении нового, английского издания книги А. Гулевича, то лишь потому, что, в общем, она, несомненно, заслуживает того, чтобы с ней считались. В ней собрано большое количество ценнейшего материала, ознакомление с которым было бы чрезвычайно полезно для западного общественного мнения.

Однако и здесь, с нашей точки зрения, допущена досадная ошибка (повторяем : в исторической перспективе сегодняшнего дня). Приведенные данные об экономическом развитии дореволюционной России, о росте благосостояния ее населения, о столыпинской реформе, и т. д. настолько красноречивы, настолько убийственны для коммунистической пропаганды, согласно которой Россия до революции была ничем иным, как отсталой аграрной страной, что комментарии в данном случае, как говорится, излишни. Большая заслуга А. Гулевича была показать иностранному, западному, читателю, основываясь на фактах и на статистических данных, что сельское хозяйство и промышленность России бурно развивались в течение первых 14 лет XX-го столетия, и что, не будь войны и захвата власти большевиками, Россия совершенно закономерно и без всякого усилия заняла бы одно из первых мест среди самых передовых стран мира. Как совершенно правильно указывает А. Гулевич, на Западе по этому поводу слишком много и слишком долго распространялись абсолютно ложные и злопыхательские идеи и теории. Так что с этой точки зрения, можно и нужно приветствовать переиздание книги «Царский режим и революция».

Но уместно ли было пытаться — как делает А. Гулевич, — основываясь на этом материале, реабилитировать идею царского строя в России? Объективное отношение к дореволюционному прошлому России и беспристрастное признание прогрессивной роли, которую сыграла в свое время монархия в целом ряде областей русской жизни, заключается в том, чтобы отдать должное многочисленным российс-

ким государственным деятелям, несправедливо оклеветанным царящими на Западе предрассудками и антирусской пропагандой всех компартий мира. И восстановить правду — даже если нужно плыть против течения, как не побоялся сделать А. Гулевич — ответственная и почетная задача. Но при чем тут апологетика? При чем и для чего попытка «обелить», например, императрицу Александру Федоровну (хотя бы даже мимоходом), при чем и для чего во что бы то ни стало оправдать политический строй, который сыграл в истории развития России свою положительную роль, но который был все же далеко не безупречным и возврата к которому быть все равно не может? Апологетические высказывания А. Гулевича в пользу царского режима в России могут лишь возбудить недоверие у читателя и несколько ослабить — а никак не усилить — впечатление от книги, которая, иначе, могла бы быть не только полезна, но и необходима.

Б. Л.

ГЕНРИХ БЕЛЛЬ О ХРИСТИАНСТВЕ

Германский философ и литературовед Карл Гейн Дешнер (род. в 1924 г. в Вамберге) предпринял интересную анкету: он обратился к целому ряду современных немецких писателей с вопросом: «Что вы думаете о христианстве?» Анкета, разумеется, не могла охватить писателей, проживающих в «ГДР». Результаты опроса опубликованы в отдельной книге, вышедшей в Мюнхене, в издательстве Пауль Лист в 1957 году.*)

Мы приведем, в выдержках, ответ Генриха Бёлля, полагая, что мнение этого популярного у нас немецкого писателя будет небезынтересным для российского читателя.

«Христианство» я никогда не мог себе представить, как нечто целостное, но скорее, я нахожу христианство в отдельных церквях, сектах и направлениях того, что объединяется этим общим понятием. «Христианство» простирается от баптиста-негра, поющего во славу Господа Бога свои „spirituals“ в бараче из листового железа в Луизиане, до христианско-демократического депутата бундестага, который, возможно, защищает интересы железодельцательной промышленности и из уст которого, подобно меду, истекает слово «Запад», как из уст баптиста-негра его „spiritual“.

*) «Czarism and Revolution» by Arsene de Goulevitch — «Omni Publication», Hawthorne, California, 1962 — 272 pages.

**) См., в частности, главу, посвященную финансовой поддержке, которую оказывала кайзеровская Германия Ленину, в книге Н. Рутыча «КПСС у власти» и в статье С. Пушкарева «Союз Ленина с Вильгельмом II в 1915-1918 гг.», «Наши дни № 30, 1962 г.

*) „Was halten Sie vom Christentum?“, Paul List Verlag, München, 1957.

Я спрашиваю себя, что делать новокрещенному негру из Конго со словом «Запад», или что может думать христианин-китаец о «христианской Европе», чье самое большое кладбище называется «Аушвиц». Я спрашиваю себя о многом, но прежде всего: как могло случиться, что 800 миллионов христиан столь мало смогли изменить этот мир, мир террора, насилия и страха?

«В мире будете иметь скорбь, — сказал Христос, — но мужайтесь: Я победил мир». Я слишком мало чувствую, вижу, слышу, замечаю, что христиане преодолели мир, освободили его от страха... Христианский мир должен был бы быть миром без страха, а наш мир не христианский мир, пока в нем страх не только не уменьшился, но возрастает; не страх смерти, но страх жизни, страх от людей, страх перед властью и обстоятельствами, страх перед голодом и пытками. Страх перед войной; страх атеистов перед христианами, христиан перед безбожниками, целое сонмище страхов. Христиане не победили мир...

Но гораздо более ужасно другое предположение: как бы выглядел этот мир, если бы через него прошел валёк истории без Христа, но с Ваалом, Маммоной и ацтекскими божествами. Я предоставляю каждому вообразить себе кошмар языческого мира или мира, в котором безбожие доведено до последних практических заключений, где люди всецело отданы во власть людей. Ницше и в Евангелии не нашел оправдание порабощению, убийству, насилию. Христианин, который ими грешит, **виновен**. Тот же, кто жертвует людей Ваалу или Гуитцилопохтли, лишь выполняет обряды своей религии. Кортес был негодяем; Монтецума, приносивший людей в жертву Гуитцилопохтли, был мягким, образованным, судя по всему, очень гуманным человеком.

Среди христиан милосердие по крайней мере **возможно** и время от времени оно себя проявляет, и христиане, осуществляющие милосердие, повергают мир в изумление. 800 миллионов человек на Земле имеют возможность изумить мир...

Я знаю: история Церквей полна примеров жестокостей; применялись и убийство, и террор, но были также святые Франциск, Викентий и Екатерина, и если бы я захотел здесь воспроизвести «римский мартиролог» (перечень римских мучеников и их мучения. — Прим. переводчика), то это бы потребовало слишком много места. Я предпочел бы самый плохой христианский мир самому хорошему языческому; потому, что в христианском мире есть место тем, кому нет места в языческом мире: увечным и больным, старым и слабым и еще больше места есть для любви, которая языческому и безбожному мирам представлялась и представляется бесполезной.

... Я думаю, что мир без Христа способен самих атеистов превратить в ожидающих пришествия Спасителя».

У. Н.

МОРИС ХИНДУС «ДОМ БЕЗ КРЫШИ»*)

Под таким оригинальным названием вышла в немецком переводе рецензируемая книга. В немецком переводе выпали две последние главы американского оригинала: «Граница» и «Империализм», которые выпадают и из нашего разбора.

Автор — выходец из России. Еще задолго до революции он, подростком, с семьей выехал в США, свободно владеет русским языком и с большой симпатией относится к русскому народу. В качестве иностранного корреспондента автор много раз приезжал в Советский Союз и в годы нэпа, и затем в тридцатых годах и, наконец, уже во время и после Второй мировой войны.

Во время этих поездок автор имел возможность, как он пишет, побывать, кроме Москвы, во многих городах и сельских местностях Советского Союза. Он разговаривал со многими людьми разных социальных слоев и, как он считает, эти встречи проходили без заметного контроля со стороны соответствующих органов.

Такая редкая возможность разговора иностранца с советскими гражданами «по душам» должна была бы обеспечить достаточно полное и правильное освещение перемен и взаимоотношений, происходящих в Советском Союзе за годы строительства социализма и коммунизма.

Как же на самом деле справился автор с этой задачей?

Отвечая на этот вопрос, нельзя, к сожалению, не заметить, что изображение советской действительности у автора получилось в сильной степени искаженным, как бывает искажено изображение в кривом зеркале. В книге вы почти не найдете фактов, не встречающихся в советской жизни, но их непропорциональное отражение из-за своеобразной расстановки акцентов, света и тени, рисуют картину, мало схожую с действительностью.

Основным пороком рассматриваемой работы является неравномерное и тенденциозное распределение материала при описании положительных и отрицательных явлений и фактов. Если автор рассказывает о советском времени, то он, как правило, обстоятельно излагает все «передовые достижения», и лишь вкратце, сжато, замечает, что не всё и не всюду так хорошо и прекрасно, а бывает иногда и хуже. Когда же автор вспоминает историческое дореволюционное прошлое России, то поступает прямо противоположно: очень подробно излагает всевозможные пороки и недостатки и скупой роняет при этом, что не все было в конце концов так скверно. Естественно,

*) Морис Хиндус. «Дом без крыши» — Россия после четырех с половиной десятилетий революции. 1961 г. 418 стр.

что такой метод изложения может создать у читателя, недостаточно осведомленного с истинным положением вещей, предрасположенное представление.

Вторым, не менее существенным обстоятельством, приводящим к искажению общей картины, являются пропуски в исторической перспективе и попытки судить о целом явлении по отдельным, не характерным примерам. Так, например, рассказывая о сельском хозяйстве и отмечая, что в этой области имеются определенные трудности, автор очень много места отводит впечатлениям от посещения «образцово-показательных» хозяйств. Упоминается, в частности, колхоз имени «Двадцать первого съезда», где председателем — небезызвестный Макар Посмитный, участник многих партийных конференций, съездов и т. д., колхоз, который часто приводился, как достойный подражания, не кем иным, как самим Никитой Хрущевым. Разве можно на примере этого колхоза и нескольких хозяйств подобного же рода судить о состоянии современного сельского хозяйства? Не удивительно, что автор не заметил таких явлений, как нежелание колхозников работать в колхозе, низкую производительность труда, большую нужду и нищету, то есть все то, что заметил такой вдумчивый писатель, как Абрамов, в своем нашумевшем очерке. Мы допускаем, что Морис Хиндус добросовестно заблуждался, предполагая, что посещения им колхозы являются средними, и выбор на них был более или менее случайно, но такое заблуждение ставит под сомнение умение автора достаточно объективно разобраться в советской действительности. Когда же автор переходит к дореволюционной деревне, он не жалеет темных красок, ссылаясь при этом на «Деревню» И. Бунина и на произведения Г. Успенского. Как известно, у Г. Успенского описание деревни относится к 70-ым и 80-ым годам прошлого столетия и сделано оно в плане социально-обличительном с сильным сгущением красок. Весь период развития деревни, протекший с того времени до революции, у автора таким образом выпадает, как не находится у него места и для таких значительных преобразований, как сталинская реформа, бурное развитие сельской производственной и кредитной кооперации, организованное на льготных условиях переселение на новые земли из малоземельных районов и многое другое. Такой подход к историческим явлениям прошлого привел автора к тому, что у него практически выпала вся трагическая и кровавая эпопея раскулачивания и насильственной коллективизации, являющейся неснимаемым обвинением коммунистическому режиму.

Отмечая большой количественный рост системы народного образования в советское время, автор почему-то забывает отметить, что фактически число школ и учащихся в них после революции снова

достигло уровня 1913 года лишь к концу двадцатых годов, т. е. упускает тот факт, что в результате революции произошла потеря по меньшей мере пятнадцати лет развития в народном образовании. Не отмечено и то, что советская четырехлетняя, основной тип сельской школы до начала Второй мировой войны, имела более краткий срок обучения, чем дореволюционная сельская двухклассная школа, имевшая пятилетний срок обучения. Выпал также из внимания автора, при оценке достижений в деле народного образования, принятый в 1916 году закон о всеобщем школьном обучении, предусматривавший к 1922-25 годам введение всеобщего обучения, т. е. примерно на девять лет раньше, чем в советское время.

Рассказывая об условиях труда женщин в промышленности, автор отмечает, что теперь, как и в сталинское время, женщины в Советском Союзе работают на самых тяжелых, часто вредных для здоровья и опасных работах. Тут же он говорит о том, что при его первых посещениях Советского Союза в начале двадцатых годов, эти виды труда, в частности подземная работа женщин в горной промышленности, при Ленине были запрещены, что является заслугой последнего. Однако автор упускает дополнить это последнее обстоятельство тем фактом, что работа женщин на тяжелых, вредных и ночных работах была уже запрещена в России фабрично-заводским законодательством в конце прошлого века, а в отношении подземных работ на шахтах также и обычным правом. Те, кому приходилось работать в двадцатых годах в шахтных районах, несомненно помнят ту борьбу, которая велась против этого обычая, когда доказывалось, что это и предрассудок, и суеверие, и дискриминация женщин, и нарушение принципа равноправия, пока, наконец, сопротивление шахтеров не было сломлено и женщину не загнали на подземные работы.

В разделах книги, посвященных культуре, автор пишет о столкновениях современной интеллигенции с официальной партийной линией, но находит возможность ставить чуть ли не на одну доску современную диктатуру с «тиранией» царского правительства, правда, оговариваясь, что тогда эта тирания не была столь жестокой. При этом автор упускает из виду такие «мелочи», как участие в Государственной Думе представителей социалистических партий и даже большевистской фракции, или что в России были возможны такие судебные процессы, как дело Веры Засулич или дело редактора «Былое» (В. Г. Короленко), возбужденное им против московского полицмейстера, рискнувшего конфисковать какой-то номер этого журнала. Процессы эти закончились вынесением оправдательного приговора за покушение на генерал-губернатора (дело Засулич), а по

делу журнала «Былое» ответственность была возложена на представителя власти.

Не имея возможности, по размерам журнальной рецензии, остановиться более подробно на других высказываниях автора, отметим только еще одно его утверждение. Автор полагает, что вся оппозиция в Советском Союзе ограничивается только кругами интеллигенции и только в области культуры. Это утверждение нельзя считать обоснованным. Автору, видимо, не приходилось сталкиваться с подпольным политическим сопротивлением, так как в тех кругах, в которых ему приходилось бывать, вряд ли можно было встретить представителей политического подполья. Но тот факт, что даже эта оппозиция в области культуры, с которой автор встречался и о которой он рассказывает, во многих случаях носит черты политической оппозиции, не заметить было все же нельзя.

Наконец, следует отметить, что некоторые примеры, приводимые автором как доказательство русского патриотизма в советских условиях, относятся фактически к представителям нерусских национальностей. Далее, некоторые примеры, приводимые как иллюстрация антисемитизма, фактически являются примерами из обычной практики террора КПСС против населения страны, что, конечно, не делает эту практику приемлемой и менее преступной.

Следует также отметить, что пользование термином «гетто» в применении к населенным местам с преимущественно еврейским населением в России является совершенно необоснованным, даже при наличии так называемой «черты оседлости». Более подробный разбор этой темы, однако, вывел бы нас за пределы настоящей рецензии и поэтому не может быть здесь приведен.

В заключение хотелось бы сказать, что символическое название книги «Дом без крыши» — надо понимать, видимо, так, что в Советском Союзе заложен фундамент, частично выведены стены здания «нового общества», но, в силу ряда причин, здание это еще не достроено, не подведено под крышу и при этом стены нередко еще, хотя бы частично, переставляются и перестраиваются. С такой трактовкой названия можно бы согласиться лишь с одним существенным дополнением, а именно: в этом доме без крыши стены приходится не столько перестраивать, сколько подпирать и укреплять из-за плохого, недоброкачественного фундамента, заложенного к тому же на ненадежном грунте. Фундамент дает все время осадки, стены трескаются и грозят обвалом, что и лишает возможности строителей достроить дом, подвести его под крышу. Достройку надо начинать с фундамента, т. е. с замены самих основ построения общества на более здоровых началах.

Заканчивая, выскажем пожелание, что, если в дальнейшем автор вернется к теме Советского Союза и проходящих в нем процессов, то те искажения, которые наблюдаются в настоящей его книге, мы надеемся, будут устранены, и тогда получится труд, действительно соответствующий незаурядным знаниям автором советской действительности.

С. Кирсанов

К читателям в Советском Союзе.

Страницы нашего журнала открыты для всех, кому дороги судьба и свобода России. Все, кто не может по политическим или иным причинам опубликовать свои статьи или очерки в Советском Союзе, имеют возможность переслать их в наш журнал.

Рукописи можно пересылать через моряков торгового флота, через туристов, приезжающих в некоμμунистические страны, и членов различных делегаций. Можно пересылать рукописи и через иностранцев.

На пакете, в который будет вложена рукопись, должен быть написан наш адрес, указанный ниже. Этот пакет может быть отправлен и без марки из любой некоμμунистической страны.

Шлите ваши отзывы о нашем журнале и ваши статьи.

Главный редактор Е. И. Гаранин.

Редакционная коллегия:

В. А. Кунгурцев, А. Н. Неймирок, Р. Н. Редлих,

Л. Ф. Федоров, о. К. Фотиев.

Адрес редакции:

„Naschi dni“ c/o Possev-Verlag, 6 Frankfurt am Main, Postfach 2786

West Germany

Druck: Possev-Verlag, V. Gorachek K. G., Frankfurt/Main.

Дорогие соотечественники в России и в эмиграции!

Больше десяти лет звучит в эфире голос радиостанции «Свободная Россия». Это единственная в мире, независимая российская радиостанция, защищающая интересы нашего народа. Возможно, вы слышали ее передачи. Она работает ежедневно на волнах 26, 31 и 47 метров. Так как ее постоянно глушат те, кто боится правды, нам приходится менять немного длину волны. Борьба с глушением можно только одним способом: усилением радиостанции. Но усиление требует больших средств, которых у нас нет. Наша станция не имеет государственных субсидий. Она существует на средства, собранные в эмиграции, среди советских граждан и среди иностранцев. Чтобы усилить станцию, этот сбор необходимо удвоить и утроить.

Мы обращаемся к вам с призывом — поддержать нашу радиостанцию материально и помочь нам усилить ее мощность.

Из Советского Союза можно пересылать рубли, негашеные советские почтовые марки, различные ценности. Все это можно передавать через едущих за границу друзей-моряков, через советских туристов, через иностранцев и пересылать по почте на различные иностранные адреса, взятые из прессы, с указанием, что посланное предназначается НТС для радио.

Дорогие соотечественники за рубежом! Жертвуйте на радиовещание НТС! Пожертвованные деньги на усиление нашего русского радио просим направлять по адресу:

Schweiz, Schweizerischer Bankverein, Basel, Konto Nr. 461 971,
с пометкой für NTS — „Freies Rußland“ или:

Deutschland, PschA Frankfurt/Main, Postscheckkonto Nr. 122002
(Rußländische Solidaristen — NTS e. V.), с пометкой
für Sender „Freies Rußland“.

Редакция радиовещания НТС

ГОВОРИТ РАДИОСТАНЦИЯ «СВОБОДНАЯ РОССИЯ»

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ВЛАСТИ

(Из апрельских радиопередач этого года)

Преемственность высшей власти в разных странах решается по-разному. Когда был убит президент Кеннеди, вопрос о преемнике вообще не возникал. Как только Кеннеди скончался, Линдон Джонсон принес присягу и стал президентом Соединенных Штатов. Никакой борьбы за власть не было. Америка знала, что ее государственный корабль ни на миг не останется без рулевого.

В Англии также не существует вопроса о преемственности. Эта преемственность власти обеспечивается королем или королевой. Если возникает правительственный кризис, король поручает составить новое правительство лидеру партии большинства.

Иное дело у нас. В нашей стране установлен режим однопартийной диктатуры. Полнота власти находится в руках главы партии. Так было при Ленине, так было при Сталине и так это есть сейчас. Глава партии не имеет, и не может иметь, наследника, который непременно будет его замещать. Сталин пытался создать такого наследника, но из этого ничего не вышло. Диктатор не имеет власти над будущим. С его смертью кончается его власть. Наследники Ленина не посчитались с его завещанием и не убрали Сталина, как этого требовал Ленин. Наследники Сталина не посчитались с волей Сталина и не признали Маленкова преемником сталинской власти.

После смерти коммунистического диктатора неизбежно возникает жесточайшая борьба за пост главы партии, то есть за высшую власть. Так было после смерти Ленина, так было и после смерти Сталина. Хрущев выбился на верх после длительной борьбы, полной интриг и заговоров. Только спустя пять лет после смерти Сталина Хрущеву удалось ликвидировать пресловутое «коллективное руководство» и сосредоточить важнейшие линии высшей власти в своих руках.

Но после смерти Ленина и Сталина вопрос о преемственности власти решить было все же легче. Ленин оставил после себя таких выдающихся деятелей партии, как Троцкий, Бухарин, Каменев, Зиновьев. После смерти Сталина людей этого уровня не осталось. Но все же были такие известные имена, как Молотов, Маленков, Каганович...

Иное дело сегодня. Хрущева окружают вполне бесцветные фигуры. Микоян, Суслов, Куусинен, Шверник — люди конченные и о них говорить не стоит. Косыгин и Устинов — специалисты-исполнители. Брежнев и Подгорный — тупые партийные дубины. Полянский, Ильи-

чев, Шелепин — люди второго эшелона и претендовать на высшую власть не могут. Оказалось, что безыдейная партия неспособна выдвинуть новых вождей. Это создаст неизбежный кризис власти, когда Хрущева не станет. В стране возникнет особая ситуация. Какое-то время высшая власть будет лежать на улице. И задача будет заключаться в том, чтобы эту власть сумел во время взять в свои руки народ.

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ ХРУЩЕВА

Семьдесят лет — бесспорно пенсионный возраст. В семьдесят лет пора подумать о близкой смерти, подвести жизненные итоги. В семьдесят лет пора спросить себя и людей, что сделано, как сделано, правильно или неправильно прожита жизнь?

Последние годы Сталина были самыми мрачными годами его мрачной жизни. До последнего вздоха тиран не знал покоя. До последнего дня боялся воображаемых заговоров. До последнего дня терроризировал огромную страну.

И до последнего дня наслаждался выдуманной славой универсального гения. Псучал, и вещал, и плавал в облаках «культы», беззастенчивой и пошлой лести, в которой сильное участие принимал и нынешний юбиляр, Хрущев.

Уж кому-кому, а Хрущеву-то хорошо известно, что стоит слава тирана. Рассказывают, что в веселую минуту Сталин любил смотреть, как немолодой тогда Хрущев пляшет перед ним казачка. И, ничего, Хрущев охотно плясал.

Жизненный путь Хрущева — это жизненный путь тирана: от подпаса и разнорабочего к диктатору могущественной державы. Из безвестности на вершину «культы». Такой путь проделали до него и Сталин, и Гитлер. В конце такого пути тиран получает власть лгать от имени поработанного народа. В эту власть он вцепляется мертвой хваткой.

От этой власти не уходят на пенсию. С такой властью не приходится думать ни о спокойной старости, ни о посмертной славе.

Кто помянет ныне добрым словом Сталина или Гитлера?

Вот почему Хрущев будет посылать на пенсию других, но сам на пенсию не пойдет, сам останется у власти до последнего вздоха.

Вздох этот не за горами. Бессмертных диктаторов нет, как нет и бессмертной диктатуры.

Семидесятилетний юбилей сталинского наследника Хрущева ставит перед Россией вопрос: А что будем делать, когда Хрущева не станет?

